

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА. ЧАСТЬ 2

Петр Андреевич Вяземский
Старая записная
книжка. Часть 2
Серия «Старая записная
книжка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24512297

Аннотация

«Милостивый государь! Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности, и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руках, с желанием писать. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли. Я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком...»

Содержание

Книжка 1. (1813–1819)	8
Книжка 2. (1813–1855)	16
Книжка 3. (1818–1828)	90
Книжка 5. (1825–1831)	126
Книжка 6. (1828–1830)	153
Книжка 7. (1829)	165
Книжка 8. (1829–1830)	166
Книжка 9. (1832–1833)	232
Книжка 10. (1834–1835)	236
Книжка 11. (1838–1860)	249
Книжка 12. (1838–1843)	320
Книжка 13. (1849–1851)	322
Книжка 14. (1850, 1852, 1861)	329

Петр Вяземский

Старая записная книжка. Часть 2

Предисловие издателя Собрания сочинений П.А. Вяземского в 12-ти томах. СПб. 1878-1896:

IX том собрания сочинений, составляющий книжки 1-14 за 1813-1852 годы

В настоящем IX томе *Полного Собрания Сочинений князя П.А. Вяземского* начинается печатание доселе еще неизданных записных его книжек, коих в Остафьевском архиве сохранилось числом тридцать семь. Этот род своих произведений князь Вяземский назвал *Старой Записной Книжкой* и под заглавием «Выдержек» из нее печатал в *Московском Телеграфе* Полевого, в *Северных Цветах* барона Дельвига и в изданиях П.И. Бартенева *Русском Архиве* и *Девятнадцатом Веке*. Все напечатанное в этих изданиях вошло в VIII том *Полного Собрания Сочинений*.

Князь Вяземский не писал своих мемуаров методически, не вел аккуратно своих дневников; но то и другое заменяли у него письма и издаваемые ныне записные книжки. По внесенным в них первым записям они располагаются в следую-

цем хронологическом порядке:

Книжка 1-я (1813-1817).

Книжка 2-я (1813, сюда вошли и позднейшие записи).

Книжка 3-я (1818-1828).

Книжка 4-я (1823).

Книжка 5-я (1825-1827).

Книжка 6-я (1828-1833).

Книжка 7-я (1829).

Книжка 8-я (1829-1830).

Книжка 9-я (1832).

Книжка 10-я (1834-1835).

Книжка 11-я (1838, в двух частях).

Книжка 12-я (1838, 1840, 1843).

Книжка 13-я (1849-1851).

Книжка 14-я (1850, 1852, 1861).

В X том войдут:

Книжка 15-я (1853).

Книжка 16-я (1853).

Книжка 17-я (1853).

Книжка 18-я (1853, 1854, 1856).

Книжка 19-я (1854).

Книжка 20-я (1854-1855).

Книжка 21-я (1854-1856).

Книжка 22-я (1855).

Книжка 23-я (1857).

Книжка 24-я (1858).

Книжка 25-я (1858-1859).

Книжка 26-я (1859-1860).

Книжка 27-я (1859-1861).

Книжка 28-я (1863-1864).

Книжка 29-я (1864 и последовавших годов).

Книжка 30-я (1864 – 1865, в двух частях).

Книжка 31-я (1869).

Книжка 32-я (1875-1877).

На переплете последней книжки рукой автора написано:
Не раскрывать до моей смерти.

Нужно при этом заметить, что некоторыми из старых книжек князь Вяземский пользовался для внесения в них новых записей.

Многому из этих записных книжек еще не наступило время для обнародования, и это *многое* послужит со временем одним из важнейших источников не только для биографии князя Вяземского, но и для истории русского общества и русского просвещения.

В своем Послании к ее величеству королеве Виртембергской Ольге Николаевне князь Вяземский сам определяет

значение и содержание своей Старой Записной Книжки:

...Годов и поколений много,
Я пережить уже успел,
И длинную своей дорогой
Событий много подсмотрел.

Талантов нет во мне излишка,
Не корчу важного лица;
Я просто *Записная Книжка*,
Где жизнь играет роль писца.

Тут всякой всячины не мало
С бездельем дело, грусть и смех,
То похвала, то шутки жало,
Здесь неудача, там успех.

Вы с ласковым долготерпеньем,
С обычной прелестью своей,
Внимали разным откровеньям
Болтливой памяти моей.

Все перед Вами развивалось
Событья, люди, все что мог
Собрать я, все что записалось
В мой Календарь и Каталог.

6 января 1884 г. С.-Петербург.

Книжка 1. (1813–1819)

Милостивый государь! Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности, и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставляло меня с пером в руках, с желанием писать.

Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли. Я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком.

В унынии я уже прощался с надеждой сказать о себе некогда хоть пару слов типографиям, прощался с надеждой получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: журналы! вестники! Мне навсегда закрыты к вам пути! Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных билетах, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородной страстью напоминать о себе вселенной!

Наконец, последняя книжка *Вестника Европы* под № 22 оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарей надежды и удовольствия. Мне открылась воз-

возможность приносить иногда жертвы на алтаре журналов: ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которыми, признаюсь вам чистосердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял необоримому желанию чернить белую бумагу.

Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему несколькими тысячами душ.

Кто-то сказал, что когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения, дайте мне место в *Вестнике*, и я тогда с восторгом благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: *я нашел человека!*

Приказ Семену Гаврилову

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится яснее и приятнее, и что ты начинаешь знать, где ставится с и е. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду прислал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее перед миром, и который с удивительным

своим дарованием грешит всегда против сих букв.

Но зато недоволен я твоими расходами; они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилович! Это стоит с, пекись о нем, но пекись и о доходах. Помни мое наставление: соединяй полезное с приятным. Притом же буква с гораздо милее в доходах, чем в расходах.

Еще одно слово: твой слог всегда шероховат; а сколько раз сказывал я тебе не брать себе в пример Шихматова. Вели мелом написать на дверях приказной избы:

Смотри, чтоб гласная спеша не спотыкнулась,
И с гласного другой в дороге не столкнулась!
Ты мягкие слова искусно выбирай,
А от сиянья злых как можно убегай.

И всякий раз, что возьмешь перо в пальцы, прочитывай три раза эти прекрасные строки, находящиеся в *Науке о Стихотворстве*, сочиненной Буало Депрео, и которую по дружбе своей к нему граф Дмитрий Хвостов сделал одолжение перевести с французского.

В прочем я здоров, но только немного простудился на днях в Беседе. Надеюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатанного, и тогда обещаюсь вам снять с вас оброк на два месяца, а если напишется много, то и на три. Молитесь Богу о том; вы, верно, не усердные воссылаете молитвы, потому что вот уже шестой год как я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинил. Но я не теряю надежды

и жду помощи от Бога. Сенатор Захаров до старости не писал стихов, а теперь вдруг написал оду, из которой можно сделать по крайней мере шесть.

Высылай скорее денег, я должен книгопродавцу 100 рублей и он мне отдыха не дает. Ты знаешь, как я люблю и уважаю книгопродавцев. Страшись моей к ним любви.

* * *

Из второго света

(Мое письмо к Тормасову, на маскараде, данном Прасковьей Юрьевной Кологривовой, в Москве)

Так как у нас календари не в употреблении, то незначаю ни числа, ни года.

От великого князя Георгия Владимировича, первопрестольные столицы градоначальнику графу Александру Петровичу Тормасову Грамота:

До меня дошло известие, что благополучно царствующий ныне потомок наш тебе вверил управление любезного сердцу моего города. Поздравляю и тебя с честью начальствовать в городе, освященном знаменитыми происшествиями, испившем несколько раз погибающее отечество и жителей его, которыми предводительствует вождь, поседевший под зна-

менами победы.

Построивши на берегах Москвы и Неглинной несколько деревянных лачуг, не думал я, что городок мой возрастет до высшей степени величия, на котором красуется теперь Москва, и станет наряду с богатейшими столицами света. Так, слава российского оружия, осветивши при начале своем соседние края, в участливые дни вашего столетия озарила отдаленнейшие земли и горит в глазах света незаходящим солнцем. С радостью услышали мы, что ревностное усердие твое восстановить город, на который обрушился жестокий и сильный неприятель, венчается успехом и что уже едва приметны следы пламенной войны.

Спасибо тебе за это! Москву надобно поддерживать и обогащать. Свое худо хвалить; но назло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России – Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он, может быть, и раскаивается, что затеял золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мной. Дело сделано. Дай Бог цвести в красоте и славе Петрограду (воля ваша, мы здесь старые русаки, не можем приучиться русский город называть немецким именем); но дай Бог здоровье и матушке Москве!

Признаюсь тебе в малодушии своем: охотно бы оставил я на некоторое время блаженное спокойствие, которым мы наслаждаемся, чтобы прийти поглядеть на свой городок, который, вероятно, не признал бы меня, так как и я узнал бы его

по одним догадкам или предчувствиям родительского сердца. Охотно бы согласился, платя дань времени, нарядиться в кургузое ваше платье, хотя бы и не пришло оно ко мне к лицу и, переменяя ночь на день, на масленице поглядеть на ваши игрища и полюбоваться красавицами и уважением, которым награждаются твои достоинства.

Сплетники нашего мира, потому что они и здесь завелись от вас, сказывали нам, что звание московского начальника недолговечное и что место это шаткое; но мы надеемся, что ты опровергнешь своим примером дурное обыкновение и увековечишь себя на этой степени так, что и после тебя будут прозывать хорошего начальника Москвы другим Тормазовым.

Бью челом и желаю тебе здоровья и хорошего продолжения хорошего начала.

* * *

И. И. Дмитриеву

Именем Лафонтена и всей шайки избранных писателей, отпущенных на упокой, делаю вам строгие укоризны за то, что вы покинули наше ремесло, которое поддерживалось вами в России.

Когда важнейшие занятия оспаривали право на ваше время и отечество требовало от вас иных услуг – мы молчали. Но теперь, когда отдых заменил деятельную и полезную жизнь, с горем и негодованием видим в вас неверного брата. Удовлетворите скорее справедливому требованию нашему и примите жезл владычества, похищенный в междуцарствие лжецарями.

По старшинству лет ваш учитель, а по старшинству дарований ученик – Хемницер. Поля Елисейские.

* * *

Письмо (При посылке басен)

Покойный батюшка, учитель в здешней народной школе, писал стихи, но не отдавал их в печать потому, что несмотря на благодетельные следы отечественного просвещения, из российских городов не более десяти пользуются типографиями, а наш принадлежит к тому числу, который довольствуется читать еще по рукописям. Не худо, мне кажется, было бы выслать к нам из столиц отчаяннейших мучителей печати; пускай бы они здесь посидели на рукописном прокормлении, авось отстали бы от охоты прибираться слова к словам.

Но дело не о том, любимый род батюшки были притчи.

Он часто говаривал: кто что ни сказывай, а скотов легче заставить говорить, чем людей. По крайней мере, не взыщут, если за них проврешься.

Притчи его, переписанные за несколько дней до кончины, были приумножены посвящением, но к кому, не знаю. Признаюсь в своем невежестве, я не батюшкин сын: он смотрел всегда в книги или на бумагу, матушка за учениками, которые были поболее ростом, а я за гусями, которыми город наш гораздо богаче, чем людьми. Оттого родитель мой мне никогда и не сказывал о своих упражнении, и я никогда и не спрашивал о них.

Однако же в завещании родительском нашел его желание, чтобы все бумаги были пересланы в Петербург.

Один проезжающий сказывал мне на днях, что недавно учрежден комитет опекуства о арзамасских гусях наподобие того, который учрежден о жидах. Сему радостному известию обязан я сыновним удовольствием исполнить последнюю волю покойного родителя и просить вас принять под свое покровительство притчи, единоплеменные гусям, с которыми совокупно повергаясь к ногам вашим, с истинным высокопочитанием пребуду навсегда ваш нижайший слуга Ефрем Гусин.

Арзамас.

1-го апреля 1817 г.

Книжка 2. (1813–1855)

Остафьево, 5 августа 1813 г. Княжнин и Фон-Визин хотя и уважали друг друга, позволяли себе, однако же, шутить иногда один насчет другого. «Когда же вырастет твой Рослав? – спросил Фон-Визин однажды. – Он все говорит я *росс*, я *росс*, а все-таки он очень мал». – «Мой Рослав вырастет, – отвечал Княжнин, – когда вашего *Бригадира* пожалуют в генералы».

* * *

Многие не признают в Вольтере лирического дарования: но ода его на смерть императора Карла VI служит, мне кажется, убедительным опровержением сего несправедливого мнения.

Il tombe pour jamais, ce cedre, dont la tete
Defia si longtemps les vents et la tempete,
Et dont les grands rameaux ombrageaient tant d'etats

(Он пал навсегда, этот кедр,
Глава которого так долго противостояла ветрам и буре
И чьи большие ветви бросали тень на столько
государств...)

И выражение, и самый механизм стихов означают лирика. По мне, в сей оде гораздо больше лирической поэзии, чем в оде Руссо *К Фортуне* и во всех торжественных одах Ломоносова.

* * *

Херасков в одном из примечаний к поэме *Пилигримы* говорит: «Брут, дерзкая трагедия Вольтера». Его трагедии не имели этой дерзости.

* * *

Озеров за первые свои успехи на театре должен был заплатить терпением и твердостью. Эдип, Фингал, Димитрий навлекали ему постоянно новых врагов. Поликсена вооружила всю сволочь на него, и он был принужден укрыться в Казань от своих бешеных зоилов. Он может сказать с Вольтером: «Si j*i* fais encore une tragedie ou mirai je». (Если я напишу еще трагедию, куда мне бежать?)

* * *

– Знаете ли вы Вяземского? – спросил кто-то у графа Го-

ловина.

– Знаю! Он одевается странно. – Поди после гонись за славой! Будь питомцем Карамзина, другом Жуковского и других ему подобных, пиши стихи, из которых некоторые, по словам Жуковского, могут называться образцовыми, а тебя будут знать в обществе по какому-нибудь пестрому жилету или широким панталонам!

– Но это Головин, – скажете вы.

– Хорошо! Но, по несчастью, общество кишит Головинами.

* * *

Язык нашей Библии есть сербский диалект IX века. У них и до сей поры говорится: *хлад*, *град*, *глад*.

* * *

У нас прежде говорилось: *воевать неприятеля*, *воевать землю*, *воевать город*; воевать кого, а не с кем. Принятое ныне выражение двоемысленно. Воевать с пруссаками может значить вести войну против них, и с ними заодно против другого народа. Желательно было бы, чтобы изгнанное выражение получило снова право гражданства на нашем языке.

Сколько еще подобных выражений, слов значительных,

живописных, оторванных от нашего языка не прихотливым, своенравным употреблением, но просто слепым невежеством. Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена. Не всякий имеет средство рыться в летописях, единственном хранилище богатства нашего языка, не всякий одарен потребным терпением и сметливостью, чтобы отыскать в них то, что могло бы точно дополнить и украсить наш язык.

Богатство языка не состоит в одном богатстве слов. Шихматов, употребив несколько дюжин или вовсе новых, или не употребляемых слов в своей лирической поэме, не обогатил нимало *казны* нашего языка. Бедняк нуждается хлебом, а скупец дает ему лед, оставшийся у него в погребе. Мне кажется, что Николай Михайлович, познакомивший нас со славою предков, должен был бы, оставя на время блестящее свое поприще для поприща тернистого и скучного, но не менее полезного согражданам, утвердить наш язык на незыблемых столбах не одним практическим упражнением, но теоретическим занятием. Критически исследовав деяния предков, исследовал бы он критически и язык их. Светильник истории осветил бы ему и мрак словесности и, озаряя нас двойным сиянием, рассеял бы он ночь невежества, в которой бродим мы по отечественной земле, нам незнакомой.

* * *

В женщинах мы видим торжество *силы слабостей*. Женщины правят, господствуют нами, но чем? Слабостями своими, которые нас привлекают и очаровывают. Они напоминают ваяние, представляющее Амура верхом на льве. Дитя обуздывает царя зверей.

* * *

«Прекрасный критик, – говорит Вольтер, – должен был бы быть художником, обладающим большими знаниями и вкусом, без предрассудков и без зависти. Такого критика трудно найти». О критике такого человека нельзя бы сказать:

La critique est aisee et l'art est difficile. (Критика легка – искусство трудно.)

* * *

Война 1812 года была так обильна спасителями Москвы, Петербурга, России, что истинному спасителю пришлось сказать: *Parmi tant de sauveurs, je n'ose me nommer*. (Не позволю присоединить к ним и свое имя.)

* * *

Туманский, издатель *Зеркала света* и *Лекарства от скуки и забот*, с товарищем своим Богдановичем (Богданович этот не был дядя *Душеньки* и вовсе не родня поэту) заспорили однажды в ученом припадке о слове *починить*, т. е. исправить. Туманский говорил, что надо писать *подчинить*. Богданович осмеливался уверять его, что пишется *починить*. Прибегли к третьему лицу, решившему их ученое прение.

Этот Туманский был после цензором и входил в доносы на Карамзина.

* * *

Дмитриев, жалуясь на Пименова (переводчика Ларошфуко и последнего питомца князя Б.Голицина), который посещал его довольно усердно – сидит два часа и ни слова не промолвит, – говорил, что он приходит держать его под караулом. Лебрэн о парижских Пименовых сказал:

O! la maudite compagnie
Que celle de certains focheux
Dont la nullite vous ennuie:
On n'est pas seul, on n'est pas deux.

(О, будь проклято общество несносных людей, ничтожество которых вам досаждают: вы и не в одиночестве, и не вдвоем.)

* * *

Тончи, сей живописец-поэт, соединивший замысловатую игривость итальянского воображения со смелостью и откровенностью гения древних, хотел изобразить Ахилла невредимым, но однако же без всех принадлежностей его. Он на охоте: Харон толкует ему свойства разных трав; Ахилл слушает его, опершись локтем на острие стрелы. Конец стрелы дотрагивается его руки, но не уязвляет, не входит в тело.

* * *

Говоря о блестящих счастливицах, ныне окружающих государя, я сказал: от них несет ничтожеством.

* * *

Головы военной молодежи ошалели и в волнении. Это волнение – хмель от шампанского, выпитого на месте в 1814 году. Европейцы возвратились из Америки со славою и болезнью заразительной. Едва ли не то же случилось с нашей

армией. Не принесла ли она домой из Франции болезнь нравственную, поистине *французскую болезнь*.

Эти будущие преобразователи образуются утром в манеже, а вечером на бале.

* * *

Апраксина называет нынешних генерал-адъютантов военными камергерами, а флигель адъютантов – военными камер-юнкерами царского двора.

* * *

Волконский – Перекусихина нашего времени: он пробует годных в флигель-адъютанты.

* * *

Желтый Карла может научить шутить забавно: наша молодежь учится по нему тайнам государственных наук. Это *Кормчая книга* наших будущих преобразователей.

* * *

Куракина собиралась за границу.

– Как она не вовремя начинает путешествие, – сказал Растопчин.

– Отчего же? Европа теперь так истощена.

* * *

Карамзин говорит, что в наше время промышляют текстами из Священного Писания. Он же говорит, что те, которые у нас более прочих вопиют против самодержавия, носят его в крови и в лимфе.

* * *

Свободные мысли бывают у многих последним усилием и последним промыслом рабства и лести. Смотри *Северную Пчелу*.

Дмитриев так переводит стих Вольтера *Nous avoms les ramparts, nous avons Ramroneau* – У нас есть вал тверской, у нас есть и Валуев.

* * *

Кажется, Полетика сказал: в России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение.

* * *

Как странна наша участь. Русский силился сделать из нас немцев, немка хотела переделать нас в русских.

* * *

Общее и разница между Москвой и Петербургом в следующем: здесь умничает глупость, там ум вынужден иногда дурачиться – под стать другим.

* * *

Фома Корнелий терял от брата Петра: от его имени ожидали совершенно великого. Глинка – русский офицер обязан брату, *Русскому Вестнику*, от его имени ожидали совершенно пошлого, и ожидание не вовсе оправдано.

* * *

Алкивиад отрубил хвост у своей собаки, чтобы дать пищу толкам черни и отвлечь ее внимание от настоящих его занятий. Поступки и слова Суворова, которые он пускал по городу, были его собака без хвоста. Нет ли больше хвастовства,

чем ума, в этой поддельной жизни некоторых умных людей? К чему уловки хитрости Геркулесу, вооруженному палицей? Постоянная мысль – все побеждающая палица умственного силача.

* * *

Суворов говаривал: тот уже не хитрый, о котором все говорят, что он хитер.

* * *

Тот, который из тщеславия выказывает свою хитрость, похож на человека искусно замаскированного, но из хвастовства показавшего себя без маски, и опять ее надевающего с надеждой обманывать.

* * *

В свете часто скрытность называют хитростью. Разве можно назвать молчаливого лжецом, потому что он правды не говорит?

* * *

Дмитриев говорит, что с той поры, как у нас духовные писатели стараются подражать светским, светские просятя в духовные.

* * *

Кажется, Шамфор говорил Рюльеру: дай срок, и мы ни одного слова невинным в языке не оставим. У нас Попов говорит князю Голицыну: дайте срок, ваше сиятельство, и мы ни одного текста живым не оставим.

* * *

Не довольно иметь хорошее ружье, порох и свинец: нужно еще искусство стрелять и метко попадать в цель. Не довольно автору иметь ум, мысли и сведения, нужно еще искусство писать. Писатель без слога – стрелок, не попадающий в цель. Сколько умных людей, которых ум вместе с пером притупляется. Живой ум на бумаге становится иногда вялым, веселый – скучным, едкий – приторным.

* * *

Мольер писал портреты мастерской кистью; о целых картинах его нельзя того сказать.

* * *

Хитрость – ум мелких умов. Лев сокрушает; лисица хитрит.

* * *

Линде полагает весьма вероятную причину единству сходства, заметному во всех именах дней недели на всех языках славянского племени и, напротив, разнообразию и смешению в именах месяцев. Первые не зависят от климата и могли остаться как были. Вторые по рассеянию славянских народов должны были соотнобразяться у каждого из них с климатом той страны, на которой они поселились.

* * *

При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о женовских возмущениях. «Да перестаньте, – сказал он, – го-

ворить о буре в стакане воды». Павел мерил на свой аршин.

* * *

Иные люди хороши на *одно время*, как календарь на такой-то год: переживши свой срок, переживают они и свое назначение. К ним можно после заглядывать для справок; но если вы будете руководствоваться ими, то вам придется праздновать Пасху в страстную пятницу.

* * *

По первому взгляду на рабство в России говорю: оно уродливо. Это нарост на теле государства. Теперь дело лекарей решить: как истребить его? Свести ли медленными, но беспрестанно действующими средствами? Срезать ли его разом? Созовите совет лекарей: пусть перетолкуют они о способах, взвесят последствия и тогда решитесь на что-нибудь. Теперь, что вы делаете? Вы сознаетесь, что это нарост, пальцем указываете на него и только что дразните больного тогда, когда должно и можно его лечить.

* * *

Законодатель французского Парнаса и, следственно, по-

что всего европейского сказал: Un sonnet sans defect vaut seut un long poeme. (Безупречный сонет стоит целой поэмы.)

Теперь и в школах уже не пишут сонетов. Слава их пала вместе с французскими кафтанами. Условная красота имеет только временную цену. Хороший стих в сонете перейдет и к потомству хорошим стихом; но сонет, как ни будь правилен, оставлен без уважения.

Сколько в людях встречалось *сонетов!* Острое слово, сказанное остряком, не состарилось, но сам остряк пережил себя и не имеет уже почетного места в обществе.

* * *

Увядаящая красавица перед цветущей не так смешна, как старый остряк перед новым. Мне сказывали, что в Берлине, во время эмиграции, Ривароль так заметал в обществе старика Буфлера, что тот слова не мог высказать при нем. Батюшков говорит о Хвостове Александре: он пятьдесят лет тому назад сочинил книгу ума своего и все еще по ней читает.

* * *

«Не завидуйте времени», – сказал Неккер в речи своей при открытии генеральных штатов.

* * *

...Возьмите слово *добродетель*; оно мнимый знак той мысли, которую обязано выразить. *Добродетели* должно бы иметь равное значение со словом *благодетель*. Одно время определяет, почитать ли слово фальшивой ассигнацией или государственной. Разумеется, что есть люди, предопределяющие определение времени. Пример их – право для современников и закон для потомства.

* * *

Вот доказательство истины замечания моего на слово *добродетель*. Сын Константина Павловича в чтениях своих сбивается в его смысле и всегда принимает в значении *добро-го человека*, потому что слова *благодетель*, *содетель*, *свидетель* ему, вероятно, прежде стали известны.

* * *

Татищев в своем словаре 1816 года говорит: Cartesianisme: Картезианизм учение *Картезия*, его философия. Зачем не Декарта?

* * *

Тут же folliculaire: издатель периодических сочинений, журналов, газет; *страдающий желчью*. Откуда он это взял? Разве с Каченовского.

* * *

Везде обнаруживается *какая-то* филантропия, говорил Карамзин в статье: *О верном способе*. Если хотел бы с умыслом сказать на смех, то лучше нельзя.

Теперь везде обнаруживается *какая-то* набожность и *какая-то* свободномысленность.

* * *

Мы видим много книг: *нового издания, исправленного и дополненного*. Увидим ли когда-нибудь *издание исправленное и убавленное*. Такое объявление книгопродавцев было бы вывеской успехов просвещения читателей.

Галиани пишет: «Чем более стареюсь, тем более нахожу что убавить в книге, а не что прибавить. Книгопродавцам расчет этот не выгоден; они требуют изданий дополненных, и глупцы (потому что одни глупцы наперехват раскупают кни-

ги) того же требуют».

* * *

«Вы говорите о падении государств? Что это значит? Государств не бывает ни на верху, ни на низу, и не падают; они меняются в лице (*ils changent de physionomie*); но толкуют о падениях, о разрушениях, и эти слова заключают всю игру обманчивости и заблуждений.

Сказать: фазы государств (изменений) – было бы справедливее. Человеческий род вечен, как луна, но показывает иногда нам то одну сторону, то другую, потому что мы не так стоим, чтобы видеть его в полноте. Есть государства, которые красивы в ущербе, как французское государство; есть, которые будут хороши только в истлении, как турецкое; есть, которые сияют только в первой четверти, как иезуитское. Одно государство Папское и было прекрасно в свое полнолуние». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

«О достоинстве человека его век один имеет право судить, но век имеет право судить другой век. Если Вольтер судит человека Корнеля, то он нелепо завистлив; если он судил век Корнеля и степень тогдашнего драматического искусства, то

мог он; и наш век имеет право рассмотреть вкус предыдущих веков.

Я никогда не читал примечаний Вольтера и Корнеля, хотя они на парижских каминах торчали у меня в глазах, когда вышли. Но мне раза два приходилось, в забывчивости, раскрывать книгу, и каждый раз бросал я ее с негодованием, потому что попадал на грамматические примечания, уведомляющие меня, что такое-то слово или выражение Корнеля не по-французски.

Также глупо было бы уверять меня, что Цицерон и Вергилий, хотя итальянцы, не так чисто писали по-итальянски, как Боккачио и Ариост. Какое дурачество! Каждый век и каждая земля имеют свой живой язык, и все равно хороши. Каждый пишет на своем.

Мы не знаем, что поделается с французским, когда он будет мертвым; но легко случиться может, что потомство вздумает писать по-французски слогом Монтеня и Корнеля, а не слогом Вольтера. Мудреного бы тут ничего не было. Полатыни пишут по слогу Плавта, Теренция и Лукреция, а не по слогу Пруденция, Сидония Аполинария, и проч., хотя, без сомнения, римляне были в IV веке более сведущи в науках астрономии, геометрии, медицине, литературе, чем во времена Теренция и Лукреция. Это зависит от вкуса; а мы не можем предвидеть вкусы потомства, если при том будет у нас потомство и не вмешается всеобщий потоп». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

«В Париже философы растут на открытом воздухе, в Стокгольме, в Петербурге – в теплицах, а в Неаполе возвращают их под навозом: климат им неблагоприятен». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

Не благотворите полякам на деле, а витийствуйте им о благотворении. Они так дорожат честью слыть благородными и доблестными, что от слов о доблести и мужестве полезут на стену...

И добродетели-то их все театральные! Оно не порок и показывает по крайней мере если не твердые правила, то хорошее направление. Робость, которая платит дань почтения мужеству, порок, который признает достоинство добродетели...

Наполеон совершенно по ним. Они всегда променяют солнце на фейерверк. Речь, читанная государем на сейме, дороже им всех его благодеяний. Бей их дома как хочешь, только при гостях будь с ними учтив. Нельзя сказать, что они *словолюбивы*, а *успехолюбивы*. Им не в том, чтобы дома быть счастливыми, а в том, чтобы блеснуть пред Европой. Поли-

тические Дон-Кихоты.

* * *

Величайшим лирическим поэтом и лучшим полководцем у греков были беоциане, а однако же обвиняли этот народ в глупости! Оттого ли, что не умели оценить сих двух великих мужей? (Мюллер. «Всеобщая история».)

* * *

Пугливые невежды – счастливое выражение Ломоносова (Петр Великий).

Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды.

* * *

«Раздавая места, они меньше заботились об интересах государства, чем о потребностях просителя». Можно подумать, что Мюллер не о персидской монархии говорит, а о нас. Сколько у нас мест для людей, и как мало людей на месте.

* * *

«Было волнение, но не было беспорядка, и обычное брожение свидетельствовало только о жизни политического тела» (Мюллер).

* * *

Quiris – дротик Сабинов, употребляемый после римлянами и доставивший им название квиритов (Muller).

* * *

Не употребляйте никогда нового слова, если нет в нем сих трех слов: быть нужным, понятным и звучным. Новые понятия, особенно же в физике, требуют новых выражений. Но заместить слово обычное другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить (Вольтер).

* * *

«Излишнее подражание гасит гений» (Вольтер).

* * *

Иные думают, что кардинал Мазарини умер, другие, что он жив, а я ни тому, ни другому не верю.

* * *

Вместо того, чтобы уничтожать страсти, стоикам надлежало бы управлять ими. Преподавая учение, слишком недоступное для людей обыкновенных, стоическая нравственность образовала лицемерие и возбудила сомнение в возможности достичь до столь высокой добродетели. Метафизика сих философов была слишком холодна; они разливали большой свет на нравственные истины, но не умели запалить чистый пламень, который пожирает зародыш пороков. Учение стоиков, оковывая страсти молчанием, без сомнения утверждало владычество рассудка; но оно не могло приверженцам своим внушить силу души, которая приводит в действие, и гибкость, приучающую подаваться обстоятельствам; и варвары, завоевавшие Италию, нашли в ней людей, или ослабленных крайностью безнравственности, или граждан честных, но бессильных и не смелых (Muller).

* * *

Юлий Кесарь говорил о неприятеле своем Цицероне, что «расширить пределы человеческого ума – славнее, чем расширить пределы владений тленного».

* * *

«Будь счастлив как Август и добродетелен как Троян» – было в продолжении двух веков обыкновенное императорам приветствие от сената.

* * *

Один умный человек говорил, что в России честному человеку жить нельзя, пока не уничтожат следующих приговорок: «Без вины виноват», «Казенное на воде не тонет и в огне не горит», «Все Божие да Государево».

* * *

«Близ царя, близ смерти». Честь царю, если сия пословица родилась на войне! Горе, если в мирное время!

* * *

Ум любит простор, а не цензуру.

* * *

О девице NN говорят на всякий случай, что она замужем.

* * *

Какие трудности представились Екатерине II при вступлении ее на престол по крутой кончине Петра III! Как она долго колыхалась! Малейшее дуновение могло ее повалить. Она искренне и крепко оперлась на народ, и с той поры все грозы были бы против нее бессильны. Ее престол, поддерживаемый миллионами людей, убежденных в выгоде его поддерживать, должен был быть неколебим и независим. Вот что княгиня Дашкова, ее приятельница, называла довольно забавно: «обрезать помочи настоящим ножом».

* * *

Август, будучи в Египте, велел раскрыть гробницу Александра. Его спросили, не хочет ли он раскрыть и гробницы

Птоломеев. «Нет! – отвечал он, – я хотел видеть царя, а не мертвецов!»

* * *

Сытый Сганарель думал, что вся его семья пообедала.

* * *

Феопомпий, Спартанский царь, первый присоединил эфоров к отпращиванию государствования; испуганное его семейство, говорит Аристотель, укоряло его в ослаблении могущества, предоставленного ему предками. «Нет! – отвечал он, – я передам его еще в большей силе преемникам, потому что оно будет надежнее».

* * *

Цари не злее других людей. Доказательство тому, что обыкновенно обижают они тех, которых не видят, чтобы угодить тем, которых видят. Несчастье в том, что ими видимые составляют малое количество, а невидимые толпу. Перенесите положение, и последствие будет иное. Царь посреди своего двора: он благодетельствует двору в ущерб народу. Поставьте его посреди народа, он будет покровительствовать

народу, но не двору («Minerve Francaise» Бенжамена-Констана).

Беклешов толковал таким образом происхождение слова: *таможня – там можно.*

* * *

Французская острота шутит словами и блещет удачным прибором слов. Русская – удачным приведением противоречащих положений. Французы шутят для уха, русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру. Наши шутки все в лицах.

Русский народ решительно насмешлив. Послушайте разговор передней, сеней: всегда есть один балагур, который цыганит других. При разъезде в каком-нибудь собрании горе тому, коего название подается на какое-нибудь применение. Сто голосов в запуски перекрестят его по-своему. Прислушайтесь в ареопаге важных наших сенаторов и бригадиров: они говорят о бостоне или о летах, и всегда достается несколько шуток на долю старшего или проигравшего; шуток не весьма ценных, но доказывающих, по крайней мере, что шутка – ходячая монета у этих постных лиц, кажется, совсем не поместительных для улыбки веселости. Острословие крестьян иногда изумляет. Менее и хуже всех шутят наши комики.

* * *

Разговорные прения в гостиницах, за круглым столом, в толпе слушателей нетерпеливых не выслушать, а перебить вас, *сказать свое мнение*, где часто поборник ваш не только вас не слушает, но и не слышит... Вы пускаетесь не так, как в дорогу, чтобы от одного места дойти до другого, но как в прогулку. Дело не в том, чтобы дойти до назначенного места, а в том, чтобы ходить, дышать свежим воздухом, срывать мимоходом цветы. На бумаге ставишь межевые столбы, они свидетельствуют о том, что вы тут уже были, и ведут далее. В разговоре иль по прихоти, или с запальчивости переставляешь с места на место и оттого часто по долгом движении очутишься в двух шагах от точки, с какой пошел, а иногда и в ста шагах за точкой.

* * *

Бенжамена укоряли в непостоянстве политического поведения. Он оправдывался. «Правда, – отвечал он, подумавши, – я слишком круто поворотил. J'ai tourne trop court».

Впрочем, можно изменять людям и правительствам, почитая их за орудия, и не изменять своим правилам. Если все государственные люди шли бы по следам Катона, то во мно-

гих случаях общественные дела сделались бы добычей одних бездельников. «С большей гибкостью, – говорил Мюллер, – он был бы отечеству полезнее, но хартиям истории недоставало бы характера Катона». Мы должны служить не тому и не другому, но той нравственной силе, коей тот или другой представителем. Я меняю кафтан, а не лицо. И если Бенжамен переносил свои мнения от двора Наполеона к двору Людовика и обратно, то может избежать он осуждения; но дело в том, чтобы переносил мнения, а не слова. Передаваться часто и их видом собственной корысти есть признак... [Недостает конца записи.]

* * *

Г-жа Сталь, говоря о поляках, сказала: «В них есть блеск, но ничего нет основательного. Я их скоро доканчиваю. Мне нужно по крайней мере двух или трех поляков на неделю». (Je les acheve vite; il m'en faut au moins deux ou trios per semaine.)

* * *

Стихи *Храповицкому* (Державина)... отличаются благородным чистосердечием, а два стиха:

Раб и похвалить не может,

Он лишь может только льстить

одни стоят ста звучных стихов.

Державина стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века. Ничто не ускользнуло от его поэтического глаза.

* * *

Как герой полубарских затей имел своих арапов, так Польша имеет своих великих мужей. Поляки создали себе свою феогонию и жертвуют кумирам своих рук. Народу должно иметь своих героев. На них основывается любовь к отечеству.

Последним их краеугольным камнем был князь Понятовский, великий человек доморощенный.

* * *

Власть по самому существу своему имеет главным свойством упругость. Будь она уступчива, она перестает быть властью. Как же требовать, чтобы те, кои, так сказать, срослись с властью, легко подавались на изменения. Их, или им самим себя нужно переломить, чтобы выдать что-нибудь.

* * *

Граф Кобенцель накануне отъезда своего был так снисходителен, что согласился еще раз позабавить общество, маскировавшись курицей, которая защищает цыплят своих от нападений, угрожающих ее невинной семье!

* * *

Признаться, теперь не найдешь запаса такой веселости ни в министре, ни в царе. События остепенили умы: правителям труднее, но народам легче.

* * *

Душа республиканского правления – добродетель, монархического – честь, деспотического – страх. Светозарное разделение Монтескье. Здесь глубокомыслие кроется под остроумием. Сначала пленишься им, а после убедишься.

* * *

После ночи св. Варфоломея Карл IX писал ко всем губернаторам, приказывая им умертвить гугенотов.

Виконт Дорт, командовавший в Байоне, отвечал королю: «Государь, я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача; итак, они и я просим ваше величество употребить руки и жизни наши на дела возможные».

* * *

О Петрове можно сказать почти то же, что Квинтилиан говорил о Лукане: *Magis oratoribus quam poeris enumerandus* – Более оратор, нежели первоклассный поэт.

* * *

Боссюэт в первых своих проповедях был далек от Боссюэта в словах надгробных. В одном месте он говорит: Да здравствует Вечный (*vive l'Eternel*)! Детей называет постоянным рекрутским набором человеческого рода (*la recrue continuelle du genre humain*).

* * *

Если бы мнение, что басня есть *уловка рабства*, еще не существовало, то у нас должно бы оно родиться. Недаром сочнейшая отрасль нашей словесности – басни. Ум прокрады-

вается в них мимо цензуры. Хемницер, Дмитриев и Крылов часто кололи истиной не в бровь.

* * *

Что кинуло наше драматическое искусство на узкую дорогу французов? Худые трагедии Сумарокова. Будь он подражателем Шекспира, мы усовершенствовали бы его худые подражания англичанам, как ныне усовершенствовали его бледные подражания французам. Как судьба любит уполномочивать первенцев во всех родах. Не только пример их увлекает современников, но и самое потомство долго еще опомниться не может и следует за ними *слепо*.

* * *

Смелые путешественники сперва открывают землю, а после наблюдательные географы по сим открытиям издают о ней географические карты и положительные описания. Смелые поэты, смелые прозаики! Откройте все богатства русского языка: по вас придут грамматики и соберут путевые записки и правила для указания будущим путешественникам, странствующим по земле знакомой и образованной.

* * *

Людовик XVIII может сказать, как Валуа в Генриаде: *Et quiconque me venge est Francois a mes yeux* – Вся мстящий за меня, в душе моей француз.

* * *

Монморен, губернатор Оверни, писал к Карлу IX: «Государь, я получил за печатью вашего величества повеление умертвить всех протестантов, в области моей находящихся. Я слишком почитаю ваше величество, чтобы не подумать, что письма сии подделаны; и если, отчего Боже сохрани, повеление точно вами предписано, я также слишком вас почитаю, чтобы вам повиноваться».

* * *

Какой несчастный дар природы ум, восклицает Вольтер, говоря о исполинских красотах Гомера, если он препятствовал Ламоту их постигнуть, и если от него сей остроумный академик почел, что несколько антитез, оборотов искусных, могут заменить сии великие черты красноречия. Ламот исправил Гомера от многих пороков, но не уберег ни одной его

красоты: он претворил в маленький скелет тело непомерное и чересчур дородное.

* * *

В Паскале, говорит Вольтер, находишь мнение, что нет поэтической красоты, что за неимением ее изобрели пышные слова, как: *бедственный лавр, прекрасное светило*, и что их-то и называют поэтической красотой. Что заключить из такого мнения, как то, что автор говорил о том, чего не понимал.

Чтобы судить о поэтах, нужно уметь чувствовать, нужно родиться с несколькими искрами того пламени, который согревает тех, кого мы знать хотим; равно как и для того, чтобы судить о музыке, не только мало того, но и вовсе недостаточно уметь математика рассчитывать соразмерность тонов, если притом не имеешь ни уха, ни души.

* * *

Вольтер говорит о Трисине: он идет, опираясь на Гомера, и падает, следуя за ним, срывает цветы греческого поэта, но они увядают от руки подражателя.

* * *

Среди всех наций наша – наименее *поэтична*. Вольтеру можно поверить, если и без него убеждение внутреннее не сказало того же всем тем, кои знакомы немного со свойствами поэзии, понятными чувству, но не поддающимися истолкованию правил и пиитики.

* * *

Сии примеры (т. е. Депрео и Расин), говорит Вольтер, отчасти приучили французскую поэзию к ходу чересчур однообразному; дух геометрический, завладевший в наши дни изящною словесностью, сделался еще новой уздой для поэзии. Наш народ, порицаемый за ветреность иностранцами, судящими нас по нашим щеголям, есть рассудительнейший из всех с пером в руке. Метода – отличительнейшее свойство наших писателей.

* * *

Если родился бы я царем, я желал бы иметь сверхъестественное средство сделать всякое преступление в царствовании моем невозможным. Что же за жестокий и мелкий был

бы расчет, имея это средство, дать каждому подданному волю, чтобы после в день суда отличать неповинных от виновных.

* * *

Мумия одного из потомков Сезостриса уже несколько веков содержалась во внутренней зале большой пирамиды; она была облечена всеми царскими достоинствами и занимала место на престоле, где сидели его предки. Когда Мемфисские жрецы захотели явить ее народу на поклонение, она в прах рассыпалась; она уже не была в отношении с атмосферой и теплотой солнца.

* * *

Чтобы подтвердить мнение, что иностранцу редко можно судить безошибочно об отделке писателя, признаюсь, что я не догадался бы о несравненном превосходстве Лафонтена, когда не прокричали бы мне уши о том. Я крепко верю, что он для французов *неподражаем*, потому что все французы твердят это в один голос, а кому же знать о том, как не им? Но и без единодушного определения понял бы я достоинство лирика Руссо, ясность, рассудительность, точность Депрео, пленительную сладость Расина, мужество Корнелия, остро-

ту Пирона. Дайте Державина имеющему только книжное познание в русском языке, и он не поймет, отчего мы красоты его почитаем неподражаемыми.

* * *

Не дай Бог, чтобы все словесности имели один язык, одно выражение: оно будет тогда вернейшим свидетельством, что посредственность стерла все отличительные черты. В обществе встречаешь пошлые лица, которые все на одно лицо. Образ гения может иметь черты, сходные с другим, но выражение их открывает прозорливому взору физиономию совсем отменную.

* * *

4-го августа 1819 г.

Иные мгновенные впечатления не только живее, но и полнее долговременных размышлений. Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рощу Лазенки. Сей одинокий, неосвященный замок, сие опустение в резкой картине явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа.

Я часто размышлял об участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходи-

мости. Тут в первый раз Польша сказалась мне голосом поэзии. Я ужаснулся! И готов был воскликнуть: «Государь, оставь Польшу! Ты поступишь в смысле природы, если душа твоя встревожена была ощущением, подобным моему! Но если слепое самолюбие ставит тебя на степень восстановителя народа, оставь это дело. Ты не совершишь его во благо. Человеческое несовершенство проглянет в сем подвиге божественном, и ты вынесешь с поприща своего негодование России и открытый лист на осуждение потомства».

* * *

В одном письме к г-же Неккер Томас говорил о строгом суждении парижан о царе Леаре в трагедии Дюсиса:

«Деспотический приговор сих преподавателей вкуса сходствует немало с государственными постановлениями некоторых государей, кои, чтобы покровительствовать скудным заведениям отечественным, преграждают привоз изделий богатых мануфактур чуждого народа. Негодующие бедняки издают законы против богатств, коих у них нет, и гордятся потом экономической своей нищетой.

Иные говорят, что такие трагедии хороши только для народа. Мне кажется, что никогда гордость так унижена не была, как сим различием: ибо с одной стороны ставят нравственность и чувство; с другой – критику и вкус; сим последним отдается преимущество. Ничто, может быть, так хорошо

не доказывает, что у просвещенных народов некоторый вкус усовершенствовался почти всегда в ущерб нравственности. Может быть, чем народ развращеннее, тем вкус его чище».

* * *

Суворов писал к адмиралу Рибасу: «Непобедимый Дориа! Для Вашего превосходительства настало время взять в плен преемника Барбароссы».

Преданнейший слуга

Ал. Суворов».

Он писал к человеку, которого подозревал в том, что он худо о нем говорил и обманывал его дружбу: «Я не знаю ваших несовершенств, но знаю ваши хорошие качества: сущность сношений, истина приличий, вот дружба (*realite de rapports, verite de convenance, c'est l'amitie*)».

* * *

Что такое за страсть, если она не страдание? Недаром говорят по-французски: *la passion de notre Seigneur*, а по-русски: страдания Господни. Любовь должно пить в источнике бурном: в чистом она становится усыпительным напитком сердца. Счастье тот же сон.

* * *

Запоздалые в ругательствах, коими обременяют они Вольтера, называют его зачинщиком французской революции. Когда и так было бы, что худого в этой революции? Доктора указали антонов огонь. Больной отдан в руки неискреннему оператору. Чем виноват доктор?

Писатель не есть правитель. Он наводит на прямую дорогу, а не предводительствует...

* * *

Шамфор людей дурачит, Ларошфуко их унижает, Вольтер исправляет их.

* * *

Жуковский похитил творческий пламень, но творение не свидетельствует еще земле о похищении с небес. Мы, посвященные, чувствуем в руке его творческую силу. Толпа чувствует глазами и убеждается осязанием. Для нее надобно поставить на ноги и пустить в ход исполина, тогда она поклоняется. К тому же искра в действии выносится обширным пламенем до небес и освещает окрестности.

Я не понимаю, как можно в нем не признавать величайшего поэтического дарования или мерить его у нас клейменым аршином. Ни форма его понятий и чувствований и самого языка не отлиты по другим нашим образцам. Пожалуй, говори, что он дурен, но не сравнивай же его с другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзия. Ты сбиваешься, ты слыхал об одном стихотворстве. Ты поэзию разделяешь на шестистопные, пятистопные и так далее. Я тебе не мешаю: пожалуй, можно ценить стихи и на вес. Только сделай милость при мне не говори: поэзия, а – *стихотворство*.

* * *

Невежество не столь далеко от истины, как предрассудок (Дидерот).

* * *

Я никак не понимаю начало 3-й песни *Россияды*, из чего, однако же, заключать не должно, что берусь понимать начала и содержания других песен:

Уже блюстителю Казанские измены
Восходят высоко Свяжски горды стены!
Сумбеке город сей был тучей громовой,

Висящей над ее престолом и главой,
И Волга, зря его, свои помчала волны,
Российской славою, Татарских страхом полны;
Ужасну весть ордам и о граде принесла;

Что значат *стены*, которые блюстители *Казанские измены*. *Город*, который *громовая туча*, и следственно город, который висел над ее престолом и головой. Где тут ясность? О поэзии Хераскова, как о смутном сновидении, никакого отчета себе дать не можно. Какая нить критики проведет по этому лабиринту слов, картин?¹

* * *

В народе рабском все понижается. Надобно стремиться выговором и движением, чтобы отнять у истины ее вес и обиду. Тогда поэты то же, что шуты при царских дворах. Презрение, которое к ним имеют, развязывает ум и язык. Или, если хотите, они походят на тех преступников, которые, представленные к суду, избегают наказания только тем, что приворяются сумасшедшими (Diderot de la poesie dramatique).

---

¹ Впоследствии под этой статьей рукою князя П.А. Вяземского отмечено: «Несправедливые придирки. Стихи не хороши, но не бессмысленны. 1836. 18 декабря». – *Примеч. издания 1884 года.*

* * *

Я всегда люблю в многолюдном обществе мысленно допрашивать спины предстоящих, которые из них подались бы на палки? И всегда пугаюсь числом моих изысканий.

Я не говорю уже о спинах битых с рождения, а только о тех, кои торговались бы с палками и выдавали бы себя на некоторых условиях: иные щекотливые согласились бы с глазу на глаз; другие менее, но при двух или трех свидетелях.

Вот испытание, которое я, будучи царем, предлагал бы при выборах людей.

Как трудно с девственной спиной ужиться в обществе! Как собаки обнюхиваются и бегут прочь, когда ошибутся, так и битые тотчас, встречаясь с вами, обнюхивают вашу спину и, удостоверившись, пристают к вам или от вас отходят. Нет сомнения, что общежитие более или менее уничтожает души. Сколько людей, которые сквозь строй пробежали к честям и достоинствам. Как мало дошли до них нетронутые.

* * *

Не надобно уверять себя в *излишней* честности или твердости; но хорошо твердить себе: ты честен, ты тверд, — кон-

чишь тем, что не захочешь прослыть лгуном в своих глазах.

Не говори трусу, что он излишне храбр, он тотчас тягу даст из осторожности; но уверяй его под пулями, что он стоит с благородным хладнокровием – он, вероятно, устоит на месте, или по крайней мере получасом позже наострит лыжи, и то при удобном случае.

* * *

Я ничего не знаю величественнее благородства души и твердости в правилах. Вот зрелище, достойное небес: человек, идущий шагами верными и без оглядки против мелких заговоров зависти, разрывающий одной силой своей сети коварства.

Быть безмятежным под ударами рока есть дело благоразумия. Какие могут быть переговоры с врагом незримым и неодолимым? Но презреть врага, коего можно смешать хитростью, подкупить пожертвованиями, вот дело великодушия.

* * *

Я никогда не позволил бы себе сыну своему сказать: угождай ближнему, а твердил бы: угождай совести! Любовь к ближнему должна быть запечатлена в сердце, благоговейное

уважение к совести – в правилах.

* * *

Посади меня на Хераскова одного на две недели, меня от стихов будет тошнить. Он не худой стихотворец, а хуже. Чистите, чистите, чистите ваши стихи, говорил он молодым людям, приходившим к нему на советование... И свои так он чистил, что все счищал с них: и блеск, и живость, и краску.

* * *

Петров также иногда тяжел и всегда неправилен, но зато каждый стих его так и трещит. У Петрова стих трещит, у Хераскова др...

* * *

Меня можно назвать заваленным колодцем многих достопамятностей исторических.

* * *

Немцевич застал раз Лагарпа за переводом Камоенса.
«Как, – спросил он, – при скольких различных познани-

ях в науках и языках, вы еще нашли время и испанскому научиться?!»

«Видно, что вы молоды, – отвечал он, – как будто нужно знать язык, чтобы с него переводить. Хороший лексикон и ум, вот и все!»

* * *

– Высокомерие, сей нищий, который столько же громко зывает, как и нужда! – говорит Франклин.

* * *

Нет хуже этих либералов прошлого века, которые либеральничали, когда власть еще не тронута была; теперь, оставши от тех, которые власть обрезали, они видят в нынешнем образе мыслей мятеж и безначалие.

* * *

Несправедливо называть *холопами* царедворцев. В своих холопах найдется мало льстецов и суеверных обожателей господской власти. Напротив, таковых, если найдутся, приличнее называть царедворцами.

Вообще, в служителях домашних встречаешь какую-то

врожденную независимость и недоброжелательство, которые могут быть очень неприятны для службы, но утешительны в отношении человечества, которое только с помощью противоестественных установлений научилось искусству рабствовать добровольно.

В доказательство, что порабощение не есть природное состояние человека, можно заметить, что каждый при случае умеет повелевать, но не каждый может повиноваться. Дух господства внушен человеку самой природой, данницей его различных требований. *Духом повиновения* заразился он в обществе, которого польза побуждает ослаблять его силы и умерить напряжение. Одно, польза общества; другое, польза лица частного.

Тайна правления в том и состоит, чтобы согласовывать, как можно более, ту и другую и в случаях необходимости пожертвований *части* в пользу *целого* призывать эту часть для общего соображения, как выдать нужную жертву с меньшим ущербом жертвоприносителя и большей выгодой жертвователя. Тут и есть тайна представительства, которое как сфинкс пожрет всех Лайбахских тугоумцев, не умеющих разгадать его, и поднесет венцы Эдипам, постигнувшим его откровение.

* * *

Не довольно размышляют о том, что цари не могли нарав-

не с народами подвигаться к просвещению соразмерно.

Без сомнения, Людовик XVIII не многим образованнее Людовика XIV, а Петр I, конечно, не уступил бы в познаниях Александру I. Но подданные первых двух царствований далеко отстают от современных, если не в художествах и изящной литературе, то во всем том, что составляет существенность гражданских сведений. Вот чего цари и спесивые их подмастерья никак понять не могут или не хотят и в чем, быть может, заключается главнейшая причина разлады, господствующей в нынешних событиях. Писатели современные, пожалуй, и не превзошли предшественников, но читатели нынешние – рассудительнее и многочисленнее. И тогда все еще наш век превосходнее прошлых веков.

Живописна картина нескольких ветвистых гигантов, разбросанных по голой степи; но расчетливый хозяин дорожит более рощей ровной, но дружно усаженной деревьями сочными и матерыми.

* * *

Остафьево, 13 июня 1823

В сочинениях Мармонтеля находишь: *Des en faveur des paysans du Nord* («Речь в защиту северных крестьян»), писанный в 1757 году, для решения задачи, предложенной Обществом Экономическим в Петербурге о том. «Выгодно ли для государства, чтобы крестьянин обладал собственным зе-

мельным участком или только движимым имуществом? До какой степени может простираться право крестьянина на эту собственность, так, чтобы это было выгодно государству?»

Речь писана вообще с жаром, но в ней более риторства и философических видов, чем государственных. Мало применений к местности, мало дела. Рассуждая об опасении, чтобы крестьяне, освобожденные и приобретшие право владения, не нашли в чиновниках тиранов алчнейших, бесчеловечнейших и более надежных на безнаказанность, он говорит: «Во всех монархиях, где хотели оградить свободу, собственность, спокойствие, благоденствие народов, как в римской, китайской и у инков, следовали всегда одному и тому же средству. Везде видели, что судьи и приставы поселенные (постоянные) были податливы на подкуп – что, участвующие в применении, они вскоре делались их сообщниками. Тогда учредили суда подвижные и временных надсмотрщиков (у римлян назывались они *Curiosi*, у перуанцев *Cucuiricoe*, всевидящие, у французов – *Missi dominici*), кои везде чужие, не заводили никогда ни связей, ни привычек, и в поручении своем нечаянном и быстром не давали времени соблазну преклонить их строгость.

Полагая, что задача о собственности решена в пользу поселян, спрашивают: как далеко должно простираться сие право собственности для пользы государства? На это отвечаю: столь далеко, сколь способность приобретать. Увы! Какие другие пределы ставить благосостоянию того, который

единными трудами может обогатиться? Дай Боже, чтобы он надеялся вознестись до степени гражданина зажиточного и могущего приобретать в округе (выше в предположениях своих Мармонтель говорит, что на первый случай можно будет ограничить для поселянина право приобретения границами того округа, где он родился), в коем он родился, есть единое исключение, позволительное в законе. Всякая граница, предпоставленная соревнованию людей, сжимает их душу и печаливает; в особенности же для надежды. Темница обширнейшая есть все же темница».

Это напоминает мне два стиха, гораздо до прочтения писанные:

И светлых нив простор, приют свободы мирной
Не будет для него темницею обширной.

* * *

Дмитриев в записках своих нарисовал портреты некоторых из своих современников по министерству и по совету, и между прочими регента Салтыкова, который был ему недоброжелателен и вероятной, главной причиной, что Дмитриев просился в отставку в то время, когда министры перестали докладывать лично.

На страстной неделе, в которую Дмитриев говел, попалась

ему на глаза страница, означенная резкими чертами регента, и он, раскаявшись, вымарал главнейшие из своей тетради и из книги потомства! Движение благородное, или, лучше сказать, добродушное! Уважаю движение, но не одобряю. Писатель, как судья, должен быть бесстрастен и неосрадателен. И что же останется нам в отраду, если не будут произносить у нас, хоть над трупами славных, окончательного египетского суда.

Записки Дмитриева содержат много любопытного и на неурожае нашем питательны; но жаль, что он пишет их в мундире. По настоящему должно приложить бы к ним *словесные прибавления*, заимствованные из его разговоров, обыкновенно откровенных, особенно же в избранном кругу.

* * *

Довольно одного следующего параграфа, чтобы правительству нашему не разрешать выпуска «Истории Наполеона» В.Скотта: «Посредственные умы всегда придают рутине такое же значение, как основным вещам; они судят о небрежности во внешнем виде так же сурово, как о дурном поступке. Французские генералы проявили свою гениальность в том, что восторжествовали в момент опасности над всеми предрассудками профессии, обладающей такой же педантичностью, как и все другие; они умеряли дисциплину согласно характерам их подчиненных и срочности обстоя-

тельств.

Наши педанты, несмотря на победы республиканских генералов, посадили бы их под арест за каждое отступление. Что мне в храбрости ваших солдат, если они не умеют маршировать? Вот ответ, или смысл ответа, наших педантов».

* * *

О Фон-Визине. Перевод Тацита и намерение издавать журнал, на что не согласилась императрица Екатерина, недовольная им, вероятно, за бумагу, известную под названием: *О необходимости законов* (названием, данным ей не Фон-Визиным, а гораздо уже после; вероятно, Никитой Муравьевым, который сократил ее). Кажется, бумагу сию написал Фон-Визин по предложению Панина для великого князя Павла Петровича.

* * *

В императоре Павле были царские движения, то есть великодушные движения могущества. Они пленяли приближенных к нему и современников, искупая порывы исступления. Я видел слезы отца моего и Нелединского, оплакивающие Павла. Слезы таких людей – свидетельства похвальные.

Nouvelles de Jean Boccace. Traduction libre par Mirabeau. Paris, 1802, 8 томов. (Новеллы Жана Боккачио. Свободный перевод Мирабо)

Вероятно, перевод не Мирабо, по крайней мере о нем не упоминается в *Biographie des Contemporains* – «Биографиях современников», в статье Мирабо, в числе произведений, оставшихся от него. Есть перевод Тибулла, напечатанный под именем Мирабо, но и тот, по удостоверению биографии, составлен вместе с воспитанником его *Poisson de Lachabeaussiere*, сыном наставника Мирабо.

По этому переводу Бокачио нельзя судить о подлиннике; французы, по крайней мере давнишние, несносны своими офранцузенными, облагороженными переводами. Бог весть откуда нападут на них тогда целомудренные опасения, совестливость. Вместо того нужнее было бы поболее смиренномудрия. Или не переводы автора, или, переводя, покорись ему и спрячь свой ум, свои мнения.

Впрочем, все-таки трудно понять славу Боккаччо, основанную на его «Декамероне». Кажется, теперь не так была бы она дешева. Итальянцы восхищаются прозой Бокачио, писателя XIV века. Он был для итальянской прозы то, что был для поэзии Петрарка, с которым жил он в тесной дружбе. В «Декамероне» славилось описание флорентийской чумы, но

французский переводчик был, кажется, Еропкиным этой чумы: ослабил ее и если не совсем прекратил, то сократил.

В «Декамероне» находится сказка о трех кольцах, приведенная Лессингом в его «Натане Мудром». Бокачио был весьма ученый человек и один из водворителей в Италии любви к познаниям и греческому языку. Он был и поэт, но посредственный: оставил две поэмы греческие: *Фезеиду* и *Филострата*. Он был изобретателем итальянской октавы, присвоенной после всеми эпопеями итальянской, гишпанской и португальской. *Фезеида* была переведена отцом английской поэзии Чосером (Chaucer). Драйден переделал его после. Латинские сочинения Бокачио многотомны, между прочими *О генеалогии богов* и другое: *О горах, лесах и реках*. На конце жизни посвятил он себя духовному званию.

Странно и поучительно видеть эти противоречия в знаменитых людях средней древности. В наше время одного характера станет на жизнь человека, не говоря о политических превращениях. Бокачио соблазнительный сказочник, вместе с тем и глубокий ученый, часто поверенный в важных делах и посольствах, возложенных на него правительством, друг целомудренного Петрарки и под конец жизни духовная особа.

Известны еще романы его: *la Fiammetta*, – *Filocopo*. В *Fiammetta* изображена принцесса Мария, незаконная дочь короля Роберта, предмет любви Бокачио. В «Литературе южной Европы» Сисмонди (*Literature du Midi de l'Europe*) хо-

рошо изложена противоположность бедственной эпохи, в которую Бокачио переносит свой рассказ с живым вымыслом самих сказок. *Граф Нулин* – сказка Бокачио XIX века. А, пожалуй, наши классики станут искать и тут романтизм, байронизм, когда тут просто приапизм воображения.

Во французском издании приложены и подражания Лафонтена. Рассказ холодный, растянутый, кое-где искры веселости, но редко. Вот в них нет никакого приапизма.

* * *

Во французском переводе Бокачио есть персидская сказка: *Nhatem Thai*. Старику явилась женщина красоты чудесной, в наготe; он взял ее за руку, и она исчезла. С той поры он помешался и твердил беспрестанно: *J'ai vu jadis et je voudrais revoir encore*. – Я видел некогда, хотел бы видеть вновь.

* * *

Relation d'un voyage de Calcutta a Bombay, par feu Reginald Heber, eveque de Calcutta. Londres, 1828. (Описание путешествия из Калькутты в Бомбей; сочинение покойного Реджинальда Гебера, епископа Калькуттского. Лондон. 1828.)

Гебер был в России и описывал Крым. Доктор Кларк воспользовался этим описанием.

«Сесть *дюрна* (*dhurna*) означает сесть, чтобы плакать, не меняя положения, не принимая пищи, подвергаясь всем превратностям атмосферы, до тех пор пока представитель власти или человек, против которого *дюрна* направлена, удовлетворит просьбу, с которой к нему обратились. Эта практика нередко приводится в исполнение частными людьми, чтобы побудить должника к уплате долга или заставить кредитора его отсрочить. Эффект этой меры настолько велик, что лица, у дверей которых она происходит, не считают возможным взяться за какое-либо занятие или принимать пищу все то время, как она длится. Индийцы убеждены, что дух умерших во время *дюрны* возвращается, чтобы мучить непреклонных врагов».

Английское правительство наложило пошлину на дома в Бенаресе. Вдруг жители провозгласили у себя и во всем округе *дюрну*; на третий день, прежде чем английские чиновники узнали о том, собралось более 300 тыс. народа в равнине близ города; они покинули жен, жилища, лавки, работы. Огни были погашены, потому что они не позволяли себе даже пищу варить. Они сидели неподвижные, сложив руки, поникнув головой, в глубоком молчании. Англичане не поддались их требованию, но мерами осторожными и человеколюбивыми положили конец сему затруднительному положению.

* * *

Профессор Росси говорил, кажется, о Швейцарии: в ней поступают с истинами как с людьми: у этих спрашивают, который вам год? И если они не успели еще состариться, то им отказывают в праве заседать в сенате.

* * *

Сисмонди в одной статье, говоря о пользе и приятности истории, замечает:

Между тем мало привлекательности для человека в изучении того, что могло бы быть благотворно для человечества или для его нации, если он убежден, что и по узнавании истины не будет в его воле привести ее в исполнение; что ни он, ни все ему равные не имеют никакого влияния на судьбу народов, а что те, кои правят ими, не их пользу предназначают целью себе. Он тогда предпочитает оставаться в слепоте, чем глазами открытыми видеть, как ведут его к бездне.

Поэтому народы, не пользующиеся свободой и не уповающие на нее, никогда не имеют истинной склонности к истории. Иные даже не сохраняют памяти событий минувших, как турки и австрийцы; другие, как арабы и испанцы, ищут в ней одну суетную пищу воображению, чудесные битвы, ве-

ликолепные празднества, приключения изумительные; прочие еще, и эти многочисленнее, вместо истории народной имеют просто историю царскую; для царей, а не для народа трудились ученые; для этих собрали они все, что может льстить их гордости; они покорили им прошедшее, потому что владычество настоящим было для них еще недостаточно.

* * *

Ж.Б. Сей говорит: можно представить себе народ, не ведающий истин, доказываемых экономией политической, в образе населения, принужденного жить в обширном подземелии, в коем равно заключаются все предметы, потребные для существования. Мрак один не позволяет их находить. Каждый, подстрекаемый нуждой, ищет, что ему потребно, и проходит мимо предмета, который он наиболее желает, или, не замечая, попирает его ногами. Друг друга ищут, окликают и не могут сойтись. Не удастся условиться в вещах, которые каждый иметь хочет, вырывают их из рук, раздирают их, даже раздирают друг друга. Все беспорядок, суматоха, насилие, разорение...

Пока нечаянно светозарный луч проникнет в ограду, краснеешь за вред взаимно нанесенный; усматриваешь, что каждый может добыть то, чего желает. Узнаешь, что сии блага плодятся по мере взаимного содействия. Тысячу побуждений любить друг друга; тысячу средств к честным выгодам

являются отовсюду: один луч света был всему виной.

Таков образ народа, погруженного в варварство. Таков народ, когда он просветится. Таковы будем мы, когда успехи, отныне неизбежные, совершатся.

* * *

История Петра, изданная в Венеции, и История Меншикова, написанная в «Зеркале света».

Историк разбираемой книги говорит: «Государь ни одного из иностранцев во всю жизнь свою не возвел в первые достоинства военачальников, и сколь бы кто из них ни славился хорошим полководцем, но он не мог полагаться столько на наемников».

Вероятно, в Петре было еще и другое побуждение. Он был слишком царь в душе, чтобы не иметь чутья достоинства государственного. Он мог и должен был пользоваться чужестранцами, но не угощал их Россией, как ныне делают. Можно решительно сказать, что России не нужны и победы, купленные ценой стыда видеть какого-нибудь Дибича начальствующим русским войском на почве, прославленной русскими именами Румянцева, Суворова и других. При этой мысли вся русская кровь стынет на сердце, зная, что кипеть ей не к чему. Что сказали бы Державины, Петровы, если воинственной лире их пришлось бы звучать готическими именами Дибича, Толя? На этих людей ни один русский стих не

встанет.

* * *

Известный Пуколов уверял при мне Карамзина, что по каким-то историческим доказательствам видно, что Алексей Петрович был в связи с Екатериной, что Петр застал их однажды в несомнительном положении и что гибель царевича имеет свое начало в этом обстоятельстве.

* * *

История по-настоящему не что иное, как собрание испытаний, над человеческим родом совершенных честолюбцами, завоевателями и всеми людьми, коих влияние сильно запечатлелось на их ближних. Последствия сих испытаний оказываются часто по большим промежуткам, и не иначе можно оценить их, как умея наблюдать, до какой степени подействовали они на средства, коими народы существуют (Revue encyclopedique, 1828. «Анализ полного курса политической экономии»).

* * *

Хроники Канонгетские.

Дремота Вальтер Скотта и даже дремота постыдная. Такие книги пишутся только из денег в уверенности, что за подписью имени уже прославленного сойдет с рук и посредственность.

Первый том составлен из болтовни. Три следующие – из трех повестей. Первая хороша. Во второй рассказывается поединок двух погонщиков скота и смертоубийство одного из них. Третья – цепь приключений, на живую нитку связанных. Нет ни вероятия, ни естественности, ни поразительных сверхъестественностей. Хроники Канонгетские хуже самой истории Наполеона. Предисловие довольно замысловато.

* * *

Император Александр Павлович не любил Апраксина и, вероятно, потому, что Апраксин, будучи его флигель-адъютантом, перешел к великому князю Константину.

Апраксин просил однажды объяснения, не зная, чем он подвергнул себя царской немилости. Государь сказал, что он видел, как Апраксин за столом смеялся над ним и передраз-

нивал его... В чем, между прочим, Апраксин не сознавался.

Его мучило, что он еще не произведен в генералы. Однажды преследовал он Волконского своими жалобами. Тот, чтобы отделаться, сказал ему: да подожди, вот будет случай награждения, когда родит великая княгиня (Александра Федоровна). «А как выкинет?» – подхватил Апраксин.

Апраксин был русское лицо во многих отношениях. Ум открытый, живость, понятливость, острота: недостаток образованности: учения самого первоначального, он не мог правильно подписать свое имя; решительно при этом способности разнообразные и гибкие: живопись или рисование и музыка были для него почти природными способностями. Карикатуры его превосходны; с уха разыгрывал он на клави-кордах и пел целые оперы.

Чтобы дать понятие об его легкоумии, надо заметить, что он во все пребывание свое в Варшаве, когда всю судьбу свою, так сказать, поработил великому князю, он писал его карикатуры одну смелее другой, по двадцати в день. Он так набил руку на карикатуру великого князя, что писал их машинально пером, или карандашом, где ни попало: на летучих листах, на книгах, на конвертах.

Кроме двух страстей, музыки и рисования, имел он еще две: духи и ордена. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован. Уверяют даже, что по его смерти нашли у него несколько экземпляров и в разных форматах звезды Станислава второй сте-

пени, на которую давно глядел он со страстным вожделением. Он несколько раз и был представлен к ней, но по сказанным причинам не получал ее от государя.

К довершению русских примет был он сердца доброго, но правил весьма легких и уступчивых. В характере его и поведении не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но нельзя было уважать.

При другом общежитии, при другом воспитании он, без сомнения, получил бы высшее направление, более соответственное дарам, коими отличила его природа. В качествах своих благих и порочных был он коренное и образцовое дитя русской природы и русского общежития. Часто, посреди самого живого разговора, опускал он вниз глаза свои на кресты, развешанные у него в щегольской симметрии, с нежностью ребенка любующегося своими игрушками, или с пугливым беспокойством ребенка, который смотрит: тут ли они?

* * *

Araucano, испанская поэма дона Алонзо де-Ерцилла, который воспел в ней завоевание области Арауко. Вольтер предпочитает ее в некоторых местах «Илиаде».

Молодой ирландец. The wild Irish boy, роман Maturin, автора «Мельмота».

Матьюрин, или как англичане его зовут, кажется, Мефрин, удивительный поэт в подробностях. Он не отдает ни себе, ни читателю отчета в своих созданиях, или отдает неудовлетворительный, но зато выходки, целые явления его поразительно хороши. Этот роман далеко отстоит от «Мельмота», но есть места удивительно грациозные, портреты свежие, яркие.

Эпизод Марии, которая как облачная тень является в прелести неосязаемой, неизъяснимой, скользит мимо вас на минуту и в эту минуту так любит и так страдает, что впечатление ее глубоко врывается в душу и, промелькнув, *падает в могилу, как моряк в океан*, – все это очаровательно.

Автор, кажется, мало знает общество, хотя, как умный человек, и означает его резкими чертами, но, кажется, слишком резкими. Впрочем, английское общество имеет свою статистику; может быть, его наблюдения и сходны с истиной, хотя часто и противоречат общей истине или правдоподобию. Тут вводится Мур, Саутей и какой-то английский романист, но, вероятно, не Вальтер Скотт, которого автор судит довольно строго, особенно же в отношении употребления дарований. Этот классический упрек странен в авторе

«Мельмота» и молодого гуманиста. Он сам весь фантастический, и не знаешь, что после чтения его остается в душе: впечатления, подобные впечатлениям вечерней зари, грозы великолепной, музыки таинственной.

* * *

Напрасно думают, что желание разрешения нескольких прав, гражданских и политических, принадлежащих человеку, члену образованного общества, есть признак неприязни к властям, возмутительного беспокойства.

Нимало: мы желаем свободы умственных способностей своих, как желаем свободы телесных способностей, рук, ног, глаз, ушей, подвергаясь взысканию закона, если во зло употребим или через меру эту свободу.

Рука – орудие верно пагубное для ближних, когда она висит с плеча разбойника, но правительство не велит связывать руки всем, потому что в числе прочих будут руки и убийственные. В обществе, где я не имею законного участия по праву того, что я член этого общества, я связан.

Читая газеты, видя, что во Франции, в Англии человек пользуется полнотой бытия своего нравственного и умственного, видя там, что каждая мысль, каждое чувство имеет свой исток и применяется к общей пользе, я не могу смотреть на себя иначе как на затворника в тюрьме, которому оставили употребление одних неотъемлемых способностей,

и то с ограничениями; а свобода его в том заключается, что он для службы острога ходит брэнча цепями по улице за водой, метет улицы и проч., или собирает милостыню для содержания тюрьмы. В таком насильственном положении страсти должны быть раздражаемы.

Вероятно, если человеку, просидевшему долго с узами на руках, удастся их расторгнуть, то первым движением его будет не перекреститься или подать милостыню, а разве ударить того и тех, которые связали ему руки и дразнили его на свободе, когда он был связан.

* * *

Cinq Mars «Сен-Мар». Исторический роман, соч. графа Альфреда де-Виньи. Французская литература много успела в последние годы в роде, как назвать, романтическом, или естественном, в противоположность роду классическому, который весь искусственный. Этот роман весь ознаменован какой-то трезвостью, истиной, которая имеет свою свежесть, как вода, которая бьет из родника и питает на месте, а не приторная вода, увядшая и согретая в буфете.

В Альфреде де-Виньи нет глубокости Вальтера Скотта; но есть тонкость, верность в живописи.

* * *

18 мая 1829, Мещерское

Третьего дня, или четвертого дня, имел я во сне разговор с каким-то иностранцем о России. Между прочим, говорили мы с ним о 14 декабря. Он удивлялся, что мятежники полагали возмутить народ именем цесаревича. Я отвечал ему: «У нас не может быть революции ради идеи; они могут у нас быть лишь во имя определенного лица».

Я готов подтвердить наяву сказанное во сне: история тому свидетельница.

* * *

Августа 5 1829 г.

Memoires d'un apothicaire sur l'epoque pendant les guerres de 1808 – 1813 («Мемуары аптекаря об эпохе войн 1808 – 1813»).

Кажется, автор этой книги фамилии Castile Blaze.

Довольно легкая и складная французская болтовня. По этой книге можно судить, что автор в течение пяти лет ни разу не размышлял и жил поверхностно. В наблюдениях нет ничего глубокого, ни острого. Автор, наблюдатель силы Ансело, в своих «Шести месяцах в России». Впрочем, если он

правдив, то можно из его книги собрать несколько испанских сведений уличных, и лошадных, трактирных, будуарных, во-локитных; но и тут вымыслы.

* * *

У нас нет правительства, – отвечал Шишков, государственный секретарь, в комитете министров на вопрос Дмитриева, от чьего лица будет обнародовано известие о взятии Москвы, читанное предварительно в комитете по приказанию государя.

Дмитриев, слушая это нелепое сочинение, в котором кто-то на конце падает на колени и молится Богу, спросил, в каком виде будет оно напечатано: просто ли журнальною статьею или объявлением правительства. На это и грянул свой ответ Шишков.

* * *

Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения. В этой любви патриот может сказать с Жуковским:

В любви я знал одни мученья.

Какая же тут любовь, спросят, когда не за что любить? Спросите разрешения загадки этой у Строителя сердца че-

ловеческого.

За что любим мы с нежностью, с пристрастием брата недостойного, сына, за которого часто краснеешь? Собственность, свойство не только в физическом, но и в нравственном, не только в положительном, но и в отвлеченном отношении, действует над нами какой-то талисманною силой.

* * *

О Растопчине и Пестеле, Растопчине и Августине, дуэт Растопчина и Павла I, Кутайсов, царская кровь. («Что-то такое рассказывал Ж.-Жак в своей *Исповеди*. Следовательно, Растопчин выдумал».)

Можно сказать о старике Кутайсове, что он вышел в люди *с легкой руки своей*.

* * *

Журналы наши так грязны, что нельзя читать их иначе как в перчатках.

* * *

14 октября 1855

«Хотя, с одной стороны, уже одно имя автора ручается за

благонамеренность его сочинения, с другой, результат всех его суждений в рукописи (за исключением только некоторых отдельных мыслей и выражений) стремится к тому, чтобы обличить с верою в Бога удалившегося человека от религии и представить превратность существующего ныне образа дел и понятий на Западе, тем не менее вопросы его сочинения духовные слишком жизненны и глубоки, политические – слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их чтению юной публики.

Частое повторение слов *свобода, равенство, реформа*, частое возвращение к понятиям: *движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность есть кража* и тому подобным, останавливают на них внимание читателя и возбуждают деятельность рассудка. Размышления вызывают размышления; звуки – отголоски, иногда неверные. Благоразумие не касается той струны, которой сотрясение произвело столько разрушительных переворотов в западном мире и которой вибрация еще колеблет воздух. Самое верное средство предостеречь от зла – удалять самое понятие о нем». (Заключение мнения генерала Дубельта, поданное в Главное Правление цензуры о последних сочинениях Жуковского, 23 декабря 1850.)

* * *

Официальный список московских славянофилов

Аксаков, Константин Сергеевич.
Аксаков, Иван Сергеевич.
Свербеев, Дмитрий Николаевич.
Хомяков, Алексей Степанович.
Киреевский, Иван Васильевич.
Дмитриев-Мамонтов, Емануил Александрович.
Кошелев, Александр Иванович.
Соловьев, Сергей Михайлович, профессор.
Армфельд, Александр Осипович.
Ефремов, Сергей Михайлович.
Чаадаев, Петр Яковлевич.

Смешно видеть в этом списке, между прочим, Чаадаева, который некогда был по высочайшему повелению произведен в сумасшедшие как отчаянный *оксиденталист и папист*. Вот с каким толком, с каким знанием личностей и мнений наша высшая полиция доносит правительству на лица и мнения.

Его превосходительству барону Ф. П. Врангелю

В одной весьма замечательной записке о нынешних тяжких обстоятельствах России, при указании причин, которые довели нас до нынешнего бедственного положения, между прочим сказано:

«Многочисленность форм подавляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что *есть*, от того, что *кажется*, *правду* от *неправды*, или *полуправды*, и редко где окажется прочная плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины. Она затаена между строками, но кто из официальных читателей всегда может обращать внимание на междустрочие».

Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивые слова всем лицам и местам Морского ведомства, от ко-

торых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год, и повторите им, что я требую в помянутых отчетах не похвалы, а истины, и в особенности откровенного и глубоко-обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок, и что те отчеты, в которых нужно будет читать между строками, будут возвращены мною с большою гласностью. Прошу ваше превосходительство разослать всем вышеупомянутым местам и лицам копии с настоящей моей записки.

Подписал: генерал-адмирал Константин.

26 ноября 1855.

Сей напечатанный циркуляр был после отобран. Приведенные в нем слова взяты из записки, составленной П.А.Валуевым, которую я сообщил великому князю.

* * *

Книжка 3. (1818–1828)

От Варшавы до Nowemiasto, принадлежавшего графу Малаховскому, дорога довольно приятна. По сторонам раскинуты селения и леса, и Польша теряет свою однообразность. Положение Nowemiasto живописно, то есть дома и сада графского: на высокой горе, внизу река, луга, покрытые необыкновенно свежей зеленью, и леса. От Nowemiasto до Konskie едешь лесами и песками. Konskie принадлежат другому Малаховскому: много каменных строений. Radoszyce, отданный по смерти третьему Малаховскому. Здесь станция славится лошадьми. До него едешь ужасным песком и скучным сосновым лесом. Здесь железные заводы. Около 270 дымов, из коих только 22 жидовских. Воеводства Сандомирского Lopuszno. Деревня, принадлежащая какому-то Святого Станислава кавалеру, отданная им в аренду жидам. Почтовая смотрительница ласкова и говорлива. Я съел славного цыпленка. Matogoszcz. Дорога к нему песчана и гориста. Иные горы каменисты и вышины покрыты соснами: напоминают некоторые места по Ярославской дороге и Костромской. Городок около 150 дымов и ни одного жидовского. Жители все в желтых домах.

3 часа, в воскресенье, пополуночи

Zarnowiec местечко. Прошлого года сгорело. В нем 52 до-

ма, а всего было не более 150, лучшие дома сгорели. На реке Пильце.

Воскресенье. Краков

Я приехал в Краков около 12-го часа. Съездил в баню. лучше русских, хуже варшавских.

Пришел ко мне консул-резидент императорский. Позвал меня к себе обедать. Письма наместника, видно, писаны обязательным для меня образом. Жена и дочь – добрые люди, кажется, на немецкий лад, как и все. Город вольный, а республиканцы все по чинам. Zarzecki. Пришел к нему комиссар российского императора Miaczynski от меня. И к нему было письмо от наместника. Мне смешно видеть себя в людях. Позвал на другой день обедать, а уже Zarzecki был позван, но уступил день. Приехали Kochanowska варшавская с двумя дочерьми. Меньшая дочь белокурая, хороша собою, другая постарее.

На улице поймал меня кто-то, позвал ехать в Krzescowice: воды в 3 милях от Кракова, на бал. Сперва хотелось, но после испугался. Тем кончил, что поехал. Сел с нами в коляску и горбатый. Долго ехали, уже совсем смерклось, по проселочной дороге. Коляска десять раз едва не ложилась на бок. Горбатый страшно боялся. Я думал себе: напрасно! Нам бояться: ему страха нет. Авось еще от удара сравняется. Зала большая, людей мало. Пошли ужинать. Ужас! В Польше образованность на каждом шаге сталкивается с безобразно-

стью. Место, дома, все на ноге европейской: утка и горох, пиво и венгерское – такое, что в Клину, или в Грязовцах таких не найдешь

Возвратились наверх. Людей поболее, человек 40. Танцуют. Долго смотрел, стало разбирать; пошел говорить. Мало. пошел танцевать и танцевал до упада мазурку. Одна из дам мне говорит: «Вы танцуете как поляк».

Садовска лечится на водах: миловидна и разговорчива. Муж ее похож на Свечина, белевского Мольера. Сестра Пашковска будто хороша. Скотницка была бы на своем месте везде. Вдова не первой молодости. Поставила мужу, умершему в Италии, памятник мраморный, в Италии работанный, в кафедральном соборе. Краковская-Свечина. Жена какого-то woyna с сестрой.

Пошли за коляской. Остались до утра в корчме; я проспал в коляске. Возвратились к 11 часам утра. Дорога живописная, обставлена горами. От Кракова по левой стороне есть длинная стена гор, поросшая частым лесом и усеянная громадными камнями. Внизу, как бы усажена рядом отделяющимся плачущих берез. Здесь есть природа не так, как в Царстве Польском.

Обедал у комиссара: добродушный старик. Не свободно, но умно изъясняется по-французски. Разговора веселого. Ласков до крайности. Московское гостеприимство. Обедало несколько сенаторов и отставной полковник: умен, но кобенится. Во время обеда приехал президент Сената Wodzicki:

умный, уважаемый человек. По-французски говорит очень хорошо. Только что я ему представился, позвал он меня на другой день обедать, и консул меня опять уступил, а сам отложил свой обед до среды.

Пошли по городу. Замок, укрепленный на высоте. Есть что-то кремлевское. Австрийцы все изуродовали; мрамор выштукатурили или выбелили, золотые украшения ободрали, выделанную в камне работу заделали; окна большой величины и каменные рамы заделали, а пробили маленькие окошки. Думаю, что зависть и злоба внушили им варварство. Одна зала похожа на Грановитую палату, но менее; другая – судилище: потолок деревянный четверугольниками, в кои вставлены были головы. В Академии в Ягеллонской зале есть такой же. В замке голов уже нет.

Рассказывают, что во время одного суда одна голова закричала королю: «Будь справедлив». Если правда, то должно бы у всех царей поделать такие потолки.

Из одной комнаты виды во все стороны Кракова. Церковь Св. Станислава, в которой был разрублен епископ рукою Болеслава Смелого, которому он упрекал всенародно долгое его пребывание в Киеве и отсутствие из отечества. Могила Крака: курган. Курган Ванды. Величка. Карпатские горы.

Храм Богоматери. Все украшения из мрамора. Построен епископом Ivo в 1226, на рынке. Колоколня высокая. Обширный вид.

Храм Святой Анны, крестом, в итальянском вкусе. Од-

но из священнических одеяний сделано из платья, в котором гильотинировали французскую королеву. Лепная работа и живопись. Десятая часть храма Св. Петра. В академической библиотеке: 2500 рукописей, 25 000 печатных книг. Папская булла о Святом Иоанне Конти. Он стоил Кракову 100 000 экю. Егарт упрекал Академию, что у них нет ни одного святого, а у них много. За словом дело: поставили и своего святого. В Академии на правой руке от ворот видна комната, в которой он жил, а напротив ее придел.

Из старинных печатных книг в Кракове славится Иоанна Дамаскина. Книга записная: записалась в ней жена Димитрия Самозванца. Бантке, библиотекарь, ученый человек, сочинитель Польской истории в 2 томах. Кабинет физический не богат. Кабинет натуральной истории богаче. Аббат Солтык одарил его драгоценнейшими предметами. Есть янтарь, в котором вода. Камни, найденные в Италии: в них сушеные рыбы. Марковский, профессор химии. Жил долго в Париже. Был доктором Жозефины. Бурсы несколько домов, в коих содержатся бедные дети, обучавшиеся в академии. Теперь в гимназии и академии около 1000 учеников и 40 профессоров.

Сукенница, большое строение. Своды. Тут в старину вероятно работали сукна. Теперь лавки и собрания бывают.

Австрийцы ненавидимы. Австрийский император в проезд свой через Галицию с высоты смотрел на Краков, но не въезжал. У президента Сената спросил он, подписана ли уже

конституция, которую он вместе с другими покровителями подписал. У комиссара: начала ли образовательная комиссия свои действия, после уже шестимесячных ее занятий, о коей получал он, между прочим, донесения. Свобода Кракову разорение. Он недоволен богат, чтобы жить сам собою, отпустили на волю старика. Государь здесь считается единственным покровителем, а другие по имени, а на деле притеснители. Говорят, что австрийский двор хотел взять за себя Краков, а государь, чтобы спасти его, предложил объявить его свободным. В несчастьи своем тем он себя утешает.

Wiliczka давала около миллиона червонцев. Можно сказать, что у Кракова отняли хлеб с солью.

Дом Епископа. Одна комната посвящена польской истории. Колонны, потолок расписан предметами, взятыми из истории; другая – варшавскими видами; третья – краковскими. Праздник, где крестьяне скачут через огонь. На другой стене торжество искуснейшего стрелка: шестеро собираются и стреляют в цель; искуснейший выигрывает награждение. Австрийцы уничтожили обыкновение. Без вкуса: краски грубые. Ботанический сад и обсерватории. Профессор Ленский: хороший живописец. Профессор астрономии. В ясный день видны с обсерватории снежные вершины карпатские.

Сад Крыжановского, городское гулянье, чисто содержан.

Сад Кескевичев рядом с ботаническим, бывший банкир отец Скотницкой.

В Кракове жителей 25000, из коих 5 тысяч жидов. Город правильно выстроен. Из лучших улиц *Градская*. Дома высокие, вроде варшавских, но более древних. Стою в трактире у Шидловского под вывескою a la *Providence* в комнате, где отдыхал государь после Аустерлица и Иероним в 1811 году. На стене аллегорическая картина, представляющая государя. Написана после его проезда.

Мбасзунску говорит, что он один раз думал, как перевести настоящим польским словом третий титул Кракова *et strictement neuter – nieakiego miasta*. Город объявлен свободным, не спросивши у жителей, хотят ли свободы. На город наложили свободу. Жиды в городе Казимира. Из Краковской республики можно плюнуть на Австрию. *Подгурже* за Вислою. В правлении герцогства было оно вроде Краковского предместья. Многие крыши домов заслонены стеною. Есть один дом в два окна в ширину.

Четверг, 8 августа

Лобзув. Менее полмили. Развалины замка, построенного Казимиром и, вероятно, перестроенного одним из Сигизмундов. Герб *Barba*. Следы красивого зодчества. Вид на Краков. Могила Эсфири жидовки, любовницы Казимира. Она ночью раз пришла к нему, но королева поймала ее и велела выбросить ее в окно. При Станиславе рыли могилу, но ничего не нашли. Из любви к Эсфири Казимир покровительствовал жидам и построил им город Казимир. Купил Красинский

Wincenty и обязался возобновить. Австрийцы и тут все переломали. Недалеко Wola принадлежащая Вьеловийской.

Из Кракова ездили в театр в Галицию и в третий город от Кракова: в Подгурже. Немцы. Граф Бениевский. Примета образованности. Город под пару подольскому; но есть театр и есть зрители: добрые немцы и жида. Актриса в сажень. Величайшая актриса. Вал вокруг городского укрепления, вроде вала ярославского. Ворота вроде ярославских и кремлевских.

Дешевизна города: таможенных пошлин нет. Можно все выписывать. В трактирах обедают за два злотых. Содержание лошадей дешево. Съестные припасы хороши. Артишоки славные. Плоды вкусные.

Обедал у Wodzick'ого аббата, дяди президента, 75 лет. Заговаривается; но ласков, добродушен. Жил долго в Париже и был аббатом сердечкиным. Об нем говорит Жанлис. Какой-то русский офицер стоял у него в деревне. Он жаловался на панские требования. «Который год вам?» – спросил он у него. «70». – «Как же, проживши так долго на свете, не знаете вы, что человеку необходимо есть и пить». Хорошее старое Венгерское. Картофельное вино. Сладко. Знатоки принимают за Венгерское.

Пятница

Собор в замке, при Мечиславе. Придел Сигизмундов. Прекрасная работа в камне. Мраморные статуи двух Сигиз-

мундов из шведского мрамора. Библиотека. Архив. Сокровища. Голова епископа Станислава. Гвоздь с кресла распятия и ланца подарены императором Оттоном. В подземных сводах гробницы Казимира, Понятовского и Костюшки. Последние две еще не сделаны. В замке богадельня на триста бедных, содержанная человеколюбивым обществом. Комнаты просторны. По 10 грошей на день. Дети обучаются читать и писать. В городе по улицам нищих нет. Ко мне приходили просить милостыню в сюртуке. После увидел я его в мундире городской стражи. Я сказал это без умысла. На другой день президент Сената сказал при мне, что он подписал отставку унтер-офицеру, приходившему просить милостыню. (Вот как составляются путешествия.) Я узнал, что он не по моему случаю был отставлен, а за прежние. Не объяснись это, я остался бы уверен.

Smocza jama. Кракус отравил жившего тут дракона, пожиравшего скот и людей. Дали ему теленка, начиненного серою. Под горою замки.

Zarzecki пишет историю города Кракова. Доходы Кракова 1 200 000 злотых. Войска около 300 человек. Академия стоит около 400 000. Гвардия городского в медвежьих шапках, пугающих австрийского резидента.

После обеда

Бронислава. Пустынь на высокой горе, на берегу Вислы: менее полмили. Чудеснейший и обширнейший вид во все

четыре стороны. Даль с правой стороны от Кракова обставлена лесистыми горами. Небо было облачно. В ясный день, говорят, вид еще отдаленнее. Маленькая церковь. Пустынный. Отставной солдат, раненый под Смоленском. День догорал. На башнях города казалось сияние.

Липка, ближе к Кракову. Пригорок на берегу Вислы. Несколько деревень. Две семьи лип. Графиня Замойска туда часто езжала. У подошвы лип мраморные доски с надписями в Изрядный дом. Каменный забор. Простокваша.

Собачья скала.

Суббота

Выехали в шесть часов утра. Зележки: на Pradnik, речке. Большая деревня. Много ив. На конце деревни скалы. Пещера. На дороге везде по сторонам каменные титаны. Въезжаем в лес. Высокая гора, поросшая лесом. В лесу открывается скала отдельная. Геркулесова палица. На ужасной крутизне огромный замок укрепленный, с башнями. Построен на скалах. Скалы ему фундаментом. Принадлежит Вьелькопольским. На стенах герб Любомирских. С высоты скалы под домом прорыт колодезь. Воду выливают с шумом и по долгом молчании падает. Большие покои. Противолежащая стена гор так высока, что с высоты башни замка – в даль не видно. Новая для меня природа.

Корчма. Обедали. Maczynski, Баснович, Гижитука – Тереза, дочь хозяйки. Поехали долиною до Ойцова на длинной

крестьянской телеге. Швейцарское путешествие. По сторонам скалы – леса, речка Pradnik. Частые мельницы. Дорога извилистая. Картина ежеминутно меняется. Высочайшая скала. На ней торчит церковь. Тут жила святая Соломея. Ойцов замок укрепленный, менее того. В лесу Czarna jama. Пещера ужасной глубины, вроде Велички. Из пистолета стреляли: ужасный грохот. Несли перед нами зажженный смольный свечок: кидал багровое сияние на черные своды. Тут был Станислав. Давали ему праздник. С вершины скалы виден Краков. Напротив две скалы образуют ворота. Каждая скала имеет свой особенный образ: то замок, то укрепление. Я хотел бы видеть мелкого подлеца на этих скалах величественных. Видно ему было бы неловко. Pieskowa skala три мили от Кракова, Czarna jama – две. Обе в Царстве Польском. Есть еще в стороне *Королевская пещера*. Говорят, более этой. Поместье государственное. Гром разразил многие места в Пьесковском замке. Он тут по соседству.

Воскресенье

Могила Кракуса. Высокий насыпной курган на высокой горе по ту сторону Вислы за Подгоржем. Тут, по преданию, лежит Кракус. Город на ладони. Обширные виды во все стороны. Могила Ванды около мили от города.

Тюрьма. Около трехсот заключенных, половина принадлежащая царству. Краковское воеводство еще здесь до приведения в действие образовательных уставов, учреждаемых

образовательной комиссией. Отделения просторны. Воздух чистый. Богуславский, новый Картуш, из дворян Виленских, служил в Смоленском полку подпрапорщиком; начальник шайки; сам никогда не смертоубийствовал и раздавал подаюния. Руки и ноги скованные. Несколько раз бежал. Каждому из работающих и не по смерть осужденных невольников откладывается каждый день часть платы, которую им выдают при отпуске. Прекрасное обновление! Предохранительное и благодетельное! Выпускаемый – невольник без собственности, оглашенный преступником, где найдет себе пристанище освобожденный от цепей? Общество его чуждается и отвергает самые труды его. Отчаяние должно снова кинуть его на дорогу прежнюю.

Президент сената имеет многие здравые и человеколюбивые мысли насчет содержания преступников. Со временем мысли его, приведенные в исполнение, подадут поучительный пример. Республиканское правление основано на нравственности и имеет нужду в людях. Монархическое, самовластное, не заботится об этом. Одно печется возвратить обществу затерявшихся его членов, другое – удивить чужестранцев великолепием тюремного здания. Богуславский, бежавший из тюрьмы, говорил мне, что он многих ковал. Несколько матерей-детоубийц.

Косцельница, деревня графа Jozefa Wodzick'ого, в двух милях. Жена из дома Яблоновских. Дочь Каролина, красавица вроде Олсуфьевой, но лучше. Государь останавливался

у них. Хорошие виды. В саду редкое дерево: род акации с острыми и твердыми иглами. Прекрасный бык. Достойный кисти Потера.

Miaczynski, трудолюбивый и знающий. Писал о *Moratorium*, о пчеловодстве, и книга его сделалась учебною, о *dimes*: царский декрет был основан на его образе мыслей. В немецких газетах отзывались о книге с большой похвалой; теперь занимается он сочинением о постановлении жидов. Важное дело в Польше! Это наше рабство. Думать, да думать. (При этом рукой А.И.Тургенева отмечено: «Прошу выписать мне непременно проект его о жидах». — *Примеч. издателя 1884 года.*) Жаль, что городская площадь завалена деревянными лавками, лачугами; но приносит более 30 000 злотых. Русские любимы, может, более оттого, что Австрийцы и Пруссаки ненавидимы. Здесь все знают Воронцова, Суворова, Ермолова, Эссена и Полторацкого, последний прославился своими праздниками.

Понедельник

Монастырь сестер милосердия. При нем заведение. Около 115 кроватей для больных обоего пола. Довольно тесно. Иные кровати под самым окном. Детей около пятидесяти. Хорошо содержаны. Из грудных большая часть умирает. Доход около 100 000 злотых. Заведение в долгу. Правительство хочет взять его под опеку, как в Варшаве.

Дом безумных. Ужас! Многие лежат на соломе в темной

комнате. Без присмотра. За деревянную решеткою. Колодезь. Нечистота и вонь.

Обедал у декана кафедрального Skorkowsk'ого.

Вторник

Беляны, монастырь. За Брониславою на берегу Вислы, на высокой горе. Вокруг лес, по большей части береза. В лесу просеки. Веселый вид, обширный. 4 монаха. Церковь хороша. В ясный день видна снежная вершина Карпатских гор. С тех пор, что я здесь, небосклон не был ясен. Обедал у аббата Быстроновского. Добрейший человек. Что-то Нелединского в лице, то есть в чертах, а не в выражении. Деревенский Нелединский.

После обеда поехал в Krzescowie. Приехали к ночи. Сегодня в среду на крестьянской подводе поехали в Czerna. Около мили, и монастырь Кармелитский. На высокой горе в лесу. Обгорожен с леса каменною стеною. Из каменных ворот по правую сторону монастыря хороший вид. Колодезь на горе. Отменная вода. Монастырь построен около 200 лет тому назад Firlejowa (кажется, так) и до фамилии Lubomirskich. Sousprium из Белоруссии Lyko. Был в польской службе в Гишпании. Повел нас в...

Debnik. Мраморная ломня, принадлежащая монастырю. Большие горы, но мало работают. Какой-то итальянец платит за них монастырю в год 2000 злотых. Работают человек тридцать. Тут черный мрамор, далее есть белый и других

цветов. Делают для Пулавы памятник Понятовскому из черного мрамора. Один кусок в шесть локтей.

После поехал в *Tenczynek*. Замок около мили от Krzescowie, также принадлежащий Артюру Потоцкому. Замок виден издалека. Вблизи теряется в лесу. На высокой горе. Развалины. Картина Рюисдаля. Господствует над обширной далью. Под ногами с одной стороны зеленое море сосновое, с другой – окрестность взьерошена горами. На одной развалившейся стене высокой висит рябина с красными своими ягодами. Может быть, одна из живописнейших прогулок в окрестностях Кракова. *Czerna* более славится. Может быть, я не все разглядел: а все видел бегом.

Управляющий Krzescowie. Жена приятная женщина, не первой молодости, толстая, глаза прекрасные.

Вечером возвратился в Краков. Был у Скотницкой. Умна и ласкова до крайности. Мать добрая старушка. Любит русских. Между Варшавой и Краковом отношения Петербурга с Москвою. В земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов.

Четверг

Выехал я из Кракова. На дороге в сторону был я в деревне президента Wodzick'ого около 3 миль от города.

Niedzwiedz. Хороший каменный дом. Сад шестилетний, но уже взрослый и с тенью. Большой ботанический сад. Много сибирских деревьев и растений; но всего лучше в деревне

добрая душа хозяина. Не худо и вино. На дороге к нему видна в полумили от Niedzwiedz деревня Гаржецкого. Обе уже в царстве. Тут уж нет и следов краковской природы. Она величественна в краю свободы. Поездка в Краков мне по сердцу. Видел прекрасные места и добрых людей. Чего же еще требовать?

* * *

Воспоминания о Державине, переданные Дмитриевым

Солдатские жены, жившие с Державиным-солдатом, заметили, что он всегда занимался чтением, и потому стали просить его, как грамотея, писать за них письма к родственникам. Державин и писал их. После хотел он употребить в пользу свою писарскую должность и писал (Бакунин говорит, за деньги, за 5 и 10 коп. письмо) письма с тем, чтобы мужья отправляли за него ротную службу, то есть ездили за мукою, счищали снег около съезжей и проч. Далее перекладывал он в стихи полковые поговорки, переписывал Баркова сочинения. Отпущен он был в Москву, где просрочил более полутора года, промотался, проигрался и написал в негодовании стихи на Москву, которую сравнивал с развратным Вавило-

ном. Он сказывал эти стихи Дмитриеву, уже бывши статс-секретарем. Дмитриев помнил, что были поэтические обращения к Кремлю.

* * *

О Долгорукове, Иване Михайловиче, Дмитриев говорит, что он в молодости был *резв* до безумия. Бывало, придешь к нему, он скачет по стульям, по столам, уйдешь от него не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить. Как скоро заведутся деньги, то задает обеды и говорит: люблю сладко поесть. Странно одевался, ходил по улицам в одежде полуполковой и полуактерской из платья игранных им ролей.

Надобно непременно из слов Дмитриева написать несколько костюмов старинных.

* * *

Поездка в Москву 1818 года

Я выехал из Варшавы 14(26) декабря, в десять часов утром с похмелья: лучше пьяным выезжать. Догнал Николая Николаевича (Новосильцева) только в Бресте сегодня

15(27). Что за царство? По всей дороге нет и тени вида. Равнина, перерезанная болотами, песками и сосновыми лесами. По мерзлой земле дорога славная. Брест-Литовский вертеп таможенников. На прошлой ярмарке пошлин за провозимые товары заплачено было 460 00 рублей. На нынешней думают собрать около 400 000, но зато товаров менее. Брест имел одну из древнейших типографий. Буг здесь узок. Николай Николаевич получил эстафету от Волконского, уведомляющего, что государь назначает ему свидание с ним в Минске. Он однако же дождется его здесь. Один Пономарев заплатил около 90 000 пошлин за провоз товаров на 300 000 рублей. С сукна берут пять рублей с аршина. Здешние таможенные фокуспокусничают с повозками. Придет нагруженная бричка, оглянешься – ее уже нет. У Ланга из-под носа так их и скрадывают. Здесь есть и присланный ревизор из Петербурга от Гурьева. Ланг у них, как собака в киях. Стоял у жидовки Раген-Мейер.

16 декабря. Не дождавшись государя, поехали мы с Николаем Николаевичем в Слоним в карете. Приехали ночью, то есть к утру 17-го числа. Здесь жили Огинский, Слонимский, Позняков. Театр, каскады, сады. Было прекрасно, театр в развалинах. Огинский канал, сделанный под присмотром Фалькони. Польских губерний города – те же Рим. Все прах, все воспоминания; но только не так красноречивы. Послушать от них нечего, разве поучения, что народ без харак-

тера и правительство без уложения, что идет всегда рука в руку, не может надеяться на жизнь. Это какая-то подложная жизнь. Такие государства ходят сгоряча. Пощупайте их пульс. Он уже не бьется, или бьется последними судорожными биениями.

В Литве ужасно страдают крестьяне. Николай Николаевич может дать прекрасный пример, как держать казенные аренды. На них смотрят, как на лимон, который попался к вам на минуту в руки. Всякий старается выжать из него весь сок. Честным арендатором был около 20 лет маршал Пусловский, отменный лиможатель. Он кровью крестьян нажил миллионы. Маршал поветовый Бронский. Себе на уме, должен быть тонок, потому что этого не видать. Грабовский – губернский гродненский маршал. Живой Брониц. В Литве задумывают установить состояние крестьян. Грабовский подавал просьбу о том государю. Боюсь, чтобы эта свобода крестьян не была уловкою рабства панов. Увидим, как приступать к делу. Хотят собрать по одному депутату с уезда и решить эту задачу. Дай Бог!

Крестьяне литовские ужасно угнетены. Здесь не знают ни брата на брата, ни других постановлений наших. *Паньщизна*. Крестьянин должен с двумя волами работать три дня в неделю на пана. Редкий имеет и одного вола. Чтобы наверстать, паны заставляют одним волком работать шесть дней.

Стояли в доме часового мастера Либера. Государя ожидали 17-го числа к вечеру. Он приехал 18-го числа к 12-ти

часам утра. Артиллерийская рота простояла на ногах почти сутки. Государь думает, что он, проезжая губернию, ничего с места не трогает, потому что запрещает встречи, приемы. Каждый проезд его – новый налог. Все в движении: губернаторы и вице-губернаторы невидимо следуют за ним, или провожают, как Сбогары. Он не тронут, но по сторонам все режут и давят. Крестьянам за взятых лошадей не платится. Мы спросили у одного хлопа, который с нами ехал: получает ли он за то деньги, которые мы заплатили. А ја рапа wiezu. Точно, как будто не его дело. Он не привык и думать об этом.

Государь приехал в открытых санях с Волконским. Свеж, как будто с постели. Мы поехали из Слонима в Минск в четыре часа после обеда. 18-е число. На санях. На последней станции перед Минском ожидали государя около 30 просителей и просительниц. Посмотреть, точно комическая сцена; подумать, так не так-то смешно. Всякий тут со своими надеждами, расчетами. Друг другу рассказывают. Ужасно положение; 40 миллионов народа, который везде выбившись из сил ждет суда от одного человека. Это положение едва ли не есть отчаяние.

Приехали в Минск в 12 часов утра. Остановились у Влодека. Город, то есть что может назваться городом, на одной площади. Считают в обывателях одного христианина на десять жидов. Все у них в руках. Никакой ремесленник из христиан не может удержаться при них. Они тотчас спустят цену, тот принужден отойти, они снова цену возвысят по-преж-

нему. Около 11000 жителей. Государь приехал в 8 часов вечера. В городе есть театр: Casino. Покои изрядные. Бывает иногда до 150 человек. Вечером должен быть тут бал. Приготовлен был для государя. Не принят, потому что пост: Черныева, Любайска... Дороги в Литве делают 60 сажень ширины. Прогонов скота нет. У нас никогда ни в чем нет меры. В Вильне *Шубравцы* что-то издают не на живот, а на смерть. Николай Николаевич поехал с государем работать на два часа.

* * *

Нижний Новгород.

3 августа 1822 года

Мы приехали вечером 21-го. Город обширный – верхний, казалось, почти совсем пуст, по мере как спускались вниз, движение возрастало. Первое впечатление, делаемое ярмаркой, которую видим с горы, не отвечает той мысли, которую имеешь об ярмарке по рассказам. Она более походит на большой базар не азиатской, а деревенской. Вместе с тем удивляешься богатству, сокровенному под такой смиренной наружностью.

Гостиный двор, то есть именно лавки, очень некрасивы

и что-то похоже более на конюшни. Кирпич и черные кровли дают вид пасмурный. Тут нужны бы краски яркие. Товар лицом продается Церковь прекрасная Главный дом, где помещается губернатор, ресторация, где много зал для собрания, хорош, обширен. Лестница, извилистая и опирающаяся только на четырех столбах, легка, но слишком узка и сжата. Говорят, что губернатор препятствовал в ином исполнении предполагаемого плана для сохранения удобностей в покоях, ему назначенных. Столбы чугунные в лавках, выкрашенные белой краской, тонки, длинны и безобразны.

Вопрос о выгоде перемещения ярмарки из Макарьева в Нижний еще не совершенно, кажется, решен. Впрочем, отлагая в сторону личные и частные выгоды и ущербы, которые должны молчать перед общественной пользой, кажется, решительно можно сказать, что ярмарке приличнее быть достоянием губернского города, каков Нижний, нежели Макарьевского монастыря, который один обогащался ею, тогда как город нимало не богател и не украшался.

Реман в записках о Макарьевской ярмарке (на которую, впрочем, кажется, смотрел он слишком поэтическим глазом) замечает, что в Макарьево не видишь и следов выгод, которые ярмарка должна бы доставить городу. Притом должно вспомнить, что на первые годы, пока казна не выручит наемом лавок деньги, употребленные ей на сооружение гостиного двора (а и по выручке, может быть, захочет она сократить этот долг), то высокая цена лавок весьма ощутительна

для купцов, особливо же тех, которые приезжают с товаром не на миллионы, а на несколько тысяч рублей. Вообще кажется здание слишком огромно.

Потребность ярмарки должна ослабевать в государстве, по мере, как распространится образованность, а с нею и промышленность и выгоды общежития. Не нужно тогда будет ехать за несколько сот верст запасаться тем, что для общей выгоды и покупателей, и продавцов будет у каждого под рукой. Число приезжих дворян от году в год убавляется. Многие купцы еще по старой привычке приезжают на ярмарку, но неудача ежегодная отучит их от нее.

Разумеется, говорю здесь о торговле мелочной, а главная отрасль здешней торговли, как то: железо, чай и рыба, никогда не ослабнет, потому что ей нужно иметь средоточие, из коего распространится она по России (и это средоточие самой природой назначено в Нижнем). Вина продавалось до вчерашнего дня около тысячи ведер. Это немного, полагая, что стечение народа возвышается до 200 000 и что в обыкновенное время продается в Нижнем от 200 до 300 ведер. Впрочем, возрастание винной продажи во время ярмарки не ограничивается одним городом, а отдается и во всей губернии вместе с движением и беспрестанным приливом и отливом народа. Недостаток методы и гласности везде колет глаза в России. Приезжему невозможно обнять одним взором и поверхностного положения ярмарки. Ничего не печатается, нет торговых ведомостей, извещающих о приезде купцов, о

количестве товаров, о состоянии курса. Все это делается как ни попало, и как Бог велит.

Конечно, Русский Бог велик, и то, что делается у нас впотьмах и наобум, то иным при свете и расчетах не удаётся делать. При нашем несчастье нас балует какое-то счастье. Провидение смотрит за детьми и за пьяными, и за русскими, прибавить должно.

Вероятно, показания купцов были бы неверны, ибо недоверчивость к правительству есть вывеска нашего политического быта, но все от большей гласности и большего Европеизма в формах, были бы какие-нибудь средства получить понятие о действиях ярмарки и основать на том свои соображения, выгодные не для одного любопытства, но и для самой общественной пользы. Теперь и самые купцы и правительство не имеют положительного познания о действиях и средствах ярмарки. Здесь каждый знает о себе, как в сражении офицер о действиях своей команды, но нет главнокомандующего, известного о действии целого, и нет политика, основывающего свои планы на последствия действий. Ярмарка не представляет никаких или весьма мало увеселений, приманок для любопытства праздношатающихся. Новое доказательство, что главный характер ее – европейский и образованный. Приезжие иностранные купцы здесь как бы случайно, и нет сомнения, что они со временем перестанут ездить, а для наших бородачей прихоти общежития не нужны. Я уверен, что ярмарка в Макарьеве была своеобразнее и

живописнее. Здесь хотели китайскую картину вставить в европейскую раму, азиатский кинжал в европейскую оправу, и нет единства. Торговля здешней ярмарки дома в балаганах. В лавках она в гостях и ей неловко. Зябловский в *Новейшем землеописании Российской Империи* (второе издание, 1818) говорит: что «количество привозимого на сие годовое торжище товаров простирается ежегодно до 5 миллионов рублей». Ошибка ли это от незнания или не позволено правительством было сказать истину?

9 августа мы поехали с прокурором. Теперешняя городская тюрьма деревянная и ветхая. Затворников около ста. Пересылочных далее не тут содержат. Нашли тут мальчика лет 12-ти. Он учился в семинарии, узнал, что у одного знакомого крестьянина, отъезжающего в деревню, есть деньги, рублей 30, уговорил его отвезти с собою к отцу своему, дорогою напоил его на свои деньги, и как тот крестьянин заснул крепким сном, два раза ударил его топором по голове, шапка спасла крестьянина от смерти.

Помещение дурное. Новый тюремный замок каменный еще не достроен. Ассигновано на него 218 000, но, кажется, еще потребно будет около ста тысяч. Должно, и половины не стоит. Строят его исподволь, уже третий год. Из комнат, назначенных для смотрителя, вид на город хорош. Отделения нижние, назначенные для важных преступников, будут, без сомнения, сыры и темны. Все делается из одного тщеславия

и для одной наружности. Об истинной пользе и помина нет.

Оттуда полями поехали в Девичий монастырь. Город на правой руке. Виды на него хороши. Нижний, который на высокой горе, с дороги казался в долине. Девичий монастырь красив, опрятен, большая церковь еще не достроена. В ограде дорожки посыпаны песком, цветники.

Дорофея Михайловна Новикова, игуменья – приветливая, умная; говорят, красноречивая. Сказывают, что она переделала на русский лад историю Элоизы. Взаимная любовь связывала ее с пензенским дворянином. Согласились они поступить в монашеское звание. Долго уже после того она сделалась игуменьей, а он – архимандритом Израилем. Все у нее в монастыре делалось по его советам. Он живал у них, – но под конец разорились они.

Из монастыря поехали на место *Гребешек*. Вид чудесный в три стороны. Гостиный двор ярморочный как на блюдечке, но и мал, как сахарный. На горе часовня Алексея митрополита. Повыше монастырь, им заложенный. Алексей, недовольный первым приемом жителей, сказал, что здесь горы каменные, а сердца железные. Не понимаю, как избы ветхие торчат по горе и как не сносит их весною. Здесь гипербола Пушкина: «Домишка, как тростник, от ветра колыхал», становится правдоподобной.

Кирпичи, которых тысяча продавалась по 10 рублей до строения гостиного двора, взошли до 20 экономическими мерами Бетанкура. Вольные кирпичники последовали казен-

ной цене.

* * *

Дорога от Москвы в Пензу: 696 верст (по подорожной 695), по 5 копеек, кроме первой станции. Издержано всего дорогою 146 рублей. От Пензы в Мещерское 85 верст, на Елань. Скрыпицыно. Проезжаешь имение трех Бекетовых. У Аполлона дом каменный с аркою на дороге, которая когда-нибудь сядет на голову проезжающего.

Выехал я из Москвы 12-го числа (декабря, 1827), в семь часов вечера. В полдень на другой день был во Владимире, ночью в Муроме, на другое утро поехал я на Выксу к Шепелеву, верст тридцать от Мурома. Едешь Окою. От него ночью вывезли меня на вторую станцию от Мурома.

В Арзамасе видел я *общину*. Церковь прекрасная. Позолота работы затворниц – искусные золотошвейки. Около пятисот затворниц. Община учреждена во время упразднения многих монастырей. Кажется, в доме господствуют большой порядок, чистота. Настоятельница – женщина – или девица пожилая, умная, хорошо говорит по-русски, из Костромы, купеческого звания. Тут жила юродивая дворянка, которая пользовалась большою известностью, пророчествовала и, говорят, часто сквернословила. В ее келье, после ее смерти, читается неугасимый Псалтырь, стоит плащаница с деревянными или картонными статуями. Монастырь не имеет

никаких определенных доходов. Заведение благотворительное и было бы еще благотворительнее, если при святом назначении его было бы и мирское просвещение. Например, школа для бедных детей, больница для бедных и тому подобное. В Арзамасе есть школа живописи, заведенная дворянином-академиком. Картины этой школы развешаны и продаются в трактире. Все это зародыши образованности. Просвещение выживает дичь. Не доезжая Пензы от станции в деревне графини Лаваль знаменитой – *Рузаевка* поэта Струйского. После него остались вдова и два сына, живущие в околотке. От станции в 15-ти верстах в другой деревне Лаваль застрелился молодой Лаваль. Дорогою деревня Полуектова, кажется, Шатки.

В Пензу приехал я в 10 часов вечера 16-го. В Мещерское 17-го после обеда. Во Владимире, Венедиктов, председатель палаты, бывал в чужих краях. Мещерские соседи: Миленин, Свиридов (муж слепой, жена усастая, сын ни рыба, ни мясо, жена его – хорошее белое мясо), Таушев, Гистилины, Сольден, бывшая Мерлина, бывшая Есипова. У Миленина какой-то восточный уроженец, о котором говорит Броневский в *Записках морского офицера*. Был в плену и в плену героически действовал. По словам его, в рассказе Броневского о нем есть правда и неправда! Сердобский уезд полон еще молвою и преданиями о житье-бытье Куракина Александра Борисовича в селе его Надежине во время опалы. Река Хопер. Губернаторство Сперанского в Пензе не оставило в Пензе никаких прочных следов. Доказательство, что в нем нет благона-

меренности и патриотической совести. Он оставил по себе одну память человека общежительного. Сомов, вице-губернатор Саратовский, пользуется репутацией честного и бескорыстного человека. Теперь вышел в отставку. Белорукова, пензенская дворянка, засекала девочку 8-ми лет. Исполнительницею приказания ее была няня, которая после заперла несчастную в холодном месте, где она и умерла. Сын Струйского, сосланный в Сибирь также за жестокосердие. Степанов, сердобский предводитель. Дочь довольно милая.

Мы выехали 5-го января из Мещерского в Пензу в восьмом часу утра. Погода казалась тихая и теплая, мы думали, что часов в пять после обеда будем в городе. Вместо того настал мороз ужасный, вьюга ледяная, и в пятом часу приехали мы только в Елань. Кучера и люди перемерзли, форейтор отморозил себе нос и колено. Видя это, еланские ямщики нас никак везти далее не хотели до утра, несмотря на просьбы, увещания, обещания дать двойные прогоны; должны мы были решиться провести на месте часть дня и ночь. Мороз был красноречивее нас и денег.

На беду нашу попали мы на сочельник. Печь была худо натоплена и ничего в печи не было, а мы, полагая, что будем несколько часов в езде, не взяли с собою запаса. Вот что значит ездить по степям. Здешние жители, пускаясь и на малую дорогу, берут с собою не только провиант, но и дрова на всякий случай. Застигнет их ночь и метель, они приютятся к стогу сена, разложат огонь и бивакируют. Мы были взяты

врасплох, как Наполеон русской зимой.

Проведши около 15-ти часов в избе холодной, но дымной, в сообществе телят, куриц (не говоря уже о мелкопоместных тараканах), родильницы, лежащей на печи с трехдневным младенцем, пустились мы на другое утро в Пензу. Мороз не слабел, но погода была тише. В девятом или десятом часу приехали в Пензу, остановились на въезде города у Сушковой. Я отправился в собор. Теплая церковь, темная как пещера. Верхняя, летняя, говорят, хороша. Оттуда на Иордань.

Архиерей Ириней. Отец его серб, мать – молдаванка. Воспитан был в Киеве. Прекрасной наружности и что-то восточное: в черных глазах и волосах, в белых зубах и в самых ухватках. Выговором и самыми выражениями напомнил он мне Василия Федоровича Тимковского, с которым он учился и коротко знаком. Он был в Яссах и в Кишиневе. Скоро вышел в архиереи. Обращения приятного. В разговоре предавал проклятию Вальтера Скотта, в особенности за роман *Крестовые походы*.

Вечером было собрание немногочисленное. Зала довольно велика и хороша. Загоскина вдова – сестра Васильковской; Всеволожская, урожденная Клушина, – племянница автора (*Умовение ног*); муж ее – сын Всеволожской-Огаревой. Очкина, жена купца, бывшая девица Приоре, воспитанная у генеральши Сольден. Девушки Болдыревы, Золотарева (пензенская Офросимова) с двумя дочерьми; вдова Бекетова, сестры

ее Араповы, сестры Пимена Арапова, Еврейновы. Ховрина была в деревне. Новое удостоверение, что Ансело прав и что женский пол наш лучше нашего.

Братья Ранцовы, жена одного Вельяшева, сестра Александра Петровича. Губернатор Федор Петрович Лубяновский; вице-губернатор Антонский, племянник московского. Полициймейстер Путята дает дому сгореть как свечке. Недавно сгорел таким образом дом предводителя губернского, женатого на Араповой. На полицию очень жалуются. Старушка Вигель, мать нашего, больная в постеле, женщина, кажется, умная и в городе уважаемая. Один сын ее женат на Чемизовой, упоминаемой в скандальезной хронике пензенской. Дочь за Юматовым. Говорят, прокуратница; другая дочь блаженствует в старых девах. Внук, служивший в гвардии.

Губернатор не любим. Идет молва, что потакает ворам и не из простоты. Человек умный, хотя, вероятно, ума не открытого и не возвышенного. В старые годы перевел *Телемака* и напечатал его. Несколько лет тому принялся за исправление перевода, но за делами службы не успеваает кончить труда. Дела у него идут поспешно и все собственноручно. Перевел также несколько мистических книг. Выдал свое путешествие, которое, если не именным указом, то министерским приказом (Кочубея) было раскуплено начальствами и в губерниях, так что он собрал довольно значительную сумму в то время, когда авторы лучшие писали у нас только *из чести*.

Пензенский театр. Директор Гладков, Буянов, провонявший чесноком и водкой. Артисты крепостные, к которым при случае присоединяются семинаристы и приказные. Театр, как тростник от ветра колыхаясь, ветхий и холодный, род землянки. В ложи сходишь по лестнице крючковой. Освещение сальными свечами, кажется, поголовное по числу зрителей. На каждого зрителя по свечке. В мое время горело, или лучше сказать, тускнело свеч 13.

Я призвал в ложу мальчика, которого нашел при дверях, и назначил его историографом и биографом театра и артистов и содержателя. Кто эта актриса? – Саша, любовница барина. Он на днях ее так рассек, что она долго не могла ни ходить, ни сидеть, ни лежать. – Кто эти? – Буфетчик и жена его! – Этот? – Семинарист, который выгнан был из семинарии за буянство. – А этот? – Бурдаев, приказный, лучший актер. – А этот? – Бывший приказный, который просидел год в монастыре, на покаянии. Он застрелил нечаянно на охоте друга своего Монактина, также приказного.

По несчастью, Гладков имеет три охоты, которые вредят себе взаимно: охоту транжирить, пьянство и собачью.

Собаки его не лучше актеров. После несчастной травли он вымещает на актерах и бьет их не на живот, а на смерть. После несчастного представления он вымещает на собаках и велит их убивать. Вторая охота его, постоянная, служит подкреплением каждой в особенности и совокупно. Впрочем, Саша недурна собою и немногим, а может быть, и ничем

не хуже наших императорских. Актер также недурен. Давали *Необитаемый остров*, *Казачий офицер* и дивертисмент с русскими плясками и песнью «за морем синичка не пышно жила». Вообще мало карикатурного, и должно сказать правду, на московском театре, в сравнении столицы с Пензою и прозванием *Императорским с Гладковским*, более нелепого на сцене, чем здесь.

Больнее всего, что пьяный помещик имеет право терзать своих подданных за то, что они дурно играли или не понравились помещику. Право господства не должно бы простирается до этой степени. При рабстве можно допустить право помещика взыскивать с крепостных своих подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственные их назначению и включенные в круг действия им сродного, и наказывать за неисполнение таковых законных обязанностей, но обеспечить законной властью и сумасбродные прихоти помещика, который хочет, чтобы его рабы плясали, пели и ломали комедь без дарования, без охоты, есть уродство гражданское, оно должно быть прекращаемо начальством, предводителями как злоупотребление власти. И после таких примеров находятся еще у нас заступники крепостного состояния.

Лубяновский рассказывал мне о возмущении крестьян Апраксина и Голицыной в Орловской губернии числом 20 000 душ, когда по восшествии Павла приказал он и от крестьян брать присягу на верноподданничество. Крестьяне,

присягнув государю, почитали себя изъятыми из владения помещичьего. Непокорность их долгое время продолжалась, и Репнин ходил на них с войском. Лубяновский был тогда адъютантом при князе. У крестьян были свои укрепления и пушки. Присланного к ним для усмирения держали они под арестом. Репнина, подъехавшего к селению их с словами убеждения и мира, прогнали они от себя, ругали его. Репнин велел пустить на них несколько холостых выстрелов. Сия ложная угроза пуще их ободрила.

Они бросились вперед. Наконец несколько картечных выстрелов привели возмущенных к покорству.

Происшествие, похожее на происшествие 14 декабря, только последствия были человеколюбивее. Зачинщиков не нашли и не искали. Репнин велел похоронить убитых картечью и поставил какую-то доску с надписью над ними. Дело это казалось так важно, что Павел писал Репнину: «Если мой приезд к вам может быть нужен, скажите, я тотчас приеду». Возмущения нынешние в деревнях приписывают проделкам либералов. Кто из либералов тогда действовал на крестьян? Рабство, состояние насильственное, которое должно по временам оказывать признаки брожения и, наконец, разорвать обручи недостаточные. Пенза полна пребыванием Голицына, флигель-адъютанта. Он всех привел в трепет и тем более нравился обществу, что, сказывают, осадил губернатора, которого не любят. Приезжает он к Васильеву, советнику, известному знанием в делах и взяточничеством. Увещава-

ет его: как не стыдно ему, при его способностях для службы, бесчестить себя корыстием. Тот уверяет в своей чистоте. — «Как же вчера взяли вы с того-то триста рублей?» Васильев, пораженный всеведением архангела с мечом и пламенем, клянется на образе, что вперед брать не будет. Принесут ли пользу эти архангелы, носящиеся по велению владыки из конца в конец земли? Невероятно. Как буря они подымут с земли сор и пыль, но сор и пыль после них опять сядут. Буря не чистит земли, а только волнует. Могут ли Голицыны и все эти флигель-архангелы способствовать к благодетельному преобразованию? Непосредственнейшее и неминуемое действие их явления должно быть ослабление повиновения и доверенности управляемых к правящим. На что же генерал-губернаторы, губернаторы, предводители, прокуроры, если нельзя на них положиться? На что Сенат Правительствующий блюстительный, если не ему поверять надзор за исполнением законов? Скорее же из Сената отделять ежегодно ревизоров по всем губерниям. Должно употреблять орудия, посвященные на каждое дело, а не прибегать к перочинным ножичкам потому только, что они ближе и под рукою. Вы оказываете недоверчивость к генерал-губернатору, а облакаете доверенностью гвардейского офицера, который созрел для государственных понятий в манежах или петербургских гостиных. Не пошлете же вы советника губернского правления произвести военное следствие?..

Пенза город довольно хорошо выстроенный, и летом дол-

жен быть живописен. Модная лавка m-me Chopin, мать переводчика.

Книжка 5. (1825–1831)

2

И.И. Дмитриев бранил меня за выражение *казенный*. Чувствую и сам, что оно не авторское. Но как же выразить *d'office, de rigueur oblige*?

Трюбле говорит, что достоинство иных стихов заключается, как достоинство многих острых слов (*reparies gasconnes*), в особенном выговоре, так и мысль иная требует особенного выражения, чтобы тотчас подстрекнуть внимание.

В слогe нужны вставочные слова, *яркие заплаты*, по выражению, кажется, Пушкина, но в каком смысле, не помню. Эти *яркие заплаты* доказывают бедность употребившего их и не имевшего способов или умения сшить все платье из цельного куска, но они привлекают взоры проходящих, а это и нужно для нашей братии.

* * *

29 июня

Maximes et pensees de M-r Joseph de Willete depute a l'usage de la chambre elective. Brochure in 8. («Правила и мысли депутата выборной палаты».)

---

² Тексты из «Книжки 4» не публикуются.

Об этой книге объявлено в «J. des Debats» 18-го июня 1826. Надобно ее выписать! Эта забавная насмешка. Наши не боятся подобных очных ставок с самим собою. *Semper idem* – их девиз; их ничтожество всегда одно и то же.

* * *

Вот что пишу сегодня к Николаю Муханову о смерти графа Григория Владимировича Орлова.

В нем была европейская благонамеренность в уме и обращении. Пожалуй, говори, что не он писал свои книги.

Спасибо ему и за то, что русский граф и русский барин нескольких тысяч душ, искал он отличия авторского и, следовательно, признавал его в душе; а большая часть наших баричей презирает ум и чванится презрением своим. Лучше же быть Чупятовым в каталоге, чем в списке государственных вельмож и кавалеров...

Орлов за деньги покупал звание автора. Право, честнее быть в его коже, чем в другой. Кто-то сказал, что лицемерие это дань, которую порок платит добродетели. Лицемерие графа Орлова было данью, которую тщеславие, знающее себе цену, платило уму. Впрочем, перевод басней Крылова есть его творение. В этом предприятии есть ум и чувство, и патриотизм, и европейская замашка.

* * *

«Император Александр переходил от увлечения к увлечению и от культа к культу. С 1803 по 1807 годы у него был культ Екатерины и ее образа правления, отвергнутого Павлом I; с 1807 по 1811 год у него был культ Наполеона, его славы, его завоевательных идей; с 1812 по 1815 год у него, совместно с испанскими кортесами, немецкими студентами, польскими сеймами и французскими конституционалистами, был культ либеральных принципов, как это подтверждают его прокламации к народам; с 1815 по 1825 год у него был культ власти и Священного союза» (le Courier Francois 25 Decembre 1825).

С некоторыми исправлениями и прибавлениями сие разделение было бы довольно верно. В этой же статье приписывают энтузиастическое расположение Александра родовому расположению в отрасли Голстейн-Готторпской.

* * *

В Morning-Post уверяют, что Александр умер насильственной смертью, и к этой сказке припутывают и цесаревича, и прогулку по Азовскому морю, и проч. и проч.

В Morning Chronicle сказано: «Мы слышали несколько

времени тому назад, что рассудок императора Александра был поврежден, но не могли удостовериться в истине этого слуха».

* * *

9 июля

Смешно читать глупости, коими наполнены французские ведомости, современные смерти государя.

* * *

10 июля

Сегодня писал А. Тургеневу о его печали: «Такое несчастье ассигнации. Они имеют ход дома, но за границей теряют всю свою цену и делаются белой бумагой... Жизнь может принести вам еще несколько вкусных плодов. Плодов волшебных ждать уже нечего. Драконы существенности поели все гесперидские яблоки нашей старины, и мы остаемся при одном яблоке, начатом Евой, и которого по сию пору не переварил еще желудок человеческого рода. Мы все изгнанники и на родине. Кто из нас более или менее не пария! А лучше же быть парией под солнцем, чем под дождем и снегом».

13 июня

Сюлли говорил: «Пашня и пастбище – два сосца государства».

В царствование Людовика XI святой Франсуа де Поль вывез из Италии новый вид груши, которую король из уважения к святости его назвал именем: «*bon chretien*» – *добрый христианин*. Генрих IV ревностно покровительствовал успехи земледелия и садоводства. Как наш Петр, он имел на все время. Мы не только покоимся под сенью славы, им насажденной в России, но и под тенью деревьев, насажденных им. Новая, то есть настоящая Россия, есть точно творение его мысли всеобъявшей. Царствование Екатерины способствовало созреванию. Другие царствования ничего не насадили, а разве только простригли чашу. Иное очистили, но зато и многое погубили и извели самые соки. Теперь во многом нужен новый Петр, то есть новый зиждитель. После Екатерины след был еще горячий: теперь остыл.

Генрих, желая основать благоденствие на земледелии, предписывал Сюлли оказывать небрежение к дворянам, приезжавшим в Париж, чтобы величаться своей роскошью. Он хотел, чтобы они жили по своим поместьям и занимались ими. «Счастлив, – говаривал он, – кто имеет 10 000 ливров годового дохода и никогда не видал короля!»

* * *

Ньютон родился в самый год кончины Галилея, достойный наместник вакантного места! Не родится ли и у нас тот, который в мире литературном заместит Галилея нашей словесности и истории?

* * *

В *Journal des Debats* 25 июня есть манифест государя о смертной казни в княжестве Финляндском. В переводе он очень не ясен. – Сыскать его в подлиннике.

Существо его в том, что смертная казнь, видимо, расточаемая уголовным уложением Финляндским, будет в случаях, не касающихся до преступлений государственных, оскорблений величества, применяема в ссылку в Сибирь на каторжные работы, но редакция очень многоречива и запутана.

Во французском переводе сказано: «un criminel du genre masculin». Что это за грамматический преступник? Опечатка ли это, вместо du sexe masculin, или просто глупость? Вообще у нас все официальные бумаги и акты худо переводятся, зато, правда, почти все и худо пишутся. Ссылка в Сибирь не нарушает ли прав финляндцев? В польской конституции именно отъемлется навсегда кара высылки, de l'exportation,

и верно тут подразумевалась Сибирь. Если ссылка в Сибирь не нарушение политических прав Финляндского княжества, то к чему и манифест? И без него знают, что государь имеет право помилования и облегчения, если, впрочем, вечная ка-торга в Сибири похожа на облегчение? Может быть, это предисловие к последствиям Верховного суда и роль повешения, что государь не почитает себя вправе миловать тех, чьих преступление «настолько серьезно, что могло бы нарушить спокойствие и безопасность государства, компрометировать общественный порядок, прочность трона и наносило бы оскорбление его величеству».

19 июля

Не знаю, справедлива ли догадка моя, изъятая выше, по крайней мере 13-е число жестоко оправдало мое предчувствие! Для меня этот день ужаснее 14-го.

По совести нахожу, что казни и наказания несоизмеримы преступлениям, из которых большая часть состояла только в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оногo.

Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказывать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные. Правительство должно обеспечить государствен-

ную безопасность от исполнения подобных покушений, но права его не идут далее.

Я защищаю жизнь против убийцы, уже поднявшего на меня нож, и защищаю ее, отъемля жизнь у противника, но если по одному сознанию намерений его спешу обеспечить свою жизнь от опасности еще только возможной, лишением жизни его самого, то выходит, что уже убийца настоящий не он, а я. Личная безопасность, – государственная безопасность, слова многозначительные, и потому не нужно придавать им смысл еще обширнейший и безграничный, а не то безопасность одного члена или целого общества будет опасностью каждого и всех.

Правительство имело право и обязанность очистить, по крайней мере на время, общество от врагов его настоящего устройства, и обширная Сибирь предлагала ему свои безопасные заточения. Других нужно было выслать за границу, и Европа, и Америка не устрашились бы наводнения наших революционистов. Не подобными им людьми совершается революция, не только в чужбине, но и дома.

Пример казней, как необходимый страх для обуздания последователей, есть старый припев, ничего не доказывающий. Когда кровавые фазы Французской революции, видевшей поочередную гибель и жертв, и притеснителей, и мучеников, и мучителей, не служат достаточными возвещениями об угрожающих последствиях, то какую пользу принесет лишняя виселица? Когда страх казни не удерживает ру-

ки преступника закоренелого, не пугает алчного и низкого корыстолюбия, то испугает ли он страсть, ослепленную бедственными заблуждениями, вдыхающую в душу необыкновенный пламень и силу, чуждые душе мрачного разбойника, посягающего на вашу жизнь из-за ста рублей.

Плаха грозит и ему так же, как государственному преступнику, но ему она является во всем ужасе позора, а последнему – в полном блеске апофеоза мученичества. Когда страх не действителен на порок, всегда малодушный в существе своем, то подействует ли он на фанатизм, который в самом начале своем есть уже *исступление*, или *выступление* из границ обыкновенного.

Одни безумцы могут затеять революцию на свое иждивение и для своих барышей. Рассудок, опыт должны им сказать, что первые затейщики бывают первыми жертвами, но они безумцы, в них нет слуха для внимания голосу рассудка и опыта! Следовательно, и казнь их будет бесплодной для других последователей, равно безумных. А для того, который замышляет революцию в твердом и добросовестном убеждении, что он делает должное, личный успех затмевается в ложном или истинном свете того, что он почитает истиной!

...Закон может лишить свободы, ибо он ее и даровать может, но жизнь изъемлетя из его ведомства. Смерть, таинство. Никто из смертных не разгадал ее. Как же располагать тем, чего мы не знаем? Может быть, смерть есть величайшее

благо, а мы в святотатственной слепоте ругаемся сею святыней! Может быть, сие таинство есть звено цепи нам неприступной и незримой, и что мы, расторгая его, потрясаем всю цепь и расстраиваем весь порядок мира, запредельного нашему.

Сии предположения могут быть приняты в уважение и не одним суеверием. Конечно, они сбиваются на мечтательность, но чем доказать их неосновательность, какими положительными опровержениями их низринуть? Человек, закон не могут по произволу даровать жизнь, следовательно, не властны они даровать и смерть, которая есть ее естественное и непосредственное последствие.

20 июля

Если смертная казнь и в возвышенном отношении есть мера противоестественная и нам не подлежащая, то увидим далее, что как наказание не согласна она с целью своей. Может ли смерть, неминуемая участь каждого, быть почитаема за верховное наказание, которое в существе своем должно быть чем-то отменным, изъятым из общего положения? Может ли мысль о смерти остановить того, который не уверен ни в одном часе бытия своего? Сколько людей хладнокровно разыгрывают жизнь свою в разных опасных испытаниях, в поединках, в предприятиях дерзновенных? Если страх насильственной смерти был бы так действителен над человеком, то из кого вербовалась бы армия?

Говорю здесь об одних политических преступниках, коих единственное преступление в *мнении*, доведенном до страсти. У других преступников и другие страсти; но во всяком случае мысль о смерти никого испугать не может. Человек, рассуждающий хладнокровно, скажет: я могу только ускорить час свой, но все пробить ему должно! Сколько раз висела у меня жизнь на волоске от неосторожности моей, от прихоти. Кто уверит меня, что завтра не постигнет меня смертельная болезнь, которая повлечет меня к фобу томительной и страдальческой кончиной, или что сегодня не обрушится на меня смерть нечаянная? Человеку в жару страсти, или страстей своих порочных или возвышенных, все равно, не нужно ободрять себя рассуждениями. Он в слепом отчаянии ничего не видит, кроме цели своей, и бешено рвется к ней сквозь все преграды и мимо всех опасностей. Страх смерти может господствовать в душе ясной, покойной, любящейся настоящим, но не такова душа заговорщика. Она волнуема и рвется из берегов. Мысль о смерти теряется в буре замыслов, надежд, страстей, ее терзающих.

Карамзин говорил гораздо прежде происшествий 14-го и не применяя слов своих к России: «честному человеку не должно подвергать себя виселице!»

22 июля

Сам Карамзин сказал же в 1797 году:

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?

В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв, не вижу ничего.

Жалеть об нем не должно:

Он стоил лютых бед несчастья своего

Терпя, чего терпеть без подлости не можно.

Какой смысл этого стиха? На нем основываясь, заключаешь, что есть же мера долготерпению... Был ли же Карамзин преступен, обнаруживая свою мысль, и не совершенно ли она противоречит апофегме, приведенной выше? Вот что делает разность мнений!

Несчастный Пущин в словах письма своего (*Донесение следственной комиссии*, стр. 47): «Нас по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынешний единственный случай», дает знать прямодушно, что, по его мнению, мера долготерпения... переполнена, и что нельзя было не воспользоваться пробившим часом.

Человек ранен в руку, лекари сходятся. Иным кажется, что антонов огонь уже тут и что отсечение члена – единственный способ спасения; другие полагают, что еще можно помирволить с увечьем и залечить рану без операции. Одни последствия покажут, которая сторона была права; но различность мнений может существовать в лекарях равно сведущих, но более или менее сметливых и более или менее надежных на вспомогательство времени и природы.

Разумеется, есть мера и здесь. Лекарь, который из-за царапки на пальце поспешит отсечь руку по плечо, – опасный невежда и преступный палач. Революционеры Англии и Франции (если они существуют), которые, раздраженные частными злоупотреблениями, затевают пожары у себя, так же нелепо односторонни в уме или преступно себялюбивы в душе, как и эгоист, который зажигает дом ближнего, чтобы спечь яйцо себе...

* * *

Вот стихи Батюшкова, подражание Байрону, писанные им в чужих краях, и едва ли не последние:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа мать,
Ты сердцу моему дороже;
С тобой, владычица, я властен забывать
И то, что был, когда я был моложе,
И то, что ныне стал под холодом годов.
С тобой я в чувствах оживаю;
Их выразить язык не знает стройных слов
И как молчать о них не знаю!
Шуми же ты, шуми, огромный океан!

Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран;
Но море чем себе присвоить?
Трудися; созидай громады кораблей...
Не сказано ли у него
И то, что был, как был моложе,

а то стих не равен с прочими.

Кажется, так же легко было бы исправить и рифму в прекрасной строфе прекрасного перевода из Касти:

Сердце наше кладезь *мрачный*,
Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись ко дну, *ужасный*
Крокодил на нем лежит.

Вставить бы *темный* и *огромный*. Неисправная рифма как разноцветная заплатка рябит в глазах. Рифма и так уже вставка; так, по крайней мере, подберите оттенок к оттенке.

* * *

Мы видим счастья тень в мечтах земного света,
Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета.

Карамзин.

Умел же и осмелился же Верховный уголовный суд предписывать закон государю, говоря в докладе: «И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов; но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие, и с общей безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны».

Тут, где закон говорит, что значат ваши умствования и ваши предложения? Когда дело идет о пролитии крови, то тогда умеете вы дать вес голосу своему и придать ему государственную значительность... А в докладе следственной комиссии не хотели и побоялись оставить вопль жалости, коим редактор хотел окончить его, чтобы обратить сострадание государя на многие жертвы, обреченные всей лютости закона буквального, но которые должны быть бы изъяты из списка, ему представленного, по многим и многим уважениям.

Как нелеп и жесток доклад суда! Какое утонченное раздробление в многосложности разрядов и какое однообразие в наказаниях! Разрядов преступлений одиннадцать, а казней по настоящему три: смертная, каторжная работа и ссылка на поселение. Все прочие подразделения мнимые, или так сливаются оттенками, что не различишь их! А какая постепен-

ность в существе преступлений! Потом, какое самовластное распределение преступников по разрядам. Капитан Пущин в *десятом разряде осужден к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги*, а преступление его в том, что «знал о приготовлении к мятежу, но не донес!» А в 11-м разряде осужденных к *лишению токмо чинов, с написанием в солдаты с выслугой*, есть «принадлежавший к тайному обществу и лично действовавший в мятеже».

Тургенев, осуждаемый к смертной казни отсечением головы в первом разряде, Тургенев, не изобличенный в умысле на цареубийство; зато и в шестом разряде осуждаемых к временной ссылке в каторжную работу на 6 лет, а потом на поселение – *участвовавший в умысле цареубийства*.

Еще вопрос: что значит *участвовать* в умысле цареубийства, когда переменной в образе мыслей я уже отстал от *мысленного участия*. И может ли *мысль* быть почитаема за *дело*? Можно ли наказывать как вора человека, который, лет десять тому, помышлял, что не худо было бы ему украсть у соседа сто рублей, и потом во все продолжение этих десяти лет бывал ежедневно в доме соседа, имел тысячу случаев совершить покражу и не вынес из дома ни полушки...

Что за верховный суд; который, как Немезида, хотя и поздно, но вырывает из глубины души тайны и давно отложенные помышления и карает их за преступление налицо! Неужели не должно здесь существовать право давности? Например, несчастный Шаховский! Что могло быть общего с

тем, что он был некогда, и тем, что был после. И один ли Шаховский? Зачем так злодейски осуществлять слова? Мало ли что каждый сказал на своем веку? Неужели несколько лет жизни покойной, семейной, не значительнее нескольких слов, сказанных в чаду молодости, на ветер.

* * *

Wichterpall. Я поехал туда 27 (июля 1826) и возвратился в Ревель 28-го. Дорога каменная, там, где кончается городская земля, или, правильнее, городской песок. В Вихтерпале есть шведские селения.

Шведы, говорят, живут чище туземцев и лучше строят свои избы – окна более. Шведки отличаются от чухны уборкой волос, которые прибраны и заплетены на маковке полосатыми лентами. В Вихтерпале каждый крестьянин работает два дня в неделю. Кноринг очень доволен новым распоряжением, освободившим крестьян. Деревню свою ценит он в сто тысяч рублей серебром, а дает она ему дохода тысяч 20.

В Radis Kloster крестьяне также в хорошем состоянии. Нравы вообще непорочные. Девочку проступившуюся наряжают в женский головной убор. Строгость в таких случаях опасна, но между тем детоубийство редко, потому что и самая вина очень редка.

* * *

4 августа

То, что я принял вчера и описал в письме к жене за облаком особенного вида и свойства, была настоящая *тромба* (по словам морских офицеров), тифон (тайфун). Она поднялась на море близ гавани, сорвала *лайбу* (чухонское судно с дровами), крепко укрепленную, и повалила ее, вскинула и раскидала купальные будки у Вита, мужские да женские вблизи остались невредимы, сорвала дорогой шляпу с едущего кучера и закинула ее в Катеринентальский сад и там, переломав и вырвав с корнем несколько старых деревьев, укротилась.

Говорят также, что мимоездом досталось и корове, которую подняло с земли и далеко швырнуло. На море тромбы разбиваются ядрами, единственным спасением, а не то не может судно устоять против нее. Мне говорили моряки, что однажды у них пустили с корабля до 40 ядер и совершенно разбили. Счастливо, что вчера никто не купался в этот час, около двух часов.

* * *

6 августа

Я писал сегодня Жуковскому:

«Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления. Не к кому из земных приложить его. Любим, уважаем иных, но все нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется.

Странное сличение, но для меня истинное и не изысканное! При каждой из трех смертей у меня как будто что-то отпало от нравственного бытия моего и как-то пустее стало в жизни. Разумеется, говорю здесь, как человек, – часть общего семейства человеческого, не применяя к последней потере частных чувств своих. Смерть друга, каков был Карамзин каждому из нас, есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь; но в его смерти как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов, все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей».

* * *

8 августа

Вчера ездили мы с Карамзиным в Tischer, по-эстляндски Tisker, любимое место мое в окрестностях Ревельских. За

Тишером мыза какого-то Будберга. Сей (прости мне, Боже, прегрешение) полусумасшедший и полупьяный барон принял нас очень ласково и даже трогательно. Узнав, что с нами были дети Карамзина, заплакал он и с чувством подходил к ним, говоря, что никогда не забудет удовольствия, принесенного ему чтением его сочинений.

Он пленился моей зрительной трубой – просил меня, чтобы я по смерти своей завещал ему ее, хотя, между прочим, он и теперь лет шестидесяти. Вот и предсказание мне на раннюю смерть! Вино и безумие внушают дар истины и пророчества! Как бы то ни было прошу наследников моих исполнить данное мной обещание и по смерти моей отослать зрительную трубку, оправленную в перламутр, к Будбергу, живущему за Тишером.

Тишерская скала в руках богатого человека была бы местом замечательным, т. е. со стороны искусства, потому что теперь, обязанная одним рукам природы, она уже местоположение прекрасное. Начать бы с того, что устроить хорошую дорогу от города, пробить несколько дорожек по скале с верха до низа, построить несколько красивых домиков, чтобы населить жизнью пустыню.

Громады камней на скале образуют разные виды: здесь высываются они карнизами, тут впадинами вроде ниши, здесь поросли частым лесом – живописной рябиной, орешником. Русский Вальтер Скотт мог бы избрать окрестности Ревеля сценой своих рассказов.

12 августа

Вчера ездили мы на *Бумажное озеро*. Влево от него род башни, в которой по преданию были заложены монах и монахиня, убежавшие из монастырей своих и пойманные на том месте. Основанием башни, или столба – огромный дикий камень. Посередине в башне в рост человеческого два камня дикие с изображением на каждом грубо вырезанного креста.

Не доходя до этого места близ озера нашли мы нечаянно эхо удивительной звучности и верности: я закричал к коляске, отставшей доехать до нас. Слова мои с такой ясностью и твердостью были повторены, что Катенька (Карамзина), которая была в нескольких шагах от меня, думала, что она не расслышала ответа кучера. На стих:

Je ne m'attendais pas, jeune et belle Zaire,

(Я не ожидал, юная и прекрасная Заира)

эхо без малейшего изменения отвечало последнее полустишие. Барышни перекликались с ним тонкими голосами, и эхо точно передразнивало их. Все выражение, все ударения, переливы голоса передаются нам в неимоверной точности. Вот романтические материалы: озеро, закладенная любовь монаха и монахини и эхо самое предательское.

В полсутки с небольшим проглотил я четыре тома: *Осады Вены*, сочинение мадам Пихлер – *Le siege de Vienne de Madame Pichler, traduit par M-r de Montolieu*. Не стоит Вальтера Скотта, хотя и есть желание подражать ему.

Характеры Зрини, Людмилы, сестры ее Катерины, Сандора Шкатиного хорошо обрисованы; в особенности же два первые. История искусно, без натяжки сливается с романом. Описание осады Вены живо. Сцены: цыганская, прений в кабинете Леопольда, борений Зрини с самим собой, плавание Людмилы, свидание ее с мужем, заточенным и безумным, живописно начертаны.

Вообще есть какой-то холод, чувство задето, а не проникнуто. Не бьет эта лихорадка любопытства, тоски, жадности, увлекательности, которая обдаёт читателя Вальтера Скотта, единственного умеющего сливать в своих романах историю поэтическую и поэзию историческую эпопеи, деятельность драмы то трагической, то комической, наблюдательность нравоучителя, орлиный взгляд в сердце человеческое со всеми очарованиями романтического вымысла.

Может быть, Вальтер Скотт – превосходнейший писатель всех народов, всех веков. Карамзин говаривал, что если заживет когда-нибудь домом, то поставит в саду своем благодарный памятник Вальтеру Скотту за удовольствие, внушен-

ное им в чтении его романов.

* * *

Дрезден, 20 августа, 1827

Выписка из письма А. И. Тургенева.

«Пробежал сегодня акафист Иванчина-Писарева нашему историографу. И за намерение отдать справедливость спасибо. Но долго ли нам умничать и в словах и полумыслями? Жаль, что не могу сообщить несколько строк сравнения Карамзина с историей Вальтера Скотта и изъяснение преимуществ пред последним. Они перевесили бы многословие оратора.

Но спасибо издателю за золотые строки Карамзина о дружбе, а Ивану Ивановичу (Дмитриеву) – за выдачу письма его. Я как будто слышу его, вижу его говорящего: «Чтобы чувствовать всю сладость жизни *и проч.*»... Одно чувство и нами исключительно владеет: нетерпение смерти. Кажется, только у могилы Сережиной может умериться это нетерпение; этот беспрестанный порыв к нему. Ожидать, и ожидать одному, в разлуке с другим, тяжело и почти нестерпимо. Ищу рассеяния, на минуту нахожу его, но тщета всего беспрерывно от всего отводит, ко всему делает равнодушным. Одно желание смерти, т. е. свидание, все поглощает.

Вижу то же и в письмах другого, но еще сильнее, безотраднее. Приглашение Катерины Андреевны (Карамзиной) воз-

вратиться огорчило, почти оскорбило меня. Или вы меня не знаете, или вы ничего не знаете.

И отдаленный вас о том же просит (сохранить портрет Сергея Ивановича). Теперь у него только часы его. Он смотрит на них и ждет. Недавно писал, что больно будет расстаться с ними, умирая. Вот слова его из письма в Париж к графине Разумовской: «Мое горе, мое отчаяние заставили вас принять решение приехать. Ну что же? Видели вы когда-нибудь в доме для умалишенных людей с расстроенным умом, погруженных в меланхолию, находящихся всегда в одиночестве, никого не желающих видеть и с кем-либо разговаривать. Разве врачи вызывают для их лечения их родственников и друзей? Нет, их оставляют в том же положении, наедине с их болезнями». Это не удержало, а решило ее ехать к нему».

* * *

Стихи Сергея Муравьева:

Je passerai sur cette terre
Toujours triste et solitaire
Sans que personne m'ait connu,
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumiere
L'on saura ce qu'on a perdu.

(Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем;
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренным,
Познает мир,
Кого лишился он.)

* * *

Остафьево. 12 июля 1831 г.

«В этом есть несправедливость, даже неблагодарность (речь г-на Ксанвье в защиту Ламенэ). Как любой другой, я люблю равенство. Между тем существуют спасительные привилегии, которые терпят и даже почитают, когда они идут на пользу и к славе общества. Привилегия гения – той же природы: гений это солнце, которое освещает при условии, что иногда оно обжигает...

* * *

Материалы для романа

Видя его, нельзя было не чувствовать, что пронзительные взоры его читают в глубине сердца; но он похож был на древ-

них жрецов, которые читали во внутренности жертвы, растерзав ее прежде.

* * *

Я жил в обществе, терся около людей; но общество и я — мы два вещества разнородные, соединенные случайностью, мы не смешиваемся. И потому ни я никогда не мог действовать на общество, ни оно на меня.

Меня люди не знают, и я знаю их по какому-то инстинкту внутреннему. Сердце мое при встрече с некоторыми сжимается наподобие антипатического чувства иных зверей при встрече со зверями враждебными: лошадь вернее всякого натуралиста угадает в отдалении волка.

* * *

Часы повешены на стене, стрелка наведена на такой-то час: указание свидания.

* * *

В первые дни весны небеса и земля улыбаются: любуешься зеленью, цветами, лазурью, блеском воды, но вддали на горах и в лощинах белеется еще суровый снег, и когда вете-

рок с той стороны подует, то навевает на вас холод. Так и в нем: за очерком веселости его летит холод; улыбаясь с ним, невольно чувствуешь, проникая далее, что улыбка его не из глубины сердца, что на ней лед, и радость, им возбужденная, внезапно им же и остывала.

Книжка 6. (1828–1830)

Киселев, перед открытием турецкой кампании, предлагал мне место при главной квартире; разумеется, по гражданской части. Он говорил о том Дибичу, который знал обо мне, вероятно, по одной моей тогдашней *либеральной репутации* и отклонил предложение Киселева.

Тогда Киселев перед отъездом своим дал мне письмо к Бенкендорфу. Я отправился к нему и нашел его сходящим с лестницы с женой. Он принял меня сухо. Был недоволен будто настойчивостью, с которой я требовал, чтобы назначил он мне свидание. Он жаловался на то князю Алексею Щербатову, который, однако же, наконец свел меня с ним.

* * *

Бенкендорф – князю Вяземскому

С.-Петербург. 20 апреля 1828

«Милостивый государь князь Петр Андреевич. Вследствие доклада моего государю императору, о изъявленном мне вашим сиятельством желании *содействовать в открывающейся против Оттоманской Порты войне*, Его Импера-

торское величество, обратив особенно благосклонное свое внимание на готовность вашу, милостивый государь, посвятить старания ваши службе его, высочайше повелеть мне изволил, уведомить вас, что он не может определить вас в действующей против турок армии, по той причине, что отнюдь все места в оной заняты. Ежедневно являются желающие участвовать в сей войне и получают отказы. Но Его Величество не забудет вас, и коль скоро представится к тому возможность, он употребит отличные ваши дарования для пользы Отечества. С совершенным почтением и проч.»... *Примечание автора:* Можно подумать, что я просил командования каким-нибудь отрядом, корпусом или по крайней мере дивизиею в действующей армии. Тому, кому неизвестны ход дела и письмо мое, может показаться, что я требовал дивизии или по крайней мере полка для содействия в *открывающейся против Оттоманской Порты войне.*

* * *

Князь Д.В. Голицын – князю Вяземскому

Москва. 26 сентября 1828

«Милостивый государь князь Петр Андреевич. Препровождая при сем в оригинале отношение ко мне графа Тол-

стого за № 2645, из коего ваше сиятельство увидите высочайшее государя императора повеление о воспрещении вам издавать *Утреннюю Газету*, таковую высочайшую волю сим вам, милостивый государь, объявляю, прося покорно, по прочтении означенного отношения, оное мне возвратить, а с тем вместе доставить мне письменное ваше обязательство, что упомянутой газеты вы издавать не будете. Имею честь и проч.»...

* * *

Граф П.Ф. Толстой – князю Д.В. Голицыну

С.-Петербург. 3 июля 1828

«Милостивый государь князь Дмитрий Владимирович. Государь император, получив сведение, что князь Петр Андреевич Вяземский намерен издавать под чужим именем газету, которую предположено назвать *Утренней Газетой*, высочайше повелеть изволит написать вашему сиятельству, чтобы вы, м. г., воспретили ему, князю Вяземскому, издавать сию газету, потому что его императорскому величеству известно бывшее его поведение в С.-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека. По сему уважению, государю императору благоугодно, дабы ваше

сиятельство изволили внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оно не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни. Сообщая и проч.»...

* * *

Князь Вяземский – князю Д.В. Голицыну.

«Узнав из сообщенного мне вашим сиятельством отношения к вам графа Толстого о высочайшем запрещении мне издавать *Утреннюю Газету*, которую я будто готовился издавать под чужим именем, имею честь объявить, что государь император обманут был ошибочным донесением, ибо я не намеревался издавать ни под своим, ни под чужим именем ни упомянутой газеты, о которой слышу в первый раз, ни другого подобного периодического листа. Сими словами мог бы я кончить свое объяснение, предоставляя на благоусмотрение правительства исследование источников известий несправедливых, до его сведения доходящих. Но отношение его сиятельства графа Толстого исполнено выраже-

ний столь оскорбительных для моей чести, так совершенно мною незаслуженных, что не могу пропустить их молчанием, без преступного нарушения обязанностей, священных для человека, дорожающего своим именем. Уже не в первый раз вижу себя предметом добровольного злословия, которое умеет снискивать доверчивое внимание. Когда лета мои дозволяли мне беспечно ограничивать свое будущее в самом себе, я был довольно равнодушен к неприятностям настоящего; но ныне, когда звание мое отца семейства и годы возрастающих детей моих обращают мое попечение на участь, их ожидающую, столь неминуемо зависящую от моей, я уже не могу позволить себе равнодушно смотреть, как имя мое, выставленное на позорище, служит любимой целью и постоянным игралищем тайных недоброжелателей, безнаказанно промышляющих моей честью. Отношение графа Толстого доказывает, что злоба их достигла до высшей степени и что ужаснейшая клевета, поощряемая успехами, сыскала свободный доступ до престола государя императора, омрачив меня перед ним самыми гнусными красками. Прежде знал я, что один образ мыслей моих представляем бывал в ложном виде. Я нес в молчании предубеждения, тяготевшие надо мной, в надежде, что время и события покажут правительству оболыщенному, что, по крайней мере, действия мои не в согласии с тайными мнениями, мне приписываемыми; но ныне я поражен в самую святыню всего, что есть драгоценнейшего в жизни частного человека. Прежде довольство-

вались лишением меня успехов по службе и заграждением стези, на которую вызывали меня: рождение мое, пример и заслуга покойного отца и собственные, смею сказать, чувства, достойные лучшей оценки от правительства. Ныне, уже и нравы мои, и частная моя жизнь поруганы. Она официально названа *развратной, недостойной образованного человека*. В страдании живейшего глубокого оскорбления, я уже не могу, не должен искать защиты от клеветы у начальства, столь доверчивого к внушениям ее против меня. Пораженный самым злобным образом, почитаю себя вправе искать ограждения себя и справедливого удовлетворения перед лицом самого государя императора. Ваше Сиятельство! С сокрушенным сердцем, ободряемым единой надеждой на вас, прибегаю к вам, как к человеку благородному, к сановнику, облеченному доверенностью государя, умоляю вас доставить мне, средствами, от вас зависящими, возможность всеподданнейше довести до престола справедливое мое селование и прошение, чтобы исследованы были основания, на коих утверждены нестерпимые обвинения, изложенные в отношении графа Толстого. Я должен просить строжайшего исследования поведению своему. Повергаю жизнь мою на благорассмотрение государя императора, готов отвечать в каждом часе последнего пребывания моего в Петербурге, столь неожиданно оклеветанного. Не стану умолять вашего благодетельного посредничества, в сем случае, благорасположением вашим, коим я всегда пользовался и кото-

рое, смею надеяться, не пристыдил я доныне. Нет, доводя до высочайшего внимания голос мой, вопиющий о справедливости, вы окажете услугу всем верноподданным его императорского величества, исполните обязанность свою перед государем, которому честь каждого подданного должна быть дорога, ибо она ограждается его могуществом и должна быть ненарушима под сенью законов твердых, властью его именем им дарованного. Государь не может равнодушно узнать, что тайная враждебная сила действиями ухищренными, так сказать, противоборствует его благодетельной власти и царскому покровительству, которое Провидение, ум его, сердце его и священнейшие права возлагают на него, как одну из высших обязанностей его высокого звания.

Простите мне беспорядок и движение моего письма. Я не имел ни времени, ни духу сочинять оправдание свое; оно вырвалось из глубины души, возмущенной тягостными впечатлениями. Кончаю повторением убедительной просьбы, довести до сведения государя императора, что я прошу суда и справедливости, уличения недоброжелателей своих, или подвергности себя последствиям, ожидающим того, кто перед лицом государя осмелится ложно оправдывать свою честь покушениями на омрачение чести других.

Знаю, что важные народные заботы владеют временем и мыслями государя императора; но если частная клевета могла на минуту привлечь его слух и обратить гнев его на меня, то почему не надеяться мне, что и невинность, взывающая

к нему о правосудии, должна еще скорее преклонить к себе его сердобольное внимание».

Примечание автора: Оказалось, что эта *Утренняя Газета*, о которой не имел я ни малейшего понятия, была предположение самого князя Голицына (долго после приведенное в действие под именем *Полицейской Газеты*) и что должен был издавать ее один из его чиновников. Еще до сообщения мне письма Толстого, князь Голицын объяснил ему это дело, как оно было. Я был тогда с семейством у Кологривовых в Саратовской губернии, и Голицын посоветился встревожить меня заочно присылкой этого письма, которое он сообщил мне только по возвращении моем в Москву. Вообще князь Голицын оказал мне в этом случае большое участие и даже имел за меня неприятную переписку с Бенкендорфом. Я никогда не имел случая положительно разведать, что могло подать повод к этому непонятному и глупому оскорблению, мне нанесенному. Известно только, что во время Турецкой кампании был прислан в главную квартиру донос на меня. По всем догадкам, это была Булгаринская штука. Узнав, что в Москве предполагают издавать газету, которая может отнять несколько подписчиков у *Северной Пчелы*, и думая, что буду в ней участвовать, он нанес мне удар из-за угла. Я не мог иметь иных неприятелей, кроме литературных, и по ходу дела видно, что все это не что иное, как литературная интрига. Пушкин уверял, что обвинение в развратной жизни моей в Петербурге не иначе можно выве-

сти, как из вечеринки, которую давал нам Филимонов и на которой были Пушкин и Жуковский и другие. Филимонов жил тогда черт знает в каком захолустье, в деревянной лачуге, точно похожей на бордель. Мы просидели у Филимонова до утра. Полиции было донесено, вероятно, на основании подозрительного дома Филимонова, что я провел ночь у девок. Вслед за перепиской Голицына, Жуковский вступился за меня, рыцарским пером воевал за меня с Бенкендорфом, несколько раз объяснялся с государем etc.

* * *

Далее в IX томе Собрания сочинений ПА. Вяземского опубликовано еще несколько писем официального характера, главным образом к князю Голицыну на французском языке, и указано, что «Записка о князе Вяземском, им самим составленная» напечатана под заглавием: «Моя Исповедь» во 2-м томе «Полного собрания сочинений его». СПб., 1879. С. 85 – 111.

Выписка из журналов комитета министров

11 июля и 1 августа 1833 года, за № 1696

Слушана записка министра финансов от 3-го июля за № 10081 (по Департаменту внешней торговли) о производстве коллежского советника князя Вяземского в статские советники.

Комитет, приемля в уважение значительность занимаемой князем Вяземским должности, усердную его службу, известные литературные труды и бывшие примеры, полагал, что согласно с представлением можно произвести его в статские советники, о чем, на случай Всемилостивейшего соизволения, и определил поднести проект указа к подписанию его императорского величества.

В заседании 1 августа комитету объявлено, что статс-секретарь Танеев от 27 июля за № 1391 сообщил управляющему делами комитета, что государь император высочайше повелеть изволил: *считать дело сие конченным.*

Комитет определил сообщить о том министру финансов к исполнению выпиской из журнала.

Управляющий делами комитета барон М. Корф.

Примечание автора: По приглашению графа Бенкендорфа явился я к нему сегодня 8 числа августа в 11 часов утра, и он объявил мне от имени государя, что государь не утвердил представления обо мне за то, что при пожаловании Эссена графом, сказал я, что напрасно не пожаловали его князем Пожарским.

* * *

Князь Вяземский – Д. Г. Бибикову

Остафьево, 2 сентября 1830

Вы позволили мне напомнить о себе письменно вашему превосходительству и желали знать, справедливы ли были слухи о тяжкой болезни Полевого. Пользуясь обязательным позволением вашим, я удовлетворяю вашему любопытству. Могу сказать вам положительно, что Полевой жив и на ногах. С одной стороны, появление второго тома «Истории Русского Народа», если не есть свидетельство совершенного здоровья, то, по крайней мере, есть вывеска жизни; а с другой, встреча моя с ним на погребении нашего собрата по литературе и добрейшего приятеля моего Василия Львовича Пушкина, удостоверяет, что он здоров. Жаль только, что от него не здоровится другим. За глупую статью о князе Беззу-

бовом, напечатанную в одной из книжек *Телеграфа*, цензор журнала его, С.Н. Глинка, лишился места своего, а с ним и единственных средств к пропитанию своему и содержанию многочисленного семейства. Все в Москве жалеют о бедной участи несчастного. Наказав цензора за оплошность (и почему цензору угадывать личности на лицо, которое может быть ему и не знакомо?), не имели в виду, что губят вместе с тем и доброго человека, бедного семьянина и писателя, которого вся жизнь была ознаменована честностью поступков и беспорочностью мнений, писателя, служившего пером своим верою и правдой правительству, особенно же в 1812 году, когда Глинка был оракулом провинций и Шатобрианом Московского ополчения. Но, однако же, таковы горестные следствия отставки его. Он теперь решительно без хлеба. Если ваше превосходительство нашли бы случай замолвить кому-нибудь о нем доброе слово, например, для исходатайствования ему пенсии в уважение прежних заслуг его, то истинно спасли бы вы несчастного от гибели

Книжка 7. (1829)

Мои мысли лежат перемешанные, как старое наследство, которое нужно было бы привести в порядок. Но я до них уже не дотронусь; возвращу свою жизнь Небесному Отцу; скажу Ему: «Прости мне, о Боже, если я не умел воспользоваться ею, дай мне мир, который не мог я найти на земле. Отец! Ты единая благодать! Ты прольешь на меня капли сей чистой и божественной радости».

* * *

Положение Польши. Наличие благ есть; применения этих благ ответственуют ли наличности? Одно коренное зло: излишнее число войск. Что такое польское войско? Польше, отдельно взятой, войска не надобно. Войско – ограда независимости: польская независимость опирается на Россию. Избыток польского войска утопает в громаде русского. От несообразности армии и средств государства проистекает расстройство финансов, единственная наружная рана Польши. Тело, однако же, поражено недугом: искать язву внутри? Где она кроется?

Книжка 8. (1829–1830)

25 мая 1830. С.-Петербург

Получил ответ от цесаревича. Обедал у Молчанова. После обеда на гулянье в Екатерингофе с Дельвигом. Вечером до 12-го часа у Булгакова.

Булгаков однажды наехал на шум в Ямбурге. Допрашивался. Смотритель отвечает, что проезжий бил его по щекам, и прибавляет: конечно, одна пощечина ничего не составляет, но во множестве это делает маленькую перемену.

27 мая

Трехдневное письмо к жене с Габбе. Вчера обедал у Сергея Львовича Пушкина. Александру 31 -й год. После обеда – в Летнем саду, вечером у Фикельмонт; большое толкование: род кокетства, волокитства, но без последствия.

Написал стихи графине Людольф. Был в департаменте у Дружинина, потом у Бибикова.

29 мая

Обедал у Булгаковых. В 7 часов в заседании советов о за-кавказской торговле – о кожах соленых и сушеных. Вечер у Фикельмонта.

31 мая

Ездили с Багреевым в Рябово Всеволожского. В омнибусе M-me Medem, Arendt, Поливанова, вдова, фамилии Богульянских (так ли? Я не знаю отчего, но мне всегда стыдно криво написать фамилию. Это кривописание кажется мне неловкостью).

Местоположение хорошее, есть природа, или природица, движение в земле, или дергание, озера. Устройство хорошее. Едешь мимо порохового завод Приютина.

Мы в Приютине остановились, вспомнил я Пушкина, горелки, комары. Впрочем, комаров вспоминать было нечего, они сами о себе дьявольски напоминали. Не понимаю, как можно жить в этом комарном царстве, все равно что в муравейной яме.

Возвратились часу во втором. Ездил в Царское Село, обедал у Жуковского. Вечером у Dona Sol. Царское Село – мир воспоминаний. Китайские домики: развалины.

Вторник. Я сбился с числами. Вчера утром в департаменте читал проекты положения маклерам. Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего чего не понимаю и понимать не хочу, худо показался бы я себе, смешным и жалким. Но это называется служба, быть порядочным человеком, полезным отечеству, а пуще всего верным верноподданным. – Почему же нет.

Обедал у черт знает, как называют этого преемника Andrieux, Andrieux-вторым что ли. Нашел тут Сергея Львовича (Пушкина). Был день именин Александра, и чадолюбив-

вый отец разделил человек на семь свою радость и свою бутылку шампанского.

Вечером был у Закревского, а кончил у Фикельмонт.

Сегодня утром тот же департамент, те же маклера. Я начинаю быть ленив на письма, пишу их много, но уже не с духом.

15 июня

В среду вечером, т. е. 4-го числа, ехав в Елагинский театр, был я вывален на мосту Каменного острова с Иксулем. Подробности моего падения находятся в письмах к жене моей.

Вот скоро две недели, что я сижу дома. Не знаю, от расстройства ли нервов или от чего другого, но я не могу путно заниматься. Книги грудями лежат около меня, а я ничего не читаю, кроме газет и журналов, потому что это отрывочное чтение. Обыкновенно при легких припадках нездоровья я привыкал к своему заточению и находил отраду и удовольствие в занятиях. Впрочем, если был бы у меня решительный авторский талант, то я, верно, преодолел неохоту и мог бы написать что-нибудь путного и большого.

В это время получил я милое письмо от Тургенева из Парижа, от 2 июня, которое пощекотало мое самолюбие обещанием увидеть мою статью, переведенную в Париже Сен-При (St. Priest).

Посещали меня чаще: Хитрова каждый день, до отъезда на дачу, Александр Строганов, слепец Молчанов, Лев Пуш-

кин, Дельвиг, Василий Перовский, Полетика. Сегодня прикатил было Хвостов, но я был один и не принял его. Ни обедать, ни дурачить одному не весело.

Графиня Лаваль изъявила мне деятельное участие, была, то есть заезжала наведываться, несколько раз, писала, советовала лекарство. Был Блудов. Дашков не был. Вчера был вечером Мейендорф и Оленин. Бывали Гнедич, Муханов.

Молчанов рассказывал мне сегодня о князе Мещерском, Платоне Степановиче, бывшем при Екатерине наместником в Казани. У меня молодой книгопродавец Непейцын по поручению от Салаева. Вот история фамилии его, им самим мне рассказанная: дед его был Иваном и просил сына своего переменить фамилию свою на *Не Пей сын*, а там уже и огерманизировали ее.

Был у меня поэт, литератор, молодой Перец или Перцев, принес свою книжку: *Искусство брать взятки*. В шутке его мало перца, но в стихах его шаловливых, которые Александр Пушкин читал мне наизусть, много перца, соли и веселости. Он теперь, говорят, служит при *Северной Пчеле*.

Василий Перовский дал мне *la Revue Britannique*. В 1825 г. на стр. 270 я нашел: «Вяземский имел смелость создать и счастье распространять новые слова и формы языка». Все-таки лучше, хотя в той же статье сказано: «Востоков ввел несколько новых изменений в славянскую просодию». (Вероятно, речь идет о Востокове и о новых метрах, заимствованных им у древних, которые он употребил в переводах сво-

их.)

Или: Uno barde de la Sibirie, l'aveugle Eros, jeta dans le public un volume de poesies joyeuses (Сибирский бард, слепой Эрос, бросил обществу целый том веселых стихов). Отгадайте! А я отгадал. Здесь речь идет об *Эроте, лишенном зрения*, написанном в Сибири несчастным Сумароковым, и о других стихотворениях его. Et voila comme on escrit l'histoire – Так и пишется история.

Все эти дни я ничего не пил за обедом, то есть не в смысле Олениной Московской, которая, чтобы сказать, что человек не пьяница, говорит: *il ne boit rien* (он ничего не пьет). Нет, я ничего не пью и не чувствую жажды. Правда, что мой обед всегда скромн и трезв и что притом начинаю его обыкновенно ботвиньей и оканчиваю апельсинами. Надеюсь, что эти безвлажные, беспитийные обеды надбавят мне несколько лишних месяцев в жизни.

Старик Юсупов, встретившись с известным St. Germain (Сен-Жерменом), спрашивал его о тайне долгоденствия, если не вечноденствия. Всей тайны он ему не открыл, но сказал, что одно из важных средств есть воздержание от питья, не только хмельного, но и всякого. К подтверждению этого правила можно назвать покойницу Самарину, несмотря на то, что покойница вообще плохое убеждение в деле жизни. Но она дожила едва ли не до 100 лет на ногах, при зрении, и этого будет с человека.

Надобно, чтобы всегда что-нибудь бесило меня. В жизни

разъездной мои естественные враги: извозчики, кучера. В жизни сидячей – разносчики. Крик некоторых из них дергает мои нервы. Например, *апельсины, ламоны, харо...ш*. Этот *ла*, это протяжение на последнем слоге, это басурманское окончание на *рош* выводит меня из терпения.

Зачем начал я писать свой журнал? Нечего греха таить, от того, что в *Memoires* о Байроне нашел я отрывки дневника его. А меня черт так и дергает всегда вслед за великими. Я еще не расписался, или не вписался: теперь пока даже и скучно вести мне свой журнал. Но, впрочем, я рад этой обязанности давать себе некоторый отчет в своем дне. Между тем и письма мои к жене род журнала.

16 июня

Была у меня вечером княгиня София Волконская. Я ничего путного не делаю, однако же, не скучаю, а в доказательство часы у меня всегда впереди против моих расчетов и удивляюсь, что так поздно. Дал я в *Газету* статью о наших модно-литературных журналах. То ли бы дело теперь пересмотреть мне моего «Адольфа», написать предисловие к переводу, подготовить хоть один том моих стихотворений. Но что же делать, когда и к легкой работе ни сердце, ни рука не лежит? *Hinc illae lacrimae (Отсюда те слезы...)*.

Неужели в самом деле учение истории может быть полезно, как предосторожность? Неужели мы проведем завтрашний день благоразумнее, если узнаем, что сегодня делалось

во всех домах петербургских? История не полезнее другого: она потребность для образованного человека, в котором родились нравственные, умственные нужды, требования. Как мне потребно будет слышать Зонтаг, когда она сюда придет, я от того не буду ни умнее, ни добрее, ни даже музыкальнее, а тем не менее не слышать ее было бы живое неудовольствие.

18 июня

Были у меня Эрминия, Дашков, Николай Муханов, Малевский, Сергей Львович Пушкин. Я весь день почти ничего не успевал делать, то есть и порхать по книгам, а все молчал языком.

Как хорош Поль Луи Курье (Paul Louis Courier)! Надобно о нем написать статью. Письма его смесь Галани, Даламберта, Байрона. Не говоря уже о грецицизме их.

Не знаю, кто-то рассказывал мне на днях, кажется, Дельвиг, о чете чиновной, жившей напротив дома его: каждый день после обеда они чиннехонько выйдут на улицу, муж ведет сожительницу под руку, и пойдут гулять: вечером возвратятся пьяные, подерутся, выбегут на улицу, кричат караул, и будочник придет разнимать их. На другой день та же супружеская прогулка, к вечеру то же возвращение и та же официальная развязка.

Дашков мне сказывал, что у него есть еще отрывки из восточного путешествия своего и, между прочим, свидание его с египетским пашой. Дашков по возвращении своем в Царь-

град, по восстании греков, должен был из предосторожности сжечь почти все свои бумаги, все материалы, собранные им в путешествии. Оставшиеся отрывки писаны на французском языке – выбраны из депешей его. Он сказывал мне, что я писал к нему в Царьград о Жуковском: «Сперва Жуковский писал хотя *для немногих*, а теперь пишет ни для кого».

19 июня

Сегодня день довольно пустой. Один Cougier своими памфлетами наполнил его. Что за яркость, что за живость ума. Вольтер бледен и вял перед ним.

Вот моя вакация: я рожден быть памфлетером. Мои письма, которые в некоторой части не что иное, как памфлеты. Впрочем, так видно и судили их свыше: и мои опалы политические все по письменной части.

Был у меня сегодня Горголи. Борода его и вообще нижняя часть лица – Бенкендорфская: видно, тут и есть организм полицейский.

Отослал я стихи о Екатерине Тизенгаузен.

Я отыскал, что Шеридан иногда заготовливал свои шутки и выжидал случая вместить их в удобное место. То же бывает со мной. Часто понравится мне фраза где-нибудь и скажу себе: хорошо бы цитировать ее при таком-то случае, и обыкновенно случай скоро встречается.

Сегодня говорил мне Пушкин об актере Montalan: я применил к нему стих Лафонтена: *Voila tout mon talent, je ne sais*

s'il suffit (Вот весь *мой талант* – созвучно фамилии актера – не знаю, достаточно ли его?). Я помню, что когда-то писал к Карамзину, что Москва при приезде какого-нибудь почетного лица, принца, ученого, обыкновенно сварит жирную колебяку (как надобно: ко или ку?) и, потчевая приезжего, говорит: *Voila tout mon talent, je ne sais s'il suffit.*

А у меня ведь много острых слов пропадающих, и странное дело я не слышу остряком. Впрочем, я не отличаюсь быстротой ответов (*je n'ai pas la repartie prompte*), особенно же изустно. В памфлетах моих другое дело. Например, вопрос мой в письме Тургеневу по смерти Козодавлева: правда ли, что его соборовали кунжутным маслом? – есть, без сомнения, одно из самых веселых и острых слов.

Надобно мне отобрать свои письма у моих корреспондентов и подарить их Павлуше. Тут я весь налицо и наизнанку. Более всех имеет писем моих: Александр Тургенев, жена, Александр Булгаков из Варшавы, Жуковский, но они, верно, у него растеряны, имел много Батюшков, но, вероятно, пустых, до 12-го года писанных, я тогда жил на ветер, Михаил Орлов. А потом у женщин. К кому я не писал: это более по-французски.

22, 20 и 21 июня

Читал Sougier, наслаждался им. Написал для *Газеты* статью о «Терпи казак – атаман будешь». Кончил чтение двух проектов о биржевых маклерах и проч. Теперь, что прибли-

жается день моего освобождения и охота к занятию пробуждается: противоречие как тут.

В 9 Но *Московского Телеграфа*, в отделении «Живописец», описано дело Лубяновского и Таубе с именем Разумовского. Это хорошо. Только такие статьи должны бы выходить в особенной газете для обихода провинциалов. Кто отыщет их в *Телеграфе* между пародиями на Жуковского, Пушкина, Дельвига, меня?

Хорошо воскресить бы журнал Новикова, предполагаемый журнал Фон-Визина, журнал честного жандармства, в котором бездельники видели бы свои пакости, из коего правительство узнавало бы, что у него дома делается. В этом журнале не должны быть выходы нынешнего либерализма, он должен быть издаваем в духе правительства, в духе нашего правления, если только не входит в дух его защищать служащих бездельников. Не нужно означать губернии, лица, о коих речь идет: глас народа будет пояснять. Можно даже не трогать и даже должно не трогать злоупотреблений по законодательной и судебной части, одним словом, почитать корни, а касаться злоупотреблений по одной исполнительной, административной части земской. И тут вышла бы большая польза.

Гласность такое добро, что и полугласность – Божий свет. В тюрьме, лишенной дневного света, и тусклая лампада – благодеяние и спасение. Как ни говори, а Лубяновскому горько будет прочесть 9 Но *Телеграфа* и думать, что в Пен-

зенской губернии его читают и боятся: не прочтут ли в Петербурге и не спросят ли объяснения. А то ли бы дело летучие листки, которые лежали бы на всех столах в уездах, зеркала, в которых бы во всех домах виделись исправники, заседатели. Для избежания клеветы, впрочем, и клеветы быть не может, потому что никто бы не назван был, редактору такой газеты нужно иметь корреспондентов во всех губерниях, корреспондентов честных, известных с хорошей стороны, а не печатать все без разбора, что присылается из губерний.

23 июня

Вчера выехал в первый раз после падения. Сердце как-то билось, садясь в коляску и особенно же проезжая мост.

Обедал у Хитровой: читал письма отца (князя Смоленского) во время войны 1812 года: по большей части писаны по-французски, рука и правописание ужасные. Надобно списать несколько писем. В некоторых письмах он дивится своим успехам. Умиляется. В одном письме упоминает он о сновидении, в котором приснился ему Наполеон и он сам, и посылает его к дочери, но сон не отыскался. Упоминает о слове, прославленном после Прагмом: от возвышенного до смешного.

Фикельмонт рассказывал мне странное обстоятельство, которое привело Бернадота на шведский престол.

24 июня

Вчера был у меня Жуковский, ехавший в Петергоф, перебирали всякую всячину. Он обедал у меня.

Вечером был в Елагинском театре: Mariage de Figaro.

27 июня

Вчера обедал на Олимпе, то есть у Гнедича, был на Елагинском гулянии, у Голицыной полуночной. В ней есть душа и иногда разговор ее, как Россиниева музыка, действует на душу. Но все это отдельные фразы. Говорили о nationalite: видно, что чувство в ней есть, но оно запутывается в мысли. Большинство решило, что Наполеон точно любил Францию: следовательно, патриотизм не всегда благодетелен. Я сказал: любить сильно не значит любить хорошо (on peut aimer fort sans aimer bien).

28 июня

Обедал у Дюме, после обеда к Булгаковым, Лаваль, во французский спектакль и на вечер в Австрию. Там бразильские и португальские дипломаты.

29 июня

Обедал в Австрии, вечером в Севильском цирюльнике итальянском и домой. В музыке Россини весь пыл, все остроумие, вся веселость прозы Бомарше.

У Фикельмонт обедало семейство Стакельберг. Людольф так любезничал, так резвился, так юношествовал, что бряк-

нулся в воду, хорошо что у самого берега. Является ли беременность женщины и ее роды через несколько дней после свадьбы поводом к расторжению брака? Нет. – Так решил в Париже трибунал 1-й инстанции. Чем же доказывают справедливость решения? «Заблуждение относительно качеств данного лица не было поводом к расторжению брака, – как повод допускалось лишь *заблуждение в отношении самого лица*». Да, если обманом дадут жену, у которой, например, нога деревянная, глаз стеклянный, плечо из слоновой кости и что в брачное ложе войдет к вам не женщина, а отвлеченный обломок женщины: неужели и тут нет повода к уничтожению брака? Особа та же, но есть подлог в доброте ее. Как? Можно искать суда на подкрашенную шубу, на фальшивый жемчуг, а нет суда на фальшивую девственность, то есть не только фальшивую, но и беременную? Правда, что к утешению мужа: «Отречение от отцовства может ли быть признано? – Да». Есть русский анекдот про немца, который женился на девице, разрешившейся на другой день свадьбы. Он говорил – славны русские жены: сегодня... завтра *родил*.

1 июля

29-го был в Александро-Невском монастыре. Отслужил молебен, был на могиле Карамзина. Обедал с Дельвигом и Львом Пушкиным в кабаке Grand Jean. В письме вчерашнем к жене описывал этот обед. После у Белосельской, вечером чай пил в Австрии.

Фикельмонт рассказывал мне о неаполитанском походе. В Abruzzes нашли они два дерева, срубленные и переложенные по дороге, да ров, который ребенок мог перешагнуть. Вот все средства защиты, употребленные неаполитанцами. Ох! Уж мне эта неаполитанская революция! Сколько она мне дурной крови наделала.

А Нессельроде варшавский, который торжественно входит ко мне утром рано и спрашивает: «Неужели не догадываешься, почему я так рано у тебя?» Я, кажется, и знал, но не имел духа признаться. Австрийцы взошли в Неаполь. Вот судьба, а теперь я сблизился с Фикельмонтом.

Вчера обедал у Дашкова, заезжал к Булгакову и французский спектакль. У Дашкова видел Минчиаки Константинопольского.

4 июля

1-го поехал в Петергоф, заезжал на Черную речку проведать о маленькой Австрии. Приехал к Жуковскому, у него с ним обедал. Пошел в сад, волнение народа. Нога не позволила мне наслаждаться бродяжничеством по толпе. Шатался около дворца, в сенях заходил к Дона Соль, простоял на лестнице во время маскарада; Жуковский устроил мне уголок на линейке Кочубеевых, ездили по иллюминированному саду. Хорошо, но не баснословно, нет очарования. Большая однообразность в освещении, а может быть, и некоторая скудость, а может быть, и во мне была проза.

Ночевал у Жуковского, поехал в Гостилицу к Потемкиной обедать. Минутами по выражению лица, по движениям, Т.Б. Потемкина напоминала мне княгиню Зенаиду (Волхонскую). Но Зенаида – Корина языческая, а это Корина христианская. Вдохновения снисходят на нее благодатью. Она мне говорила про свою тещу, худо оцененную обществом.

5 июля

Вчера обедал я в Кабаке, поздно, один, потом в Barbier du Siville, потом в Австрию. Г-жа Нуазвилль (Noiseville) сказывала мне стихи Белосельского. Пишу их на память, но, кажется, так:

Si Souvoroff, si grand, si fortune
Est le pere de la victoire,
Bagration en est le fils aine
Il joue avec la mort et couche avec la gloire.

(Если великий и любимый счастьем Суворов
Является отцом победы,
То Багратион – ее старший сын,
Он играет со смертью и спит со славой.)
Говорят, Оскар похож лицом на Багратиона.

6 июля

Был в департаменте, обедал у именинника (вчера) Сергея Львовича Пушкина. Вечером был на Крестовском у Сухоза-

нет. Закревская, Мордвинова, Поливанова, остальных и перечислять лень.

Жуковский говорит, что у нас фарватер только для челноков, а не для кораблей. Мы жалуемся, что корабль, пущенный на воду, не подвигается, не зная, что он на мели. Вот канва басни. Он мне говорил, я не возражал на мнение о бездействии Д(ашкова), которым я недоволен как обманувшим ожидания.

Надобно непременно продолжать мне свой журнал. Все-таки он отразит разбросанные, преломленные черты настоящего. Я сегодня переписывал Фон-Визина, письма его к родным, журнал. Весело читать, ибо есть индивидуальность, физиономия времени.

В Петергофе прочел роман «Влюбленного насмешника» (*La moqueur amoureux*): слабо, жидко, но довольно хорошо, роман гостинный, и трилогию Кристины Dumas. Эти новые трагедии хуже Расина, но лучше трагедий подмастерьев Расина: Лагарпа, Коларда и *tutti quanti* (прочих). Теперь должно ожидать Расина романтика. А сравнивать обе школы в настоящем их положении несправедливо. Расин не потому хорош, что он трагик классический, – нет, французская трагедия классическая тем хороша, что у нее, или за нее Расин.

8 июля

6-го просидел у меня все утро Жуковский. Поехали обе-
дать к Булгакову. Ездил с ним по Неве. Гуляние Крестов-

ское. Петербургские гуляния напоминают Елисейские поля (но, вероятно, не парижские) точно тени бродят. Не видать движения, не слышать звука. Это называется общественным порядком. Говорят, при Александре запрещено было кататься по Неве с песенниками и музыкантами. Да и публика высшая у нас сонная.

Потом поехали в французский спектакль. Душно и скучно. Какая-то пьеса, в которой выведены брат и сестра Сюдери. Вечером был у Элизы.

Вчера, 7-го, был у Хвостова, не застал. Обедал у Завальевского на Петергофской дороге с Дельвигом и Львом Пушкиным. Жженка. Возвращаясь с Дельвигом, говорили о бессмертии души. Он ему верит. Я говорил, что не понимаю жизни, и как понять ее в тот день, в который были у меня две цели: Хвостов и Завальевский.

Оттуда поехал к больной Элизе, и на поздний вечер к Пушкиной. Прочитал: *La mort de Henri trios. Par Vitet* («Смерть Генриха Третьего»). Довольно слабо. Из всех этих пьес *la Conspiration de Mallet* («Заговор Малле») – жемчуг. Она писана, сказывают, двумя молодыми людьми.

9 июля

В письме к жене говорю о Павлуше, розгах; сравнил я страх со щукой. Кто любит ее, тот заводи в пруду, но знай, что она поглотит всю другую рыбу. Кто хочет страха, заводи его в сердце подвластного, но помни, что он поглотит все

другие чувства.

Вчера выехал я из дома в 6-м часу. Обедал после обеда у Андрие, застал там доктора Вилье. Тяжелый говорун, выставляет свою преданность памяти покойного. Ездили на Охту на чай к Багреевой, а конец вечера – на Черной речке в Австрии.

Вероятно, в целый день не слышал я и не сказал путного слова, то есть прочного, то есть в котором был бы прок. Не будь у меня переписки, можно было заколотить слуховое окошко ума и сердца.

14 июля, Ополье

5-я станция от Петербурга. Придется просидеть здесь часов пять за изломавшейся осью. Нет мне счастья в веществах колесных. Я думаю, и фортуна мне оттого не с руки, что и она вертится на колесе.

Несколько дней в журнале моем пропущено, за хлопотами к отъезду. Ездил к Канкрину проситься в отпуск. Он сказал мне – *милости просим*. По-настоящему это значит: *милости просим вон*, но в хорошем смысле этого слова. Он мне говорил о *Коммерческой Газете*, что она в жалком положении, о желании его, чтобы я в ней участвовал, прибавив какую-то ласковость о моей литературной известности. Я отвечал, что рад работать, что желал бы иметь от него заданные темы. Тут опять брякнула известная струя его. «Да у меня и теперь есть на *ферстаке* важное дело, но, разумеется, должен я сам об-

работать его» и пр.

Был я у Бенкендорфа. Принял учтиво, но, кажется, холоднее прежнего. Впрочем, тут действует, может быть, мнительность нежности. Звал меня приехать к нему в Фаль, когда он будет в Ревеле.

12-е и 13-е. В эти дни всего замечательнее были мои свидания с Красиньским. Все тот же и хорош. Пусть, но не пустотуп как наши. Он остроумен. В первый раз застал я его уже после обеда. И он был великолепен. Начал меня тютюровать (поучать, покровительствовать): скажи, чего ты хочешь, даю тебе две минуты на размышление, я о тебе поговорю с Бенкендорфом, скажу князю Ливену, министру просвещения. Я не знал, что отвечать ему. Начал меня дарить книгами, какие попадали ему под руки, тремя последними томами записок Казанова польскими, надписывать на них дружеские надписи; на какой-то книге о Карпатских горах написал мне: «*en souvenir de M-lle Rossetti*» (на память о мадмуазель Россети), между тем скользил по паркету, обступался.

За ликером и кофе сидел перед ним толстый польский викарый. Он сказал мне умное слово Меттерниха: «Все государи возвышаются над своим народом так, что могут опереться рукой ему на голову; только русский император стоит в одиночестве на высоком столпе, и в минуту опасности ему не на кого и не на что опереться».

Здесь Красиньского очень ласкают. Я полагаю, что лучи Наполеона на нем, несколько мерцающие, светят им в глаза.

А если они в виде его думают обласкать Польшу, то расчет не верен. Красиньского вовсе теперь в Польше не уважают. Кое-какая национальность, которой он пользовался, возвратившись с остатками польско-французскими войсками герцогства Варшавского уже в обрусевшую Варшаву, совершенно выдохлась на Бельведере и в особенности в Сенате по последним делам Государственного суда.

Впрочем, у нас не узнаешь, чем понравишься. Может быть, в нем то и полюбили, что нация отворотилась от него.

А между тем в нем есть какая-то смелость; разумеется, несколько пьяная и вообще никогда не трезвая, то есть нравственно-трезвая, обдуманная, основанная. В Петергофе гласно фрондирует он с фрейлинами, за обедом солдатизм; находит сходство в Софии Урусовой с Лавальерой... «Якобинство деспотизма» – его выражение. Он говорит: «В мою комнату являются жабы, никто их не видит, ибо они являются именно ко мне».

Бибиков рассказал мне рассказанное ему Бенкендорфом. Однажды вбегает к нему жандарм и подает пакет, подкинутый на имя его в ворота. Распечатывает и находит письмо к государю с надписью: *весьма нужное*. Едет, отдает его. Государь раскрывает его, и что же находит: донос на сумасшествие Муравьева! «А в доказательство, что ваш господин статс-секретарь истинно помешан, прилагаю сочинение его». Государь говорит: «Что с этой бумагой делать? Отослать ее Муравьеву и спросить мнение его».

Покойный король Английский еще в молодости был болен. Доктора запрещали ему выезжать, а ему хотелось в маскаррад, и на увещание докторов отвечал он текстом Евангельским: Блаженны умирающие *in domino*.

19 июля, Ревель.

Я приехал 15-го вечером. 16-го и 17-го купался по одному разу в день. 18-го два раза и надеюсь впредь также.

16-го был концерт в зале Витта. 17-го бал у Будберга.

Ревельские розы по-прежнему свежи и по-прежнему некоторые из них пахнут не розой.

Дорогой прочел я «Коннетабль честерский». Вальтер Скотт тут немного мелодраматичен.

В мае *Revue Francaise* очень хороша статья о нынешней Швеции. Кажется, Бернадотте слишком отказывается от прежнего республиканизма своего. Напрасно. Австрия и Россия не спасут его, или, по крайней мере, династии его: ему более другого должно прямодушно связаться с народом своим и опереться на том, что она сделает в пользу народа. Наполеона пример перед ним. Легитимность свое возьмет, и Оскар, если пойдет по следам отца, то есть наперекор сильного, конституционного направления, однажды уже данного Швеции, не усидит. Французские кадрили его в Петергофе и Гатчине не выкупят его в черный день.

Красноречивый Nils Maussion (крестьянин из Скании) сказал в одной речи своей, что Швеция особенно обязана жур-

налам. «Они дали нам знать, что есть французский маршал, соединяющий со смелостью и дарованиями блестящими великодушное человеколюбие к шведским военнопленным; сей маршал ныне наш король. – Если за двадцать лет пользовались бы мы свободой печатания, думаете ли вы, что Финляндия, треть державы нашей, была бы отторгнута от нас предательством ее защитников. Будет ли зависеть от прихоти царского канцлера лишить нас сего источника познаний? Должно ли будет верить нам непогрешимости его, подобно католикам, верующим в непогрешимость папы, предками нашими отверженную. Бог, сотворив мир, сказал: «Да будет свет» – и бысть. Создатель хотел ли, чтобы сей свет был нам чужд? Когда он послал Сына своего спасти мир, сей Божественный Искупитель запечатлел свой подвиг и свое учение следующим правилом: *грядите стезею света*, христиане! Как осмелиться нам блуждать во тьме». В начале апреля нынешнего года журнал *Medborgaren*, издаваемый Анкарсвердом и Hjersta, был запрещен.

20 июля

Купался в седьмом часу утра и в два. Ездили в Тишерт с ревельской публикой. M-Ile Benkendorf est это королева Эстони, а et M-Ile Morenschild – королевский принц. В самом деле в ней что-то пажеское, херувимское, но не херувима Библейского, а Бомаршевского. Жена барона Палена, генерал-губернатора, урожденная Гельвециус. Она была совос-

питанница, бедная, первой жены его, из фамилии Эссен. Ныне первая дама Эстляндского герцогства. Скромность, смирение первой половины жизни сохранились в ней и на блестящей степени. Довольно милостива, что-то птичье в лице.

Баронесса Будберг говорила мне, что до приезда дона Мигеля в Вену *le fils de l'homme* (*сын человека* – условное обозначение в то время для сына Наполеона) мало знал об отце своем, имел о нем одно темное, глухое предание. Тот ему все высказал. Это несогласно со сказанным мне графиней Фикельмонт, которая уверяла меня, что он был очень хорошо воспитан и полон славой отца.

Не глупо ли, что мы говорим и пишем *Гельвеций*, по какой-то латинской совести, весьма неуместной в этом случае? Что за латинское слово Гельвециус? Об этом латинизме нашем кстати сказать: заставь дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибет. Следовательно, и живописца нашего *Гипиуса* нужно перекрестить в *Гипия*. А графа *Брюс*, как же? В *Брюи*, или в *Брюий*?

21 июля

Вчера купался два раза, в 10-м часу утра и в 10-м часу вечера. Море меня подбивает валами. Так и валит. Оно одно здесь кокетствует со мной. Хромота моя не дает сблизиться с царицей и с принцем. Один вальс сближает.

Обедал у Будберга: там Пален, Паткуль, комендант, Данилевский небритый и сердитый на ревельский песок, М-те

Бланкенагель из Риги.

Будберг, адъютант Дибича, был послан из Андрианополя в Константинополь, уже по заключении мира, с известием, что если через три дня не исполнит Диван условий, ему предписанных, фельдмаршал велит двинуться своему авангарду, и Гордон, английский министр, говорил Будбергу: чего хочет ваш фельдмаршал? Истребления Оттоманской империи? От него зависит.

Вечером был в салоне Витта. Немецкая бережливость: допивали и доедали запасы, оставшиеся от вчерашнего пикника в Тишерте.

С Будбергом, губернатором, выгодно пускать шутки в оборот; с одного его берешь сто процентов. Он всему смеется за сто человек. Я рассказывал ему о Ланжероне. Он так расхохотался, что я боялся за него удара. Весь побагровел, и валик на затылке его вздулся пуще прежнего.

22 июля

Вчера купался в десятом часу утра и в десятом часу вечера, в дождь. Дождь помешал мне ехать в Виттов салон. Перечитывал несколько глав перевода «Адольфа».

Государь в проезд свой через Дерпт был всем очень доволен, но увидел одного студента без галстука и заметил о том Палену. Пален сделал выговор студенту, наказывая ему, чтобы он впредь так не ходил. Студент с удивлением отвечал, что у него галстука и в заводе нет. Его посадили в карцер.

У нас по цензурному уставу сочинение автора через 25 лет по смерти его обращается в общественную собственность. У французов после 20 лет. Следовательно, у нас нужен был бы по крайней мере 50-летний срок. По деятельности, урожаю сам-двадцать, сам-тридцать изданий в книжной торговле право давности во Франции не может быть в соразмерности с нами. Возьмите, например, сочинение посмертное, которое наследниками напечатается год или два после смерти автора. Едва успеет выйти два издания, если сочинение огромное, и наследники уже лишатся своего достояния.

24 июля

Купался два раза, в 8-м часу утра и в 10-м часу вечера при луне. Кажется, уж слишком поздно.

Обедал у Клюпфелей. После обеда пели Кольбарсы. Была молодая румяная баронесса Сакен, очень умильно и живо на меня поглядывала. Что же вышло? Она сходила с ума именно от любви к мужчинам, и осталась одна любовь.

Третьего дня был у Россильона, говорили о здешней мануфактурности, которой почти вовсе нет. Стекланный завод, о коем писал мне Дружинин, уже не существует. Какой-то Унгерн заводит хорошую фабрику суконную, но она еще не в ходу. Есть где-то шляпная фабрика. Вообще, по словам Россильона, здесь нет фабричного движения, а одно рукоделие. По деревням ткут полотна, крестьяне ткут сукно себе на платье, или на пальто. Шварц, фабрикант близ Нарвы, имел

поставку одного офицерского сукна и получал большие пособия в прежнее царствование. Он был как-то употреблен прежде в верхах (dans les fonds) и оказал услуги.

Начинают здесь заниматься овцеводством. Эстляндия и в особенности Ревель должны, кажется, пользоваться торговой и земледельческой промышленностью. Но порты заперты и хлеб без цены.

25 июля

Вчера купался утром в 8-м часу и перед обедом в третьем. Обедал у Будберга. Говорили о фабрике записок, между прочими Gabrielle d'Estres, которая, вероятно, и грамоты не знала. Я говорил, что, восходя таким образом выше и выше, дойдут до записок Адама и Евы.

После был у Лавенштерна, вице-губернатора. Перед его дачей Христинский луг, так называемый потому, что был подарен царицей Христиной городу.

Видел Магницкого, разговорчив и выглядывающий украдкой. Странная мысль сослать его в Ревель.

Вечером в салоне. Была королева Эстонии. Написал я письмо к Россильону о здешних фабриках. Сегодня кончил я мой пересмотр «Адольфа».

26 июля

Вчера купался два раза, утром и перед обедом. Вечер плясовой у Новосильцевых. Королева там была.

27 июля

Купался вчера два раза до обеда. Вечером был у Тизенгаузен и потом с ними у Будберга.

Был я сегодня в эстляндской церкви. В темной глубине ее живописно пестреют разноцветные шапки эстлянок. Приятно видеть эту чернь грамотную с молитвенниками в руках. Перед выходом две старухи подходили друг к другу, приветствовались рукожатием и одна у другой поцеловала руку. И ныне существует во всей древней силе своей вражда между курляндцами и лифляндцами.

28 июля

Сейчас ходил осматривать сахарный завод. Клеменс сдал его Гартману за 2500 р. в год (по словам подмастерья, поляка из Минска, а вероятно, жида: за 5000), он же получает часть в привилегированной плате от казны на 14 тыс пудов, на десять лет, данной Клеменсу. Но зато песок должны они получать из Петербурга. Гартман говорит, что ему было бы выгоднее получать из Гамбурга или прямо из Лондона. Вываривается 25 000 пудов. Можно бы и более по устройству завода, до 100 тыс., по словам хозяина, до 300 тыс., по словам подмастерья, но нет выгоды вырабатывать более, нежели количество, требуемое Ревелем, Дерптом, Пернау. Производство по-старинному: Гартман не доверяет паровому производству.

Берт предлагал петербургским заводчикам купить у них секрет за 400 тыс. и с тем, чтобы у него же заказать все машины, всего около на миллион. Они просили доказать им прежде на опыте, что производство его выгоднее, и тогда купят они секрет. Но он на испытание не согласился. В доказательство, или в подтверждение своему неверию, показал мне Гартман патоку, купленную у Берта, в которой еще хранятся частицы чистого сахара, так что из 60 пудов купленной им патоки надеется он выварить еще пудов 20 сахара, чего быть не должно и чего нет в его патоке, уже очищенной от сахара.

По словам его, Берт с досады на заводчиков, не купивших у него секрета, завел свой завод и продает сахар свой в убыток и в подрыв другим. Заводчики жаловались, но правительство не могло помешать Берту продавать сахар по цене, какая ему угодна. Дали другие привилегии (но, по словам Гартмана, вероятно, на то же производство с легкими изменениями) Мольво и другим. Он замечает и то, что если паровое производство было бы признано лучшим, то в Англии, в Гамбурге покинули бы старинную методику, а между тем некоторые ее держатся.

Нужно около 200 тыс. для устройства завода по Бертовской методе. Содержание завода здесь не дешевле Петербурга ни по части дров, ни по части работы. Одна выгода, что он дешевле нанимает завод. Он говорит, что довольствуется рублем барыша на пуд.

По мнению его, свекловичный песок не выгоден. Можно

составить из него лучший рафинад, но другие переработки уже не доставляют такого хорошего сахара, как из другого песка, так что фунт сахара, обходящийся поэтому в 80 гривен, по свекловичному обойдется в рубль. Из пуда песка выходит около 36 фунтов сахара. В свекловице много кислых частиц, которых совершенно отделить нельзя и которые портят нижние сахара.

Вчера купался два раза перед обедом. Обедал у Будберга. Вечером был у Дивова. Шалунья Россети писала: «Используйте Вяземского, он может быть любезным, даже когда к этому не стремится». Дам же я ей за это.

У Нелидовой сундук с письмами Павла и своим журналом.

Сегодня Матвей просился у меня пойти посмотреть Барона, которого здесь держат в церкви *на место святого* (Due du Groy – герцог де Круа). По его мнению, он сохранился от прохлаждения тела на счет здешних купаний.

Карамзины платят по 10 коп. за каждую змею, которую поймают около дома. Солдаты-сенокосы приносят их. Однажды дали одному 20 копеек за змею. На другой день приносят новую, и, получив 10 копеек, солдат говорит: Нет, пожалуйста 20 коп. – Да ведь вам сказали, что будут давать по 10 коп. – Нет, воля ваша, а нам по этой цене ставить нельзя.

31 июля

Эти дни купался по два раза. Сейчас возвращаюсь из моря

в десятом часу вечера на прощание.

В твои прохладные объятия
Кидаюсь я в последний раз.
Облобызаемся, как братья,
О море! в сей прощальный час.

Впечатления этих дней: прибытие флота – обстроилась пустыня моря. Вчера, 30-го, ездили на корабль «Император Александр». Капитан Сушов говорил: что был Христос для христиан, Петр Великий был для русских.

На одном маневре морском на днях корабль, на котором находился император, был вслед за кораблем «Петр Великий». Замечено флотом.

Кивера – ведра для залития в пожар.

Блестящий салон: девицы Краузе из Петербурга. M-me Knoring из Дерпта, что называется по-польски przystoyna kobieta (красивая женщина). Вчера пир в Вимсе. Через два часа сажусь в коляску. Еду в Петербург. Отправил письмо.

4 августа, С. -Петербург

Выехал я из Ревеля во втором часу ночи на 1-е число. Приехал в Нарву часу в первом ночи. Ночевал, на другой день утром ездил я с управляющим Нарвской полицией осматривать фабрики суконную, уксусную, где, между прочим, потчевали меня хорошим сотерном, рейнвейном и шампанским. Выехал я из Нарвы в два часа днем и прибыл

в Петербург в 5 утра.

Нарва пользуется своими правами. Правители его избираются из купечества. Кнутом не секут, а есть розги в известную меру, которые считаются *парами*, так что за смертоубийство дается не более 120 ударов. В Нарве сад порядочный и сам садовник – махровая роза, или махровый розовый пион. Город очень падает, а прежде процветал торговлей.

В Ревеле 31-го знали уже о делах Франции. Француз *de Vicence*, или что-то на это похожее, получил о том письмо от брата. Что может быть нелепее доклада королю от 25 июля? О печатании везде говорится тут, как о каком-то существе, забывая, что оно орудие. Разве одна оппозиция выдает журналы? И министерство имеет свои. Если оппозиционные более действуют на мнение, то доказательство неопровержимое, что министерство не симпатизирует с мнением. Таким образом можно и о даре слова сказать, что это только орудие беспорядка и мятежа. При Нероне язык был орудие проклятий, при Тите орудием благословения.

18 августа, Остафьево

Все мое пребывание в Петербурге до 10-го числа было отдано на съедение хлопотам об отъезде, выправке нужных бумаг от министра, департамента, etc.

Однажды обедал я у министра: он был ласков, но, кажется, озабочен французскими делами. При всей холодной сухости его в нем много внимательности. Говоря о Шатобри-

ане, он сказал, что газетчик и министр как-то вместе не ладят, и, как будто спохватясь, прибавил: «Хотя, разумеется, литература весьма благородное дело». Далее, замечая, что свобода французов есть только желание сбить министров с места и заместить их, прибавил он: «Хотя истинную свободу я очень почитаю».

Французская миссия показалась мне жалко глупа в эти важные обстоятельства. Лагрене даже сдуру танцевал с детьми у графини Бобринской.

У меня были два спора, прежарких, с Жуковским и Пушкиным. С первым за Бордо и Орлеанского. Он говорил, что должно непременно избрать Бордо королем и что он, верно, избран и будет. Я возражал, что именно не должно и не будет. Если подогретый обед никуда не годится, то подогретая династия – того менее. В письме Карамзиным объяснил я и расплодил эту мысль. С Пушкиным спорили мы о *Пероне*. Он говорил, что его должно предать смерти и что он будет предан за государственную измену. Я утверждал, что не должно и не можно предать ни его, ни других министров потому, что закон об ответственности министров заключался доселе в одном правиле, а еще не положен и, следовательно, применен быть не может. Существовал бы точно этот закон и всей передраги не было, ибо не нашлось бы ни одного министра для подписания знаменитых указов. Утверждал я, что и не будет он предан, ибо победители должны быть и будут великодушны. Смерть Нея и Лабедоиера опятнали кровью Людо-

вика XVIII. Неужели и Орлеанский, или кто заступит праздничный престол, захочет последовать этому гнусному примеру. Мы побились с Пушкиным о бутылке шампанского. Говорят о каком-то завещательном письме Людовика XVIII, в котором предсказывал всю эту развязку.

10-го выехали мы из Петербурга с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царском Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкой. 14-го числа утром приехали мы в Москву. Жена ждала меня дома. Был я у князя Дмитрия Владимировича и у Дмитриева. Голицын видит во французских делах второе представление революции. Смотрит он задними глазами. Денис Давыдов говорит о нем, что он все еще упоминает о нынешнем, как об XVIII веке, так затвердил он его.

Поехали мы с женой в Остафьево. 15-го праздновали именины Маши. 16-го были в Валуеве у молодых (Мусин) Пушкиных. Графиня Эмилия шутя поцеловала у меня левую руку. Все ахнули и расхохотались. 17-го писали в Ревель к Карамзиным.

25 июля, Остафьево

Бедный Василий Львович Пушкин скончался 20-го числа в начале третьего часа пополудни. Я приехал к нему часов в одиннадцать. Смерть уже была на вытянутом лице и в тяжелом дыхании его. Однако же он меня узнал, протянул мне уже холодную руку свою и на вопрос Анны Николаевны: ради ли он меня видеть? (с приезда моего из Петербурга я не ви-

дал его) – отвечал он слабо, но довольно внятно: очень рад. После того, кажется, раза два хотел он что-то сказать, но уже звуков не было. На лице его ничего не выразалось, кроме изнеможения. Испустил он дух спокойно и безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили, помазали только два раза.

Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидев Александра, племянника, сказал ему: «Как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в *Литературной Газете*. Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя как нельзя приличнее. На погребении его была депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и ЛжеДмитриев, Снегирев. Никиты Мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно.

Я в Пушкине теряю одну из сердечных привычек жизни моей. С 18-летнего возраста и тому двадцать лет был я с ним в постоянной связи. Сонцев таким образом распределил приятельство Василия Львовича: Анна Львовна, я и однобортный фрак, который переделал он из сюртука в подражание Павлу Ржевскому. Черты младенческого его простосердечия и малодушия могут составить любопытную главу в истории сердца человеческого. Они придавали что-то смешное личности

его, но были очень милы.

У Веревкиных 22-го вечером виделся я с великим князем. Он был ко мне очень внимателен, в первый раз после варшавской моей истории. За ужином говорил, что ему все равно ночью не спать только с тем, чтобы днем были *вознаграждения* – *indemnites*, упомянул он *indemnites* Ланжерона, прибавляя, что хороши они теперь. И тут, обратясь ко мне, говорил о делах Франции.

«Слов нет, виновен первоисточник, который повлек за собой ряд последствий. Да, надо поддержать скрепленное клятвой, но последствия отвратительны. Все это только якобинство». Хороша его коронация, говорил он об Орлеанском.

Вообще трудно судить заранее об этих происшествиях. Если все обдержится, усядется и укоренится, то, разумеется, революция эта будет прекрасной страницей в истории Парижа, но можно ли надеяться на прочность содеянного? Действительно ли это великая мысль, идет ли она от сердца? Тогда – хорошо, но если тут одно личное честолюбие, то прока не будет. Впрочем, о многих и превратно судят: например, ужасаются трехцветной кокарды, забывая, что она знаменье не одной гильотины, а двадцатилетней славы, двадцатилетнего имперского господства Франции в Европе. Как французам отказаться от этого достояния из угождения Бурбонам, которые доказали не раз, что они не умеют царствовать. До селе все случившееся, за исключением нескольких театраль-

ных выходок Орлеанского, законно и свято, если святы права народа, искупившего их своей кровью и бедствиями разнородными, но по мне Орлеанский что-то ненадежен. Он не герой этой революции, а актер ее: следовательно, может силой обстоятельств быть вынужден играть и другую роль, или пересолить нынешнюю; а может быть, и лучше, что в этой драме нет героя – лишь бы ансамбль действовал. Революции на одно лицо суть революции классические: эта Шекспировская.

21-го обедали мы у Дмитриева со слепцом Молчановым. В министерстве они не ладили. Одно утро собрались у нас с Пушкиным: Бартенев-Костромский, Сергей Глинка, Сибилев, Нащокин Павел Воинович.

Возвратился я сюда 23-го. Вчера обедали у нас два Олениных.

Мюссе говорит, что поэзия хороша, но музыка – лучше. Мне тоже приходило в голову утверждать превосходство музыки над живописью – тем, что ангелы не живописуют, а воспевают славу Всевышнего.

3 сентября, Остафьево

Последние дни августа провел в Москве.

Был бал 26-го у князя Сергея Михайловича (Голицына). Странно, что был бал у него, но и то странно, что у куратора не было ни одного члена университетского. Голицын – как шталмейстер, который конюшней заведует, но лошадей

к себе не пускает. Великий князь был на бале. 28-го был бал подписной в доме Дурасова.

Говоря о возможности войны и о том, что будто предложен был вопрос: нужно ли объявить войну? – слепец Молчанов сказал мне, что если он был бы в этом совете, то отвечал бы, что задача самого вопроса заключает в себе ответ и отрицание. Когда спрашивается, что должно ли начать войну, то уже верно, что не должно; ибо в случаях обязательства воевать в силу договора или в случаях вторжения неприятельского в границы, тут нечего и спрашивать.

28-го ездил представляться великому князю.

3 октября, Остафьево

Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве. 17-го вечером приехал я в Москву с Николаем Трубецким. Холера и парижские дела были предметами разговора нашего. Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком расплзлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет.

18-го меня давило какое-то предчувствие. Вечером был я у Кутайсова, где нашел Льва Перовского, возвращающегося из Казани и далее: он следовал за болезнью, которую постигал в разных губерниях, и по наблюдениям своим уверял, что она наносная. Вообще все думали, что она поветрие, и пото-

му и дали ей ход. Мнение его еще более подтвердило мое.

На другой день поехал я к Николаю Муханову, чтобы узнать о действиях холеры и Закревского, проехавшего через Москву, – о средствах защищаться против неприятеля, если он приступит. Нашел я у него Маркуса и узнал, что неприятель в Москве, что в тот же день умер студент, что умерло в полиции несколько человек от холеры. Меня всего стеснило, и ноги подкосились.

Отсутствие жены, поехавшей к матушке, неизвестность, что благоразумнее: перевезти ли детей в Москву или оставаться в деревне, волновали и терзали меня невыразимо. Наконец, решился я на Остафьево. запасся пиявками, хлором, лекарствами, фельдшером и приехал вечером в деревню. До нынешнего дня лихорадка сомнений, тоска держат меня.

В день отъезда моего из Москвы забежал к Яру съестъ кусок на дорогу, нашел Веневитинова, Зубкова и московского откупщика Мартынова. Говорил с первым о моих сомнениях, что делать: перевезти ли детей в Москву или нет, и о сожалении, что мой дом в наймах; говоря, что, кабы не это, я переехал бы с детьми тотчас в Москву. После обеда откупщик этот мне предложил верхний этаж дома Киндякова, им нанимаемого, если я только соглашусь подвергнуться строжайшим карантинным мерам, которые он в доме своем предпримет, если болезнь установится в городе. После получил я в Остафьево записку от Веневитинова, предлагающего мне также несколько комнат в доме своем. Это происшествие до-

казало мне, что я не мог бы быть нигде правителем.

У меня много решимости в предначертании плана, но в самую минуту эту чувствую, что недостает силы, чтобы поддержать исполнение оно не в отношении к себе, а в отношении к другим. У меня нет силы повелительной. Впрочем, и то сказать, что в службе, вероятно, имел бы я более энергии и имел более средств принудить к повиновению. Теперь нет у меня никого, кому мог бы я передать свои приказания с уверенностью, что они будут в точности исполнены; и эта неуверенность расслабляет волю.

Приехав в Остафьево, горячо принялся я за учреждение предохранительных мер всякого рода, но не все выдержал. Повиновение не внушается разом: нужно взрастить его в привычках повинующихся. Мы с женой ездили к Четвертинским и на Калужской дороге встретили мужиков, возвращающихся из Москвы, они кричали нам: *мор*.

4 октября

В эти две недели прочел я Записки кардинала Ретца; что за путаница (*inbroglio*), что за бессвязная сцена вся эта драма Фронды. Волокитство и пронырство, галантство и интриги были душой ее. Под конец так запутаешься в множестве лиц, в многочисленности мелких действий и побуждений, что потеряешь и нить.

Всего замечательнее в этой книге политические и характеристические апофегмы автора. Из них можно составить ка-

техизис в пользу возмутителей. Парижское население действовало против Мазарини, как ныне против Полиньяка. Но ныне более благоразумия в поколении. Тогдашнее и самые главы возмущения действовали как дети. Определяли начала, учреждали меры, приводили их в действие самыми крутыми способами и пугались последствий. Самый Ретц не знал, чего хотел, не говоря уже о принцах.

Прочел я и *Granby roman fashionable* («Гренби, фешенебельный роман»). В самом деле, читая этот роман, думаешь, что переходишь из гостиной в гостиную. Нет ничего глубокого, нового в наблюдениях, но много верности. Кажется, если написать мне роман, то в этом роде. Тут нет и ткани плотно сотканной, а просто перемена лиц и декораций. В переводе сказано, что роман сочинения лорда Норманди, а в *Globe* сказано, что от лорда *Riddlesdale*.

6 октября

Вчера писал князю Д.В. Голицыну о грабительстве кордонных казаков, которые за деньги пропускают из города и впускают.

Приезд государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке.

Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его государю. На днях в письме к Муханову я говорил,

что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видали царей и в сражении. Моро был убит при Александре, это хорошо, но тут есть военная слава, есть дело чести (*point d'honneur*): нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет слаболюбия, нет обязанности. Выезд царя из города, объятаго заразой, был бы, напротив, естественен и не подлежал бы осуждению; следовательно, приезд царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не *близ царя близ смерти*, а *близ народа близ смерти*.

Я прочел *Mes pensees* («Мои мысли») Лабомеля, которого знал доньше по щелчкам Вольтера. Он совсем умный человек. Многие из политических мыслей удивительны по тогдашнему времени. В них есть предвидение. К тому же он знал тогда, чего не знали французы: Европы. Он говорит о Пруссии, Швеции, Англии. Вот некоторые из его мыслей: «Военное правительство полно энергии, но оно отличается и бесплодностью: начинается с того, что возвышает империю, а кончает тем, что сводит ее на нет. Как лекарство, сначала дающее силы больному, а потом отнимающее жизнь.

О могуществе государя говорит число людей, поставляемое в армию, а о слабости – качество этих людей.

Похвалы глупца не должны бы льстить мне, однако льстят почти так же, как похвалы умного человека; расточая мне похвалы, глупец действует как умный человек, а умный –

лишь выказывает справедливое отношение.

Хладнокровие для политика – что вдохновение для поэта.

Россия – гигант в оковах; ее боятся больше, чем она того заслуживает.

Определение английской конституции: при ней все могут все.

Большинству государств следовало бы иметь на месте правителя хорошего банкира.

В стране, где не позволено иметь благородное сердце, не будет и умных людей.

Христианская религия смягчает нравы, но разве она не приводила в отчаяние мужество?»

Наполеон говорил, что он посадил бы Корнеля в свой государственный совет; здесь почти та же мысль: «Один иностранец, узнав, что Корнель не министр, стал говорить: «Если бы я был королем...» – «Если бы вы были королем, вы управляли бы государством так же плохо, как собственным домом!»

В моем издании Лабомеля (7 изд., Лондон 1727) много пропусков, точек, начальных букв. Должно поискать другое.

14 октября

Я в этот день прочел театр Дидерота и его драматические рассуждения. *Le Fils naturel* («Побочный сын») просто скучен. В отце семейства больше жизни и движения, но все – и то, и другое – проповеди в действии. В рассуждениях его

больше драматического, чем в драмах, а в драмах более рассуждений, чем драматического. Иное в них темно и ничего не имеет существенного, но многое сближается с природой, или с романтической драмой, хотя он и сидит на трех единствах.

Читал и Записки князя Шаховского. Занимательны, но не дописаны. Наши авторы все жеманятся, боятся наскучить читателям и потому неудовлетворительны. В аналитах одно скучно: сухость. Или аналит без ума и дарования, тогда читать его нечего; или он с умом и есть ему что порассказать, и тогда скромность его, малоречивость досадна. Как, например, Шаховскому не проболтаться про Бирона, Миниха (о Шуваловых, например, сказал довольно: тут за живое задирало). Как ему не подробнее описать было конференции министров, которые при Елисавете заключали перемирие без ведома ее. Вот что был тогда самодержец. Со всем тем Шаховского Записки – одна из занимательных русских книг. Вот дюжина таких книг, и у нас были бы основы для исторических романов, комедий.

24 октября

Сочинения и переводы Перевощикова – хорошая книга. Он писатель мыслящий. Жаль только, что он предпочитает другой прозе прозу Ломоносова, Хераскова, Шишкова. Прозу Шишкова? Как будто это проза, как будто есть у него слог? Право, даруемое иным писателям, освободить себя от цен-

зуры в государстве, где существует цензура, похоже на право, которое бы дали некоторым лицам, проезжать карантинны, не подвергаясь установленному очищению. Или нужна цензура, или нужны карантинны, или нет. Если нужны, то какие допустить различия.

30 октября

Соберите все глупые сплетни, сказки, и не сплетни, и не сказки, которые распускались и распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры и нынешних обстоятельств, – выйдет хроника прелюбопытная. В этих *сказах* и сказках изображается дух народа. По гулу, доходящему до нас, догадываюсь, что их тьма в Москве, что пар от них так столбом и стоит: хоть ножом режь. Сказано: литература является отражением общества, а еще более сплетни, тем более у нас; у нас нет литературы, у нас литература изустная. Стенографам и должно собирать ее. В сплетнях общество не только выражается, но так и выхаркивается. Заведите плевалник. (Из письма к Николаю Муханову. Пишу о том А. Булгакову.)

31 октября

В самом деле любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей оказывается здесь решительно. Даже и наказания Божии почитает она наказания-

ми власти. Во всех своих страданиях она так привыкла чувствовать на себе руку владыки, что и тогда, когда тяготеет на народе Десница Вышнего, она ищет около себя, или поближе под собой, виновников напасти.

Из всего, изо всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революцией. Отчета себе ясного в этом она не дает, да и дать не может, но и самое *суетверие* не менее веры нужно иногда.

То говорят они, что народ хватают насильно и тащат в больницы, чтобы морить, что одну женщину купеческую взяли таким образом, дали ей лекарства, она его вырвала, дали еще, она тоже, наконец, прогнали из больницы, говоря, что с ней, видно, делать нечего: никак не уморишь.

То говорят, что на заставах поймали переодетых и с подвязанными бородами, выбежавших из Сибири несчастных 14-го; то, что убили в Москве великого князя, который в Петербурге; то, что какого-то немецкого принца, который никогда не приезжал. Я читал письма Остафьевского столяра из Москвы к родственникам. Он говорит: *нас здесь режут как скотину.*

3 ноября

Я перечитывал *Жизнь Бибикова*. Занимательная книга, и если сын героя, автор, не так бы патриотизировал, то и хорошо писанная. Много любопытных фактов. Как мы пали пу-

хом со времен Екатерины, то есть со времени Павла.

Какая-то жизнь мужественная дышит в этих людях царствования Екатерины. Как благородны сношения их с императрицей; видно то, что она почитала их членами государственного тела. И самое царедворство, ласкательство их имело что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. После все приняло какое-то холопское унижение.

Вся разность в том, что вышние холопы барствуют перед дворней и давят ее, но перед господином они те же безгласные холопы. Возьмите, например, Панина и Нессельроде... В тех ли он сношениях с царем, в каких был Панин с Екатериной. Воля ваша, а для России нужно еще и физическое представительство в своих сановниках. Черт ли в этих лилипутах? Слова Панина, сей итог деспотизма: «Знайте же, что при моем дворе велик лишь тот, с кем я говорю и лишь пока я с ним говорю», – сделались коренным правилом.

При Павле, несмотря на весь страх, который он внушал, все еще в первые годы велись несколько екатерининские обычаи; но царствование Александра, при всей кротости и многих просвещенных видах, особливо же в первые годы, совершенно изгладило личность. Народ омелел и спал с голоса. Все силы оставшиеся обратились на плутовство, и стали судить о силе такого-то или другого сановника по мере безнаказанных злоупотреблений власти его. Теперь и из предания вывелось, что министру можно иметь свое мнение.

Нет сомнения, что со времен Петра Великого мы успели в образовании, но между тем как иссохли душой. Власть Петра, можно сказать, была тираническая в сравнении с властью нашего времени, но права опровержения и законного сопротивления ослабли до ничтожества. Добро еще, во Франции согнул спины и измочалил души Ришелье, сей также в своем роде железнолапый богатырь, но у нас кто и как произвел сию перемену? Она не была следствие системы – и тем хуже.

7 ноября

В Коломне, сказывают, был бунт против городничего, объявившего, что холера в городе, а чернь утверждала, что нет. Городничий скрылся. Губернатор приезжал исследовать это дело. Никто более моего не готов признать истину правила *Jacotot: tout est dans tout* (все во всем).

Составляя биографию Фон-Визина, я нашел в бумагах его письма Бибикова. Это дало мне мысль перечитать жизнь его, написанную сыном. Роль, игранная им в Польше, побудила меня коснуться в *Histoire des trois demembrements de la Pologne par Ferrand* («Историю трех разделов Польши» Феррана), там в жизнь Екатерины, там взять *Histoire de mon temps* («Историю моего времени») Фридриха Великого. Между прочим, пробежал я, все по поводу Фон-Визина, драматургию Шлегеля, «Историю полуденной литературы» Сисмонди, драматические рассуждения Дидерота, Вольтера, Лагарпа, Мармонтеля, множество русских старых книг. Вот

каким образом очерк действия моего расширяется и часто касается вдруг противоположных берегов. Жаль, если не сумею после перенести в свой труд *запах* моих дальних странствований, окурить его общим интересом. По крайней мере исправляю свое дело по совести, и кажется, мои писания не должны быть *безуханны*, как многие у нас. Но все чувствую, что недостаток фунта положительных, готовых познаний должен вредить глубокому укоренению и плодovitости моих прозябаний.

21 ноября

Прочел *Le Cid*, со всем процессом его, критикой Скюдери, замечаниями академии etc. В суждениях Скюдери много справедливого, но много и глупого, грубого.

Разумеется, нельзя допустить, чтобы Химена виделась с убийцей отца своего полчаса спустя после убийства; но в этом погрешность классической трагедии. Скюдери толкует, Корнель оправдывается, Вольтер защищает, но все они вертятся около истины и не дощупываются больного места. Галиани прав, Вольтер несносен в комментариях своих на Корнеля. Он походит в них на старого французского учителя, замечает, что такое-то выражение, такое-то слово более не в употреблении. Странное дело, что Вольтер, который хотел поставить вверх дном небеса со всеми в них живущими, так и дрожит на каких-то правилах, условиях, бледнеет от слова, которое покажется ему не нынешним.

По мне лучшая сцена в «Сиде» есть вызов Родрига отцу Химены. Все прочее натянуто. Химена, которая поочередно переходит от негодования к любви, от требований мести к изъяснениям в нежности, похожа на шашку, которая переходит на шашечнице с белого места на черное. Конечно, в этом положении много драматического, но все это у Корнеля слишком резко.

Дон-Санчо, Принцесса – такие жалкие творения, что стыдно глядеть на них, и, кажется, кем-то уже было замечено, что если классики допускают сокращение или превращение 24 часов в два часа, то почему же не распустить еще эту свободу на год, на два и так далее. Вы говорите зрителям: представьте себе, что пришли сюда просидеть сутки: если они поддаются на это предложение, если воображение их содействует вашему обману, то не станут спорить они и за продолжительнейший срок. Если вы успеваете уверить их, что 24 – не 24, а два, или что два – не два, а 24, то почему же сверхестественнее, что два – две тысячи или два миллиона. Допуская воображение в числа, допуская, что дважды два не четыре, уж все равно – вывести в итоге 24 часа или двадцать четыре года. Классический ящик точно гроб: иначе не положишь в него героя, как мертвого без движения. Пока еще герой волен в движениях, может идти себе направо и налево, классическому гробу до него дела нет. Но когда приставят к нему ко рту аристотельское зеркало, и оно не потускнеет от дыхания, тогда милости просим гробовых дел мастера сни-

мать с него мерку, состроят гроб, положат его и украсят своими парчовыми покрывами.

28 ноября

Отправлено через Подольск письмо к Кавериной с предложением отцу писать свои записки. Я всех вербую писать записки, биографии. Это наше дело: мы можем собирать одни материалы, а выводить результаты еще рано.

1 декабрь

Все это время читал или перелистывал: хроники парижские, современные пребыванию Фон-Визина, Гримма переписку, 1787, Даламбера etc.

«Он умен и имеет крепкую хватку, но не вполне владеет тайной, как можно совершенно высмеивать людей» (Вольтер Даламберу о Линге).

Точно есть предчувствие, есть какой-то запах внутренний того, чего еще не знаешь, но нужно узнать вскоре. Вчера просыпаюсь, а умом своим перенесся в Варшаву без всякой причины; приходило мне в голову, что, может быть, я сблизюсь с великим князем, что в случае смерти или перемещения Моренгейма могу занять его место. Я фантазировал потому, что никогда не думаю серьезно быть опять на службе в Варшаве. То приходило мне на мысль написать письмо М-ме Вансович, с которой я никогда не был в переписке. Через час получаю почту и известие о варшавских происшествиях.

Из писем и из печатного донесения худо их понимаю. Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт. 14 декабря не было революции. Но зачем верные войска выступили из Варшавы? Добро еще русские, для избежания поклепов, что неприязненные действия начаты ими, хотя в такую минуту странно думать о рецензии журналов и политикоманов, но к чему вышли и польские? На что же держать вооруженную силу, если не на то, чтобы хранить порядок и усмирять буйство? Как бросить столицу на жертву нескольким головорезам, ибо нет сомнения, что большая часть жителей, то есть по крайней мере девять десятых, не участвовали в мятеже? Что вышло бы, если 14-го государь выступил бы из Петербурга с верными поляками.

В мятежах страшно то, что *пакты* со злым духом, пакты с кровью чем далее, тем более связывают: одно преступление ведет к другому, или более обязывает на другое. Раскаяние, христианская добродетель, неизвестная, почти невозможная в политике...

В смерти Ж.З. из русских виден перст Провидения. Нет, такими людьми не устраиваешь нравственности народной. Разумеется, поляки пользуются выгодами, которых у нас нет. Но что же это доказывает? Крестьяне, видя, что барыня их хочет развестись с мужем, который оскорбляет ее честь, дивятся неблагодарности ее, говоря: а муж ее еще кормит белым хлебом и сажает за стол с собой. Все относительно: обиды, благодеяния. Нет общей меры на всех и на все.

Со всем тем я уверен, что все это происшествие – вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря. Теперь дело запуталось, потому что его запутали. Воры грабят дом, а полиция, чем унимать, отходит прочь, чтобы не сказали, что грабеж начат ею. Может быть, Антверпенская история заставила страшиться подобных же следствий; но если всего бояться, то в лес не ходить, а особенно же не управлять людьми. Должно иметь за себя совесть и не бояться тогда сплетней ни журналов, ни истории.

Раздел Польши есть первородный грех политики 24 февраля. Нельзя избежать роковых следствий преступления. Парад мелодрамы (*Parade de melodrama*).

Польши слабая струна есть национальность, и поелику поляки народ ветреный, то им довольно поговорить о национальности; играя искусно этой струной, Наполеон умел вести их на край света и на ножи. У нас же, напротив, хотят подавить, оборвать эту струну и удивляются, что дела идут нехорошо. Но когда отнять у себя единое средство действовать на кого-нибудь, то какого ожидать успеха...

9 декабря

Кажется, Заира говорит: *La patrie est aux lieux ou l'ame est enchainee* (родина находится в том месте, к которому прикована душа), следовательно – в России, где столько крепостных душ.

Я отгадал, что варшавская передеряга будет не шекспировской драмой, а классической французской трагедией с соблюдением единства места и времени; так, чтобы в два часа быть развязке.

11 декабря

Обыкновенные наши отчеты академий, ученых обществ и т. п. – точно ведомость мирским расходам. О движениях мысли, о нравственных оборотах тут нет ни слова, а все только о деньгах. Разумеется, контроль нужен, но не он же один должен быть в виду.

Сегодня читал я краткое историческое сведение о состоянии императорской Академии Художеств: тут найдете вы о перестройке нужных мест, прачечной и проч., но не получите понятия о состоянии художеств наших, о пользе приносимой Академией. Верно, что Оленину приятно объявить, что он привел в порядок то, что было расстроено, но как ограничиваться одной материальностью. Спасибо ему за фразу: *какому бы помещику ни принадлежал крепостной ученик свободных искусств.*

Рассмешил он меня также своим *поколенным портретом*, писанным Варнеком. То-то, видно, ленивый живописец: не много стоило бы труда написать его и во весь рост.

15 декабря

Сегодня во сне имел я разговор у какого-то брата Фон-

визина, при Огаревой. Я говорил, что мы не вовремя родились, желал бы я родиться шестьдесят лет ранее, или сто лет позднее. Впрочем, я писал это кому-то на днях, а вот сонная прибавка: я говорил, что мы вступили в свет, как люди, принужденные переехать в город летом на духоту, пыль и одиночество.

Начальница Севастопольского бунта, поручица Семенова, поднявшая на ноги 500 женщин. Когда на допросе спрашивали о причинах, побудивших ее к мятежу, спросила она следователя: женат ли он? На ответ отрицательный сказала она: «Вы не поймете признания моего». Двое детей ее умерли с голоду в карантине.

Записать когда-нибудь анекдот, рассказанный Фикельмоном о письме к великой княгине Екатерине Павловне, найденном австрийским генералом на бале.

Рассказывают, что большая часть сиделок в холерических больницах – публичные девки. В полицейской больнице в доме Пашкова Брянчанинов нашел девок в каком-то подвале, которых солдаты и больничные смотрители держали для своего обихода.

19 декабря

Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8-ю и 9-ю главы Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих – славная хроника; куплеты: *Я мещанин, я ме-*

щанин, эпиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: *Дон-Жуана, Моцарта и Сальери. У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи.*

Что может быть нелепее меры велеть выезжать подданным из какого-нибудь государства? Тут какой-то деспотизм ребяческий. Так дети в ссорах между собой отнимают друг у дружки свои игрушки или садятся спиной один к другому. До какой подлости может доводить глупость?

Газеты наши говорят о расцеплении Москвы, как о милости народу, разве Божией, если в самом деле холера прекращена. Да разве оцепление была царская опала? Поэтому должно радоваться бы и тому, если каким-нибудь всемилоштивейшим манифестом велено было распустить безумных из желтого дома...

Статистические взгляды на Россию. Россия была в древности варяжская колония, а ныне немецкая, в коей главные города Петербург и Сарепта. Дела в ней делаются по-немецки, в высших званиях говорится по-французски, но деньги везде употребляются русские. Русский язык же и русские руки служат только для черных работ.

20 декабря

«О люди, вы готовы быть порабощенными!» – говаривал Тиверий по-гречески, выходя из Сената. Первый Булгарин в Риме был Цепио Криспиний, а по другим комментариям

Романий Гиспон.

У Тацита: «В каком месте вынесешь ты свое решение, Цезарь?» – «Если я буду первым, – отвечал он, – мне будет чему подражать; если же я буду последним, я боюсь оказаться несведущим и невеждой...» Вот почему членам царских фамилий не должно заседать в уголовных политических судах. (Из речи Кремуция Корда, обвиненного в написании истории, в которой он хвалит Брута и называет Кассия «последним из римлян».)

22 декабря

Странная и незавидная участь Б. Имея авторское дарование, он до сорока лет и более не мог решиться ничего написать. Тут вдруг получил литературную известность прологами своими к действиям палачей: «Хотя волнуемая страхом – дерзает мечтать о торжестве!» Ого, г-н классик и строгий критик! Куда это дернуло вас красноречие!

«В твердом уповании на Бога, всегда благодеющего России!» Вот фраза, формула, которую должно выкинуть бы из официального языка. Это нелепость, или поклеп на Бога, или горькая насмешка. Почему Бог более благодеет одной земле, нежели другой, и как знать нам, на чьей стороне праведный суд Его? Тут есть какое-то ханжество и кощунство. Не призывайте имени Бога вашего всеу.

Понимаю, что можно здоровому человеку привыкнуть жить с безумцами в желтом доме; но полагаю, что никак не

привыкнет благородный человек жить с подлецами в лакейской. Безумием унижена человеческая природа рукой Бога: тут есть смирение и покорность воли его. Подлостью унижено нравственное достоинство человека: тут, кроме негодования, ничего быть не может. Зачем, видя детей шалунов, обвинять их одних, а не более родителей и наставников? Зачем, видя дом в беспорядке, решительно говорить, что слуги виноваты, не подозревая даже, что могут быть виноваты господин и управляющие? Зачем в печальных событиях народов, в частых преступлениях их винить один народ, а не искать, нет ли в правительстве причин беспорядка, нет ли в нем антонова огня, который распространяет воспаление по всему телу? Зачем, когда ревматизм в ноге, сердиться на ногу одну, а и не на голову, которая не думала охранять ногу от стужи или сырости, и не на желудок, который худо переваривал пищу и расстроил согласие и равновесие тела?

24 декабря

У нас странное обыкновение: за худой поступок, за поведение, неприличное званию офицера, выписывается офицер из гвардии в армейский полк. Можно сказать, что и с П. так же поступили. Тот сам признал свою неспособность. Ну так выйди в отставку; нет, дома он не годится, мы наградим им других, а после того удивляются.

На беду у нас истории не читают: хоть бы, читая ее, при общем молчании, мороз подирал по коже их, думая, что о

них скажет потомство.

Кстати вспомним стих Сумарокова: «Молчу, но не молчит Европа и весь свет». И потомство – молчать не будет. Впрочем, в этом отношении они счастливы. Ничтожество надежда преступников. Ничтожество отрада и невежд. Для них нет страшного суда ума и истории, нет страшной казни печати. Могла ли остановить пашу Янинского мысль, что Пукевиль будет доносчиком на него перед вселенной. Непонятная казнь не страшит нас. Потому, может быть, и изобрели ад с огнем, кипящей смолой и прочими снадобьями, а то настоящего ада, может быть, никто и не испугался бы. Царедворцу выше всех наказаний быть лишенным лицезрения царского; а сколько счастливых уездных, которых не опечалишь тем, что не видать им царя как ушей своих. Все относительно.

Все мои европейские надеждишки обращаются в дым. Вот и Benjamin Constant умер, а я думал послать ему при письме мой перевод «Адольфа». Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик. Редет, мелеет матушка Европа. Не на кого будет и взглянуть. Все ровня останется.

27 декабря

Прокламация великого князя: «Я удаляюсь в поход с войсками и, положась на польскую честность, я надеюсь, что войска не встретят препятствий при возвращении в империю», – род признания того, что случилось.

7 января 1831

4-го приезжали в Остафьево Денис Давыдов, Пушкин, Николай Муханов, Николай Трубецкой. Элиза говорила о себе: «Как исключительна моя судьба, я еще так молода и уже дважды вдова».

В Тамбове возмущение было не на шутку. Говорят, Загряжский тут действовал усмирителем бури.

14 сентября 1831

Вот что я было написал в письме к Пушкину сегодня и чего не послал.

«Попроси Жуковского прислать мне поскорее какую-нибудь новую сказку свою. Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинели по домам с поздравительными одами) и не совестно ли

«Певцу во стане русских воинов» и «Певцу в Кремле» сравнивать нынешнее событие с Бородиным? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. Можно было дивиться, что оно долго не делается, но почему в восторг приходите от того, что оно сделалось. Слава Богу, русские не голландцы: хорошо им не верить глазам и рукам своим, что они посекали бельгийцев. Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нет тут вдохновений для по-

эта. Зачем переключать в стихи то, что очень кстати в политической газете».

Признаюсь, что мне хотелось здесь оцарапать и Пушкина, который также, сказывают, написал стихи. Признаюсь и в том, что не послал письма не от нравственной вежливости, но для того, чтобы не сделать хлопот от распечатанного письма на почте.

Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, тут просто русское невежество. Какая тут черт народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршей, контрмаршей мы опять вступили в этот городок. Грусны могли быть неудачи наши, но ничего нет возвышенного в удаче, тем более что она нравственно никак не искупает их. Те унизили наше политическое достоинство в глазах Европы, раздели наголо пред нею этот колосс и показали все язвы, все немощи его; а она – *удача* – просто положительное событие, окончательная необходимость и только.

Мы удивительные самохвалы, и грустно то, что в нашем самохвальстве есть какой-то холопский отсед. Французское самохвальство возвышается некоторыми звучными словами, которых нет в нашем словаре. Как мы ни радуемся, а все похожи мы на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с именинами, с пожалованием чина и проч. Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жуковскому стыдно запеть иначе. Таким образом, вот

и последнее действие кровавой драмы, что будет после? Верно, ничего хорошего, потому что ничему хорошему быть не может.

Что было причиною всей передрыги? Одна, что мы не умели заставить поляков полюбить нашу власть. Эта причина теперь еще сильнее, еще ядовитее, на время можно будет придавить ее; но разве правительства могут созидать на один день, говорить: век мой – день мой... При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке.

Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступать, но по победе очень можно. Но такая мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельроде, она в ней не уместится... Польское дело такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, что излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо легче при случае иметь ее явным врагом...

Для меня назначение хорошего губернатора в Рязань или Вологду гораздо более предмет для поэзии, нежели во взятии Варшавы. (Да у кого мы ее взяли, что за *взятие*, что за слова без мысли.) Вот воспевайте правительство за такие меры, если у вас колена чешутся и непременно надобно вам ползать с лирой в руках.

Я сегодня писал к Мордвинову и просил его административных брошюрок.

15 января

Стихи Жуковского навели на меня тоску. Как я ни старался *растосковать*, или *растаскать* ее по Немецкому клубу и черт знает где, а все не мог. Как можно в наше время видеть поэзию в *бомбах*, в *палисадах*. Может быть, поэзия в мысли, которая направляет эти бомбы, и таковы были бомбы Наваринские, но здесь, по совести, где была *мысль* у нас или против нас? Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будете их петь?

Мы были на краю гибели, чтобы удержать за собой лоскуток Царства Польского, то есть жертвовали целым ради частички. Шереметев, проиграв рубль серебром, гнул на себя донельзя, истощил несколько миллионов и, наконец, по перелому фортуны, перелому почти неминуемому, отыграл свой рубль. Дворян его восхищается и кричит: что за молодец! Знай наших Шереметевых!

Дело в том, можно ли в наше время управлять с успехом людьми, имевшими некоторую степень образованности, не заслужив доверенности и любви их? Можно, но тогда нужно быть Наполеоном, который, как деспотическая кокетка, не требовал, чтобы *любили*, а хотел *влюбить в себя*, и имел все, что горячит и задорит людей. Но можно ли достигнуть этой цели с Храповицким? А кто у нас не Храповицкий?

Я более и более *уединяюсь, особняюсь* в своем образе мыслей. Как ни говори, а стихи Жуковского – вопрос жизни и смерти между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть.

Разумеется, Жуковский не переломил себя, не кривил совестью, следовательно, мы с ним не сочувственники, не единомышленники. Впрочем, Жуковский слишком под игом обстоятельств, слишком под влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистоте и девственности их. Как пьяному мужику жид нашептывал, сколько он пропил, так и той атмосфере невидимые силы нашептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства.

Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича. Во-первых, потому, что этот род восторга – анахронизм, что ничего нет поэтического в моем кучере, которого я за пьянство и воровство отдал в солдаты и который, попав в *железный фронт*, попал в махину, которая стоит или подается вперед без воли, без мысли и без отчета, а что *города* берутся именно этими махинами, а не полководцем, которому стоит только расчесть, сколько он пожертвует этих махин, чтобы повязать на жену свою Екатерининскую ленту; во-вторых, потому, что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь...

22 января

Пушкин в стихах своих: *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на *вопросы*, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европе* любить нас?..

Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от *мысли до мысли* пять тысяч верст...

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужли Пушкин не убедился, что нам с Европой воевать была бы смерть? Зачем же говорить нелепости и еще против совести и более всего без пользы? Хорошо иногда в журнале политическом *взбивать слова*, чтобы заметать глаза *пенной*, но у нас, где нет политики, из чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество или постыдное унижение. Нет ни одного листка *Journal des Debats*, где не было бы статьи, написанной с большим жаром и с большим красноречием, нежели стихи Пушкина в *Бородинской Годовщине*. Там те же мысли, или то же безмыслие...

И что опять за святотатство сочетать *Бородино с Варшавой*? Россия вопиет против этого беззакония. Хорошо *Инвалиду* сближать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому, кажется бы, и стыдно.

Одна мысль в обоих стихотворениях показалась мне уместной и кстати. Это мадригал молодому Суворову. Нечего было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить страдания Паскевича, которое милостию Божией и без того обойдется. В Паскевиче ничего нет Суворовского, а война наша с Польшей тоже вовсе не Суворовская, но хорошо было дедушке полюбоваться внуком.

После этих стихов не понимаю, почему Пушкину не воспевать Орлова за победы его Старорусские, Нессельроде за подписание мира. Когда решишься быть поэтом *событий*, а не соображений, то нечего робеть и жеманиться... Пой, да и только. Смешно, когда Пушкин хвастается, что мы *не сожжем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее. Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете, на чем решится, то у вас Варшава неприятельский город, то наш посад.

* * *

...Полевой имел наглость написать в альбом жены Карлгофа стихи под заглавием: *Поэтический анахронизм, или стихи в роде Василия Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитриева, писанные в XIX веке*. Как везде видишь целовальника и лакея, не знающего ни приличия, ни скромности. Посади свинью за стол, она и ноги на стол, да и каков литератор, который шутит стихами Дмитриева, и какими стихами еще:

Гостиная, – альбом,
Паркет и зала с позолотой
Так пахнут скукой и зевотой.
Паркет пахнет зевотой!

* * *

6 декабря 1837

Будочники ходили сегодня по домам и приказывали, чтобы по две свечи стояли на окнах до часа пополуночи.

Сегодня же обедал я у директора в шитом мундире по приглашению его. Матушка Россия не берет насильно, а все добровольно, наступая на горло.

* * *

«Люди ума и люди совести могут сказать в России: вы хотите, чтобы была оппозиция? Вы ее получите».

* * *

Книжка 9. (1832–1833)

С.-Петербург, 13 мая, 1832

Pour la plus belle elle est eclose,
La plus tendre doit-la cueillir;
C'est bien pour vous qu'est cette rose
Et c'est a moi de vous l'offrir.

(Marat)

Она распустилась для самой пркрасной,
Сорвать ее должен нежнейший из всех;
Конечно, для вас предназначена эта роза,
И мне надлежит ее вам предложить.
Советы одной молодой особе:

Sur le pouvoir de tes appas
Demeure toujours alarmee.
Tu n'en sera que mieux aimee
Si tu crains de ne l'etre pas.

(Kobespierre)

Никогда не будь уверенной
Во власти своих прелестей;
Чем сильнее ты будешь бояться оказаться нелюбимой,

Тем сильнее тебя любят.

* * *

Переводы с французского

Жестокость русских. Генерал Давидов, Вольтер русских степей, знаменитый русский патриот 1812 года, обнаружив несколько ружей в доме г-на Чарнолусского в Воляни, приказал расстрелять без суда этого злосчастливого дворянина и затем повесить его тело на дереве на растерзание хищным птицам. Приговор же составлен задним числом. А грубые издевательства над женщинами, включая беременных?.. Нет такого преступления, которого он не разрешил бы своим солдатам. (Le Messenger Polonais, dernier No du 30 Juin 1831. En tout 34 No.)

* * *

20 мая

В газете *Le Temps*, 11 мая 1832, есть перевод письма Марата, писанного к William Daly. Марат занимался тогда медициной и хирургией. «Будьте уверены: искусство и из-

вестность в хирургии можно приобрести только частными упражнениями над живыми объектами.

Мертвые тела я получаю по дешевке из госпиталей. Еще я договорился с одним мясником насчет овец, телят, свиней и даже быков.

Я тоже не люблю видеть страдания бедных тварей, но не понять тайн человеческого тела, не изучая природу в ее работе на ходу. Надо причинить немного зла, чтобы сделать много добра, – только тогда станешь благодетелем рода человеческого...

Если бы я был законодателем, я предложил бы – для блага своей страны и целого мира, – чтобы приговоренные к смерти могли отдавать себя для операции, которая может привести к смерти. Если же операция завершается удачно, то преступнику казнь заменяют тюрьмой или ссылкой».

Странно видеть эти прелюдии Марата, который после разыгрывал свою тему в таком оркестре.

* * *

В той же газете есть письма Бомарше о герцоге де Лораге (Due de Lauraguai), который носил жену свою на пальце. По смерти ее, говорил он, «я обратился к химику Вендебергу; тот сжег мою умершую жену и посредством некоего химического соединения превратил прах в синее стекловидное существо. Вот оно, господа, оправленное в золотое кольцо; это

сама сущность моей обожаемой жены».

* * *

15 июня 1833

Греч, во весь обед у Дмитриева в Москве, рассказывал анекдоты о Булгарине, не весьма выгодные для чести его, и после каждого: «Да не подумайте, что он подлец, совсем нет, а урод, сумасброд – да не подумайте, что он злой человек, напротив, предобрая душа, а урод».

Книжка 10. (1834–1835)

13 июля 1834.

Первая мысль о путешествии. Письмо из Москвы. Возвратился я из Таиц.

11 августа. Выехали из Петербурга.

12-го. Из Кронштадта, в 6 часов утра.

27-го. Приехали в Ганау.

Октябрь 18. Выехали из Ганау после обеда, приехали в 9-м часу ночевать в Ашафенбург. Строго требовали паспорта и едва согласились дать нам доехать до трактира и там получить его. Ехав от Ашафенбурга, видели в лесах снег.

Октябрь 19. Приехали в Вюрцбург в 1-м часу ночи. Все с горы на гору. Живописно для глаз, но не живоходно с немецкими лошадьми. Здесь сторона бесплоднее. Города и селения не так теснятся по дороге, как по ту сторону. Городской замок на Майне...

Вюрцбург прекрасный город. Сад, площадь, замок, церковь близ замка полна была народом и нарядными красавицами. От праздничного утра большое движение на улицах,

все из церкви или в церковь, и в полчаса времени увидел я, может быть, половину городского населения. Крепость на высоте.

Октябрь 21. Приехали ночевать в Нердлинген. Дорога все гориста, но менее, особенно последняя половина. Города очень хороши. Народ везде приветливый. Огромные прически женщин...

Октябрь 22. Выехали из Нердлингена. В Donauiworth познакомился я с Дунаем, довольно скромным в здешнем месте.

Октябрь 23. Всю ночь протащились и приехали в Мюнхен в 5 часов утра.

Вдовствующая курфюрстина Баварская разбогатела поставками, откупам. После Ганауского сражения поскакала она в армию и начала свои обороты. Она, сказывают, сама о том говорит охотно.

У короля собрание портретов современных и полюбившихся ему красавиц. Кто бы ни понравился ему, он выпросит позволение велеть списать портрет и внесет в свой тайный музей. Доныне их 16. Наша Криднерша тут, а в почине его итальянская Эгерия, к которой он так часто уклоняется для свидания из Баварии. В потомстве он таким образом прослышет Соломоном, если по портретам будут судить о подлинниках. Сказывают, один прусский кронпринц видел

этот платонико-созерцательный сераль.

Принц Карл женат на актрисе.

Ноябрь 1. Выехали из Мюнхена в 12 часов перед обедом.

Ноябрь 2. Приехали в Инсбрук. С горы на гору. Везде шумят ключи и потоки. Царство сосны. На равнинах снег. Австрийская граница. Приставы очень вежливы.

Ноябрь 3. Выехали из Инсбрука. Приехали в Штейнах и остались ночевать, чтобы ночь не застала нас в Бреннере. На первой станции до Шенберга увидели мы горную красавицу во всем блеске. Снежные горы, которые торчат в небесах под облаками, удивительное зрелище. Дорога над пропастью. Хаос в первые дни создания. Солнце и лед. Тьма и свет. Необузданные потоки и громады камней. Рука человечества еще не раздвинула горы.

Когда мы совершили свое облачное путешествие, Наденька сказала: «Четвертинские, может быть, видят нас теперь, если смотрят на небо».

В Штейнахе довольно хороший трактир. Церковь, расписанная доморощенным живописцем, кажется, Кнофелем, здесь рожденным и жившим в Милане. В церкви есть памятник ему.

В Инсбруке видел я в церкви памятник Андрея Гофера, австрийско-тирольского Вильгельма Теля, который, впро-

чем, вероятно, не вдохнул бы трагедии Шиллеру.

Инсбрук – хорошо обстроенный городок. Улица, где «Золотое Солнце», в котором мы остановились, широкая, с широкими гранитными тротуарами. Вообще все дома расписаны снаружи: Рафаэлены лежат на медные деньги.

В Штейнахе рабочий народ в трактире после ужина молился в чулане на коленях, громко произнося молитвы. Вообще везде католическая набожность уже несколько итальянская. И другая примера итальянского соседства: в трактирной избе большая плита мраморная, вставленная в стол.

Все путешественники рассказывают про тирольские песни, коими оглашена горная атмосфера; я ни одной еще не слышал. Может быть, оттого, что ноябрь на дворе, или на горе, оттого нет и красоты нарядов, о коих также много говорят. Заметил я только у женщин огромные *турниоры*, которые за пояс (*façon de parler* – как говорится) заткнули бы турниоры наших петербургских щеголих. После обеда заходящее солнце задерживало золотым прозрачным покровом ущелья гор и отсвечивалось на посеребренных вершинах сосен, слегка осыпанных снегом. Слияние золотого пара с серебряным паром.

Ноябрь 4. Проехали весь день и всю ночь обнадеженные и прельщенные светлой и теплой итальянской ночью. За Бреннером нашли мы солнце и что-то весеннее в воздухе, точно весеннее, ибо вышли мы из зимы.

Ноябрь 5. Приехали в Триент: Италия! То есть холодные комнаты, дымящиеся камины и кислый хлеб.

Верона. Амфитеатр: сильнейшее впечатление всего путешествия. Посреди амфитеатра – Подновинский балаган. В Италии постыдное пренебрежение памятников, коими между тем она живет и показывает прохожим, как нищие – увещья свои, чтобы вымолить грош.

Ноябрь 10 – 25. Флоренция.

Концерт полуартистов, полуаматеров. Пела Каталани арию свою *Portugalo*. Есть еще отголоски старины, но уже не то. Бал у английского священника. Познакомился тут с английским майором под-тюремщиком Наполеона при Гудсон-Лове. Физические подробности о Наполеоне.

Бал у князя Монфора. Графиня Липона. Вероятно, издаст со временем свои записки или свои бумаги, чтобы оправдать короля, козла отпущения этой эпохи. В одной книге говорится, что она хотела отравить брата и надеть императорский венец на мужа. Говорила о привязанности и благодарности к русским.

Ноябрь 25. Выехали из Флоренции. У заставы задержали около двух часов. Нет нам удачи в дороге, все какая-нибудь закорючка.

Из Флоренции до Рима дорога все вниз и вверх. Запря-

гали до восьми лошадей, то есть припрягали трех, а где и двух волов. Оливы и виноградники. Много сельских домов в виду по сторонам. В первый раз слышу громкие песни на улицах вечером. Вообще итальянский народ замолк. «Стал счастлив, замолчал». Сказывают, напротив.

26-е. Ночевали в Buon Convento, завтракали в Сиене. Трактиры итальянские, голодные и холодные.

27-е. Выехали около 6 часов утра, т. е. ночью. Предрассудок, что надобно рано выезжать и засветло останавливаться, как будто не все равно – тьма утренней ночи или вечерней.

Завтракали в Riccorsi: селение, где один почтовый двор и гостиница. Приехали ночевать в Nobella. Трактир посредственный.

На высотах Радикофани поднялся холодный и сильный ветер, а день был самый теплый, даже и не на солнце. Ужасная сторона и ужасная дорога. Все в гору и с горы и дорога извивается змеей. И это называется bella Italia. Мертвая природа – кладбище с нагими остовами гор. Можно ли сравнить берега Рейна? В Италии, т. е. в известной мне, есть несколько замечательных городов, с замечательными памятниками, но живописной природы нет. К тому же тормоз для меня палач всех красот природы. И в Тироле он в глазах моих все портил, а Апеннины только что раздражают нервы, а поэзии нет: Италия прекрасный музей, а не прекрасная земля.

30-е. В 4 часа выехали в Рим.

* * *

11 февраля 1835. Зажег сигарку огнем Везувия в 12 часов утра.

Апрель 10. Выехал из Рима в 5 часов за полдень. Как мог я решиться ехать один; я, в котором нет ни твердости, ни бодрости, ни покорности. Переваливаю мысли свои как камни с одной на другую...

11-е. Погода совершенно осенняя: холод, пасмурно. В сердце хуже осени. Судороги тоски. Что-то чинят в коляске.

12-е. Приехал во Флоренцию в 9 часов утра. Отпевание Скарятин. Выезжаю в 9 часов вечера.

13-е. Всю ночь проспал в коляске. Проспал кривую башню Пизы. Город, кажется, прекрасный.

14-е. Приехал в Геную в полдень. Гейдекен, Закревская, Соболевские. Дом на высоте. Гулянье. Золотая гостиная. Собор. Таможня. Лавки. Зала дождей.

15-е. Выехал из Генуи в 3 часа после завтрака. Всю ночь дождь проливной

16-е. Приехал в Турин в 11 -м часу утра. Обедал у Обрескова. Дождь целый день.

17-е. Познакомился с Сильвио Пеллико. Выехали из Турина в 10 часов вечера.

18-е. Приехал в Милан в час перед обедом. Все дождь ночью и днем. В письме к жене описываю, что делал.

19-е. Был у Манзони. Выехал из Милана в 5 часов после обеда.

20-е. В 12 часов приехал в Верону. Еду очень тихо. Все дождь. Озеро Guardo.

21-е. Ночью и днем ничего не видал. От дождя сидел закупоренный в коляске.

22-е. Обедал в Клагенфурте. Край очень живописный. Дождь оставил меня на границе Италии, а солнце встретило в Германии.

24-е. В 9-м часу утра приехал в Вену. Сдал депеши Горча-

кову и поехал в трактир Zum Romischen Kaiser. После обеда, в Пратере, в 5 часов, весь город в колясках и верхом, весь *Эстеразитет* и вся *Лихтенштейншина*. Общество, которое ежедневно собирается в один час и в одно место, должно быть пустое общество. Карасавица Huniady, венгерка, – еще красавицы венгерки. Странный вид гулянья в траурных платьях и траурных ливреях.

Разница между итальянскими почтарями и немецкими. Те, и не дожидаясь ваших замечаний, указывают вам с восторгом на красоты земли: *bellissima cosa* и пр. Сегодня, сидя на козлах, говорил я почтарю: *Das ist ein schunes Land* (Красивые места). – *Ja, es passirt* (Ничего, сойдет), – отвечал он.

25-е. Был на скачке с Киселевой. Дождь; почти никого не было. Обедал у Татищева. Его за столом не было. Болен. Скороходы за столом. Сказывают, первый дом в Вене. Опера *L'elisir d'amour*. Хороша.

26-е. Был у Разумовской и Разумовского. Приятный старик. Прекрасный дом. Был на выставке цветов. Обедал у Татищева. Опера «Норма». Был в 7 часов с Килем в синагоге. Хорошая ротонда. Род протестантизма еврейского. Мало жидовских платьев и первобытных лиц. Прекрасно поют. Интересно слышать псалмы Давида, петые стройными голосами на природном их языке. Все в шляпах.

27-е. Был в Шенбруне. Прекрасный сад. Зверинец опустел. Видел «одно из могуществ Вены», но не Меттерниха, а слоницу. Обедал у Киселевой. Таскался с обеими сестрами по лавкам; пил чай у Ольги Нарышкиной. Выехал из Вены в 1-м часу.

28-е. Выехал не в добрый час. Лошади стали на дороге. Все шоссе завалено каменьями, которые проезжающие должны разжевать.

29-е. Приехали утром в 12-м часу в Czaslau. Коляску чинят уже во второй раз из Вены. Еду хуже прежнего, хотя беру третью лошадь.

Здесь все пахнет Русью и корешками Шишкова. Я понимаю их язык, а они меня не понимают. Вообще русский слух смысленнее прочих. Если мало-мальски не выговаривать, как иностранцы привыкли выговаривать свои слова, они уже вас не разумеют. А русский мужик поймет всегда исковерканный русский язык всякого шмерца.

И природа здесь сбивается на русскую – плоская. Небо молочное, цвета снятого молока. Женский убор – платок, повязанный на голове, также русский. Одна почта не русская, а архинемецкая. Язык – смесь польского и русского. Читал в коляске переписку г-жи Кампан с Гортензией. Полюбил и ту и другую.

30-е. Вчера обедал, или ужинал, в Праге около полночи. Следовательно, Праги не видел. Граф Андрей Кириллович Разумовский говорил мне в Вене, что она походит на Москву. Не догадываюсь чем. Дома высокие, улицы узкие, река широкая. Вот все, что я видел.

Старался узнать что-нибудь о старых Бурбонах, но ничего не узнал, кроме того, что Карл X мало выходил из дома

Май 1. Утром в 4 часа дотащился до Дрездена. Коляска опять ломалась, какой-то винт все не держался. Обедал в Теплицах. Кульм, два памятника: прусский и австрийский. Последний – колоссальный и одному человеку, другой – всем падшим братьям и мелок. Природа, приближаясь к границе, несколько оживляется.

2-е. Вчера провел деятельный день. В письме к жене (через Меркелова) описываю его. Выехал из Дрездена в 9-м часу утра. Прусская почта поспешная. Что-то военное русское во всем. И береза встречается. И, подъезжая к Берлину, вспоминаешь петергофскую дорогу.

3-е. Приехал в Берлин в 9-м часу утра. И тут часа три лишних проехал. Потсдам не мог осмотреть. Ай, ай, месяц май тепел да холоден! И в этом союзная держава. Ночью продрог и, приехав в Берлин, велел тотчас затопить род русской печи. Hotel de St.-Petersbourg.

Май 4. Вчера обедал у Рибопьера. Был на маленькой выставке картин. Картины Крюгера: император, два великих князя, Паскевич, Волконский, Бенкендорф, Чернышов. Был у Крюгера и в его студии. Все петербургские лица. Ездил по городу. Красив. Сбивается на Петербург. Магазин Гропиуса славится игрушками и китайскими вещами. В Итальянской опере Serai garnide был король и жена его. После 1-го акта поехали они во французский спектакль. Пил чай у Озеровых и выехал из Берлина за полночь. Заезжал к Гумбольдту, но не застал. Кноринг. Долгорукие.

5-е. Приехал в Любек в полдень. Парохода еще нет.

6-е. Ожидаем пароход, но нет еще ни слуху, ни духу. Остановился в Hotel du Nord, тут же, где и прошлого года.

Любек город недоступный, со всех сторон окруженный непроездностью датских дорог. От Бойценбурга до Любека 8 миль, около 12-ти часов езды. Все образцы русских дурных дорог проселочных. Князь Андрей Горчаков, Гурьевы едут со мной на пароходе.

7-е, 8-е и 9-е. Ждем парохода.

Две пилы: одна пилит медленно, но безостановочно. Другая зазубрилась.

10-е. Пароход пришел.

12-е. Отправляемся из Любека в 8 часов утра.

* * *

Книжка 11. (1838–1860)

Брайтон, 24/12 сентября 1838

Сегодня купался в море в четырнадцатый раз. Начал я свои купания в понедельник 10-го. Одно купание прогулял поездкой в Портсмут. Черт *любосмотрения* дернул меня. Впрочем, меня на пароходе много рвало. Может быть, это тоже к здоровью.

На другой день приезда моего, то есть 10-го, пошел я было купаться в море, но здесь купаются только до часа пополудни, а было уже около двух. Пошел я в крытое купание на берегу. Большой бассейн, род маленького пруда с проточной морской водой и фонтаном в середине.

Волн здесь мало. Вчера море было бешеное, и не бешеная собака, а бешеный лев, рьяный, пена у пасти, кудрявая грива так и вьется, и дыбом стоит, хлещет в бока, что любо. Как наскочит, так и повалит. Я был на привязи.

Вообще купания не очень хорошо устроены. В Диппе, скажут, лучше, и более прилива волн. Кажется, купания мне по нутру. По крайней мере не зябну после.

Выехали мы из Парижа с Тургеневым в среду 5-го в дилижансе, на другой день приехали утром в Boulogne-sur-mer. Море показалось мне что-то французское, т. е. грязное, но заведение для купальщиков хорошо. Наводнение англичан. Вечером были в театре, давали оперу «Le domino

poig» («Черное домино»). Порядочно. Торопыгин-Тургенев не дал досмотреть. Пароход отправился в полночь, а он уже в десятом взгомонился. Более часа ждали в трактире.

Сели на пароход «Wagner». Поэтическое излияние, жертвоприношение морю: рвота. Из каюты бросился я на палубу, и пролежал там свиньей до утра. Морем идешь часа три или четыре, а там всплываешь в Темзу.

В Лондоне пробыл я около двух суток и выехал сюда в дилижансе, в воскресенье 9-го, в 11 часов утра. К обеду, т. е. к шестому часу, был здесь.

Ехав в Worthing, сидел я в карете со старичком, который, узнав, что я русский, спросил меня: правда ли, что ваша великая княжна выходит замуж за наследного принца Ганноверского. Я отвечал, что ничего об этом не слышал. Разговорились мы тут несколько о принце, которого вообще хвалят. Англичанин напал на отца, и сказав, что если королева английская умрет бездетная, то он наследует престол, прибавил к тому спокойно с ребяческим и глуповатым голосом или напевом, которым обыкновенно англичане говорят по-французски: *Oh! Alors ou lui s'jupera tresjoliment le cou* (О, тогда ему очень мило отрубят голову); и тут же мой головурез заснул и подремал всю дорогу. Это характеристическая черта: подобный разговор при первой встрече с незнакомым!

Старый доктор, которого я здесь встретил, сказывал мне, что Бульвер в романе своем *Paul Clifford* вывел («Пол Клиффорд») короля и министров его, в лице какого-то дворянина,

который держит притон разбойников.

Сентябрь 25. 15-е купание. Море было довольно прозаическое и студеное. Вчера приехал Тургенев. Он отдумал ехать в Ирландию, убоясь моря и рвоты, а в Шотландию – потому, что некому писать оттуда. Брат лучше его знает все, что будет он ему описывать, а меня в России нет (*historique* – что достойно истории).

На днях узнал я, что здесь леди Морган, и вчера отправился я к ней. Нашел старушку маленького роста, нарумяненную, род Зайончековой и Мохроновской без горба, но кривобокая. Она меня приняла очень приветливо и, кажется, довольна моим поклонением. Дивилась, что имя и сочинения ее известны в России, вопреки Священному Союзу.

Речь о мнимой нашей завоевательной страсти и о видах наших на Восток. Спрашивала: есть ли надежда, что участь поляков будет облегчена? Вот два *бельма*, которые на глазах Европы, когда она смотрит на нас. Одно легко снять, другое труднее. Что тут отвечать?

Много расспрашивала о русских женщинах и образованности их. Говорила, что все русские, которых она знала, очень утонченные. Извинилась, что, сама кочуя в Брайтоне, не может оказать мне гостеприимства, но тотчас предложила мне представить меня вечером Горацию Смитту (*Horace Smith*), автору романов (которого пригоженькую дочь заметил я в концерте Рубини), и после обеда получил я карточ-

ку *Horace Smith с семейством* и с надписью карандашом: *at home, monday evening (у себя)* – обыкновенное английское приглашение.

Жозефина Кларк, племянница леди Морган, милая, с выразительными черными глазами, показала мне работы своей эскизы с портретами, на память писанными, гуляющих на пристани посетителей концерта, и я узнал многие лица, здесь мне встречавшиеся.

Муж леди Морган – также писатель. Он обогащал учеными нотами сочинения жены своей.

У *Horace Smith* вечером видел я первый образец английского салона. Ничего особенного не заметил. Он также принял меня очень приветливо. Жена и две дочери; старшая не хороша, но умное лицо и, сказывают, умна, к тому же певица, хотя и по-итальянски, но несколько на английский лад. *Dandy a la jeune France* (денди на манер молодой Франции), с усами и локонами, внешность приказчика из лавки, пел дуэты с дочерью весьма по-английски а *la muttonchop*, то есть бараньим голосом. Брат хозяина, довольно замечательное английское лицо, тоже певец, пел водевили своего сочинения и морил со смеху слушателей.

Собрание синих чулков. *Miss Porter*, сочинительница романов, длинная, сухая, старая англичанка, с которой через переводчицу говорил я о племяннице ее, одета вся в черном с головы до ног. Другая леди тоже романистка, к которой еду сегодня вечером, но имени не знаю, а о романах не слыхал.

Леди Морган заботливо меня всем представляла и ухаживала за мною. Как ни говори, а хорошее дело грамота. Это род франкмасонства.

Досадно, что поздно узнал о пребывании в Брайтоне *музы Ирландии*, как можно назвать ее за сочинения об Италии и Франции, где она либеральничает во всю мочь. Вместо двух недель одиночества, в котором я был здесь погребен заживо, был бы я давно в каких-нибудь *отношениях*, хотя литературных. Miss Clarke пела: прелестный контральто, ученица Рубини и большая музыкантша. Леди Морган давно не пишет за слабостью глаз. Вечерний наряд ее был с большими претензиями: двойная порция румян, ток с перьями, платье с довольно длинным хвостом и маленькие китайцы с довольно большими морщинами предстали перед взорами почтенной публики. Леди Морган говорила мне, что она, т. е. ирландцы, очень довольна нынешним министерством и своим вице-королем.

Сентябрь 22. Слышал я в первый раз Рубини. Он приехал сюда давать концерт с певицей Persiani, бывшей Такинарди, и виолончелистом Emiliani, который, говорят, побочный сын Наполеона. В голосе Рубини что-то теплое и мягкое, сладостно льется в душу. С большим чувством пропел он из «Don Giovanni» Моцарта и арию из «Пирата». Emiliani – смычок не наполеоновский, а, напротив, плачущий. Отменная чистота и выразительность. Голос Персиани

хорош, но не ворочает душу.

Подобно англичанам, плавающим по Рейну, уткнув нос в карту, многие англичанки слушали пение, уткнув нос в libretto, т. е. в английский перевод прозой арий. Но зала полна и концерт был надвое помножен, потому что все места Рубини были, по требованию публики, повторены. Mlle Ostergaard (ученица Rubini) – белобрысая, кажется, датчанка. Пение северное, но довольно чистое и свежее. Леди Морган говорит, что страсть к музыке переживает все другие страсти, и что она одно наслаждение, которое не отзывается после горечью. Вообще, англичане по крайней мере, прикидываются большими меломанами, но гортани и уши их приготовлены ли на то природой, это дело другое.

Сентябрь 26. 16-е купание. Тоже проза. Вчера гуляние и полковая музыка на пристани. Мало народа. Дождь.

Вечер у сине-чулочной незнакомки lady Sterney. Имя узнал, но о романе еще ничуть. Важный водевилист опять пел свои забавные куплеты. Милая племянница. С теткой попал я в промах, спросил о Пюклер. В том томе, который у меня, в 3-м, он хорошо отзывается о ней, но в следующем, видно, не так, и не щадит даже племянницы, которая была тогда ребенок. Леди Морган говорила о неблагодарности его к ней и что ему невозможно, после книги его, возвратиться в Англию.

Тут был какой-то отставной английский Тальма – кажет-

ся Yung; Квинт доктор гомеопат. В Лондоне называют *тиг-рами* молодых фрачных усачей. Племянница говорила мне, что *львом* последнего сезона был магнетизер.

27-е. 17-е купание с маленьким дождем. Тургенев, не имея кому писать, поехал в Лондон за письмами, которые никто ему не пишет.

Вот отличный сюжет для комедии. Вчера видел я леди Морган и, разумеется, племянницу в Royal Pavilion. Я имел билет от обер-камергера лорда Conyngham, присланный мне Бенкгаузеню. Этот дворец построен принцем-регентом, который особенно любил Брайтон и превратил в несколько лет рыбацье селение в великолепный уголок Лондона. Здание наружностью своей и куполами имеет что-то Василия Блаженного в Москве. Внутри он в китайском вкусе, или, лучше сказать, безвкусен, стоил несметные суммы и не отвечал ни итогу, ни ожиданию. Впрочем, дворец теперь в расстройстве. Многие комнаты снова переправляют, и мебель вынесена.

Вечером, при свечах, вид должен быть довольно красив и оригинален, а днем он очень темен, потому что по большей части освещается сверху раскрашенными стеклами. Лучшая комната Music Room, обитая красными обоями с золотыми фигурами и узорами. В столовой стол на 90 человек, замечательный тем, что, вероятно, не раз принц-регент лежал под ним. Кухня великолепная, или кухни, потому что на каждый сервиз, на холодное, на горячее, на дичь, на пирожное и

пр. особенное отделение. Батареи медной посуды свидетельствуют о победах. Погреба мы видеть не могли, хотя, вероятно, он не уступает кузне, и принц-регент выразился в нем с особенным могуществом и любовью. Вообще впечатление дворца то же, что цибика огромного размера. Из китайских художественных предметов примечательны: китайские суда из кости.

Леди Морган рассказала мне, что кто-то вывез из Китая четыре картинки, которые валялись у него в небрежении. Понадобилось ему перекрасить свой дом, и маляр, призванный им, увидел эти китайские картинки, вызвался перекрасить дом, если их ему уступят. Хозяин с радостью на то согласился, но узнал после, к сожалению своему, что эти картинки проданы были в Royal Pavilion за тысячу фунтов стерлингов, если не более.

Жилые покои, спальни, кабинеты тесны и низки. Нынешняя королева не любит Брайтона. Принц-регент не только создал Брайтон, но и развратил его, и разврат пережил его. Конюшня, циркулем построенная, очень хороша. Сад порядочный, особенно для Брайтона лысого, то есть бездревесного. «В центре стоит большой собор, напоминающий Московский Кремль», сказано в описании. И это довольно странная мысль сочетать кремлевский стиль с китайским стилем.

German Spa. Заведение искусственных вод. Зала порядочная, но сад очень тесен. Англичане уморительны со своими иностранными наименованиями. У них все минеральные во-

ды *Спа*, как у нашего провинциала все русские послы и посланники *Поццо-ди-Борги*...

Леди Морган пишет теперь книгу «Женщина и ее господин». Философское сочинение с примесью юмора, сказала она, «так как женщина не должна быть педантичной в своих сочинениях». Она хочет показать несправедливость лишения всех прав гражданских, на которые осуждены женщины, особенно в Англии. Я обещал выслать записку о некоторых узаконениях русских касательно женского пола и известие о наших женских знаменитостях. Она говорит с большим уважением о Екатерине и предпочитает ее Петру, *rag trog barbare* (слишком большому варвару), особенно к сыну. Я оправдывал Петра, разумеется, не унижая Екатерины, *левой руки его*, то есть необходимой союзницы и пополнения *правой*.

28-е. 18-е купание. Вода холодна, но день красный. Меня иногда берет раздумье, хорошо ли купание для глаз?

Вчера утром был у *Mistress Perry* слушать племянницу и у *Miss Porter*, которая обещала мне письмо к сестре лорда Байрона. Вечером у *Mistress Perry*. Живая малютка, свободно говорит по-французски. Муж ее адвокат. Хорошо, сказывают, живут в Лондоне. Тут был и издатель журнала *Examiner*, лучшее журнальное и полемико-политическое перо. Он за министерство, но впереди.

С актером *Young* говорил о театре, о Тальме. По его мне-

нию, французский театр падает, а английский упал. Декоратор – вот главный оратор. Он коротко знал Тальму и уважал в нем артиста и человека, скромность его.

С Sir Charles Morgan говорили мы об О'Коннеле. Он признает его добросовестным, хоть и честолюбивым. Недавно отказался он от выгодного судейского места в Ирландии, а сам в деньгах всегда нуждается. Однажды на митинге старуха, заслушавшись красноречия его, воскликнула: вот бы тебе быть нашим королем! Президентом, хотела ты сказать, добрая старушка, прервал О'Коннель. Он искренно поддерживает министерство, но должен всегда быть впереди того, что в пользу Ирландии делается, чтобы пугать народом тори, сохранить свою власть агитаторства и дать министерству остыть в деле ирландском. Меньшая дочь Horace Smith – прелесть, но всего лучше – пение племянницы.

Сегодня первый мой урок английского языка. Хотя мой язык и без костей, но не переломать его на английский лад. Надобно уметь свистеть или петь. Сперва выучишься нанизывать бусы языком, а там уже английские слова. Да и вовремя начал я, за неделю до отъезда, а вот уже три недели, что я здесь праздну шатаюсь. Хорош мой титулярный советник, да и сам я по себе порядочный коллежский регистратор.

Приятельница Miss Porter, Mistress Morgan (не родня леди), просила меня написать ей какие-нибудь русские стихи для альбома. Я написал ей куплет к морю, который годится для английского альбома.

Доктор Jones звал меня: провести у него *ночь* с одной очень красивой особой, хорошо играющей на рояле... Здесь на вечер зовут обедать, а на ночь значит на вечер.

30-е. Вчера и сегодня 19-е и 20-е купание. Вчера ездили мы с Леонтьевой в Arundel Castle, собственность дюка of Norfolk, милей 20 от Брайтона. Позавтракали очень хорошо на половине дороги в Worthing у моих приятельниц Parson (Parson's hotel), которые дали мне письмо в Arundel Castle к содержателю гостиницы, для доступа нас в замок. Это первый английский замок, который я вижу, и хорошо, что не лучший, хоть и он замечательный и древний, по крайней мере есть остатки древности, но вообще он заново переделан. Двор и фасад строения на дворе прекрасны. В стенах много каменной резьбы замечательной.

Baronial Hall, обыкновенный театр многих сцен романов Вальтер Скотта, с расписанными стеклами (но современными), с большим камином, дал мне топографическое понятие о пиршествах старых баронов. Библиотека, или the library, по числу книг очень бедная, но шкафами своими очень великолепна из цельного магонского дерева (Пюклер Мюскау говорит, что из кедрового дерева) и вообще вся деревянная отделка резная. Колонны, начиная от потолка до пола, удивительной работы и красоты. В других покоях также много хорошей отделки деревом, но мебель довольно обыкновенная. Жилых покоев мы не видели, потому что в них живет

теперь невестка герцога Норфолкского, жена единственного сына ее Surrey. Несколько замечательных семейных картин работы Lebrun, Angelica Kaufman, Holbein, Vanduycke.

Вид из некоторых окон обширный: море зелени, усеянное группами деревьев как островами. Башня с жильцами. Пюклер говорил о старейшине их, который лаял как собака, но мы его в живых уже не застали. С башни, как и всегда, уверяют, что во всякую погоду видишь за тридевять земель тридесятое царство... и собор of Chichester и остров Wight; но мы ничего этого не видали. Сад, оранжерея. Особенного ничего нет. Ежегодно созревают 500 ананасов, и по образцам, виденным нами, большой величины.

Парк обширен, но мы не углублялись в него. Впрочем, Пюклер о нем мало говорит, а если было бы что описывать, то, несмотря на дождь, который так лил на него, он все не избавил бы читателей от прогулки. Да и указатели письменные и словесные, хотя англичане великие краснобаи и самохвалы, не соблазнили нас парком. Вероятно, не содержится он в требуемой щеголеватости. Есть башня, с которой можно обнять весь парк, но она была уже заперта, и ключник уже кончил свой день; а в Англии все на часы расстроено, и не в известное время ничего не делается. Охотники проехали по парку и стадо оленей проскакало мимо нас по зеленому лугу и спустилось по склону горы в глубокий овраг.

Новейшая часть замка, построенная отцом нынешнего дюка, стоила, сказывают, 800 000 фунтов стерлингов. И как

подумаешь, что это не из лучших замков, и что по всей Англии их может быть сколько? Несколько сотен, что ли? То изумляешься богатству этой земли. Да прибавьте еще к наличному итогу присутствие нескольких столетий, которые более или менее сохранились в камнях, деревьях, и эту вековую собственность, эту наследственную земельную собственность, которая не менее важна, чем наследственность династии; и нельзя не сказать, что Англия царственная земля и первая держава в Европе. Богатство, устройство германское имеет также свою цену, но все это мещанское, мещанская трагедия в сравнении с греческой царской трагедией.

Возвратились мы к десяти часам. Сели обедать и выпили шампанского за здоровье присутствующей и отсутствующих племянниц. Мой морганический союз рушился. Леди Морган и племянница уехали третьего дня в Лондон. Племянница поет *Вот мчится тройка удалая* и очень порядочно выговаривает, только *сгрустилось* затрудняет ее. Я обещал прислать ей музыку Вьельгорского на эти слова.

Мне иногда хочется порядочно заняться английским языком, но потом, как обдумаешь, что говорят ли по-английски на том свете, да разочтешь, что я ближе к тому свету, нежели к здешнему, то печально откажешься от труда безнадежного...

В самый тот день, когда Рубини давал свой концерт, радикал Feargus O'Connor давал здесь свой meeting для предложения всеобщего избирательного права, – и я, недостойный,

пошел слушать Рубини. А есть еще люди, которые считают меня либералом.

1-го октября. 21-е купание. Все спит, и ветры, и Нептун. Вчера ездили мы верхом милей за шесть *Devil's Dyke* (Дьявольская плотина). Возвышение, с которого видны в ясную погоду со стороны моря остров Wight, а с другой – Виндзор, но по причине Альбионского тумана мы ничего не видали. Под горой большая лощина. Земля, разбитая на четверугольники, зеленеющиеся или чернеющиеся и обставленные живой оградой. В таком виде представляются почти все английские равнины. Солнце было как в дыму, род парной испаряющейся репы.

Сегодня второе английское языколомание. Читал главу из *Спектатора* о шутках виггов и тори и о барыне Rosalinda, a famous whig partizan, которая имела, a very beautiful mole on the tory (правой стороне) part of her forehead, так что часто ошибались и полагали, что она изменила интересам виггов. Мой учитель, который знает, верно, наизусть своего Адиссона, не менее того смеялся сызнова этим шуткам.

2-го. Как родятся Рафаэлями, Ньютонами, Паганини, особенно Паганини, так должно родиться со способностью произнести английский th и другие несовместимые буквы.

3-го. Третьего дня вечер у Stephens, английский вечер:

камин, чай, безразговорность и смотрение альбомов и карикатур. Между прочими картинами *будочник*, подаренный Мещерским, и работы какого-то знаменитого французского живописца в Петербурге. Так подписано под картиной. Stepheus, адъютант герцога Кембриджского, мастер рисовать и, подобно Жуковскому, собрал альбомы всех видов, снятых им в путешествии.

4-го. Вчера и ныне 23-е и 24-е купание и четвертое и последнее язычное испытание. Учитель мой Rickard почти со слезами расстался со мной, жалея, что теряет ученика, подававшего такие большие надежды.

Третьего дня обедал у дяди, или брата, или племянника моего подполковника O'Reilly and герцогини Roxburghe, жены его. Мы не могли доискаться точно, есть ли родство между нами, потому что фамилия O'Reilly разделена на много отраслей, но он обещал справиться, когда получит от меня дополнительные сведения, которые надеюсь отыскать в бумагах семейных, оставшихся в Остафьеве; порядочно долго сидели за столом, со всеми английскими проделками, предложениями заздравных тостов, перекачиванием графинов кругом стола, и наконец, предложением урыльника, которым я не воспользовался, хотя из стеснения, из приличия и от нечего делать я довольно накачал себя, чтобы было что выкачивать.

Между тем доктор Jones давал в честь мою музыкальный

вечер в тот же день и звал меня в 8 часов, а было уже около 10-ти и надобно было еще идти наверх и пить кофе и чай к duchess, которая в ожидании нас сидела одна в своем drawing-room и глядела на луну; по счастью мой Мензбир, видя тоску поджидавшего меня доктора Jones, пошел по всему городу искать меня и, наконец, выручил из беды, вызвав из моего плена.

Вчера ездили с Леонтьевой и Стевенсами в Shoram смотреть Swiss-Cottage, довольно милую игрушку, но здесь бесполезную. В Германии такое кафе было бы оживлено пивными четами, здесь нет этого рода забав. Все чинно, холодно и безмолвно – tout est trop comme il faut (все очень комильфо).

У меня здесь есть молодой камердинер Шарлота Иванова, которая каждое утро благопристойно и целомудренно приходит будить меня, стучась у дверей, смеется моему английскому косноязычию и пр. Однажды приносит она мне сапоги мои, и я говорю ей: I kiss your hand, и спрашиваю: is it good English? – No, Sir, – отвечает она, – it is very shocking.

Вечером гулял по Cliff, смотрел на луну в большой телескоп, который за несколько грошей показывают, но луна в море была еще лучше.

Le Steele, в номере от 2 октября, рассказывает, что, когда император Николай получил королевское уведомление о рождении графа Парижского, он отбросил его со словами: «Разве в Тюильери не знают, что я подписчик на *Moniteur*?»

25-е купание. Вчера ходили смотреть сад адвоката Attree. Здесь сады редкость по причине каменистой почвы, сто родов анютиных глазок. Потом на празднике стрелков, archers. Не мастера.

Вечером у Леонтьевой пела Ostergaard, датская певица. Голос нежный, сильный, но немного крикливый в высоких нотах. Дали ей арии из «Жизнь за Царя».

Лондон. 12 октября. Я выехал из Брайтона 6-го. Сегодня с Озеровым был в Westminster и в Newgate. Жизнь по смерти и смерть при жизни. В Newgate я ничего особенного не заметил и почти ничего того, что видел Пюклер Мюско. Около 200 заключенных женщин, 40 детей лет 13-ти. Все за кражу. Смертоубийц не было. Затворники строже содержатся. Не позволяют им пить ни водки, ни пива. Нет военного караула. Всего 14 смотрителей, или сторожей. После были в Китайском базаре. При нынешней королеве не было смертной казни. Преступников выводят на место казни через кухню. В Westminster прекрасный памятник, статуя Horner. The poet's Corner (Уголок поэтов).

Были и в House of Lords (палате лордов), и в House of Commons (палате общин). Не красна изба углами, а красна пирогами. Особенно в том виде, в котором мы их застали: все вынесено, чистят. Я сел на шерстяной мешок. Странное впечатление видеть пустынным и безмолвным то, что наполняет внимание мира и гремит из края в край, что разгроми-

ло Наполеона и проч. Пещера Эола, объятая сном.

Вечером был в Drury-lane. «Дон-Жуана» уже не застал, а видел балет, который видел в Париже: «Хромой бес» и в котором Фанни Ельснер танцует качучу. Сушая пародия парижского балета. В Париже черт мелким бесом вертится, а здешний черт не на шутку бодается, брыкает, а публика смеется. Впрочем, теперь не в сезонное время, публика средняя, все ложи, то есть большая часть, облеплена девами радости, из коих некоторые очень хороши. Зала освещена хрустальными люстрами со свечами. Не хорошо и заслоняет ложи.

Savemake Forest (графа Брюса). 17 октября 1838. Сегодня в шесть часов утра разбудили меня, в 7 без четверти был я уже в Picadilly за свои пекадиллии, то есть за грехи свои, и в 7 сидел в дилижансе, взяв за 30 шиллингов (да два шиллинга на водку кучеру) место внутри до Marlborough. 75 миль с лишком мы ехали славно и прежде трех часов пополудни были на месте. Я остался, а дилижанс пошел в Bath, еще около 3-х миль. Часть дороги, но весьма малую, можно проехать и по железной дороге railway. Мы ехали просто. Сторона прекрасная. Все обработано, лесисто, довольно холмисто и обстроено красивыми городками и дачами.

В Мальбурге меня выбрили. У английских брадобреев рука очень тяжела, даже когда и намыливают они, то голову шатают. Порядочные люди сами бреются, следовательно, не на ком хорошо выучиться. Сел я в *poste chaise*, – весьма поря-

дочная, довольно низкая двухместная карета, желтой краской выкрашенная, пара хороших лошадей, почтальон, род жокея в синей куртке, верхом – 5 миль – 7 1/2 шиллингов прогонов, и еще два шиллинга на водку.

Вообще считают, что пара лошадей по два шиллинга на милю, со всеми шоссе-платами и прочим, и отправился я в Savernake forest, то есть назад из Мальбурга. Недалеко от города въезжают в лес, то есть парк, мир зеленый. В здешних рощах то хорошо, что они леса и луга вместе, а что луга эти лучше наших лучших газонов. Местоположение дома и самый дом совершенно сельский: уединение, другого строения не видишь. У крыльца сказали мне, что хозяин вышел, то есть, что нет его at home. В эту же минуту подъехала ко мне дама верхом, сказала, что граф Брюс сейчас возвратится, и предложила мне ехать верхом. Но я не англичанин и не София Николаевна (Карамзина) и не хотел быть aussitot pris, aussitot pendu (сразу повешенным, как только попал в плен), и отказался. Это была мачеха Брюса, вторая жена отца его лорда Ailsbury, молодая женщина и славящаяся здесь красотой.

Здешнее общество составляют леди Пемброк с сыном и дочерью красавицей, какой-то моряк с дочерью и, кажется, женой, хозяева Брюсы и я. Леди Брюс очень похорошела, посветлела и поздоровела после Киссингена.

Дом небольшой, но уютный и красиво отделан.

Здесь многие издерживают до 2, 3 тысяч и более фунтов

стерлингов на охоту. Многие имеют две, три охоты. Одна охота на паях, один содержит, а другие столько-то ежегодно вносят. Потом держат еще охоту с кем-нибудь сам-друг, сам-третей, и еще третью маленькую про себя, для дней не назначенных; ибо здесь все расчислено, напечатано. На все есть хартия. Охота регулярная начинается с 1-го ноября. До того ездят на охоту *incognito*, а с 1-го ноября в красном кафтане.

18-го октября. В 10 часов утра собрались завтракать. Чай, кофе, котлеты, раки, знакомые остатки вчерашнего обеда, варение. Следовательно, Кривцов прав. После собрались в гостиную. Здесь не замок и нет библиотеки, в которой обыкновенно сборное утреннее место. Лондонские журналы, рисунки заняли некоторое время. Впрочем, я думаю, мое присутствие несколько расстраивало обыкновенный порядок, ибо Брюсы и Пемброки с Воронцовской, то есть русской кровью, — уж не англичане, и, вероятно, немного чинятся для гостей.

Пошли гулять пешком по парку. Лес кругом на многие мили, лужайки с группами деревьев и только. Однообразно, но берет свежестью, зеленью и английской физиономией. Луга здесь весь год зелены, и зимой зелень еще лучше. Во втором часу другой завтрак, Lunch, всякая всячина. После коляска, верховые лошади, кому что угодно и прогулка по парку.

К прогулке приехала вчерашняя моя знакомка, леди

Ailsbury, и очень хороша! Такие белокурые локоны, глаза темные, что то великой княгини. Брюс – полковник и готовится показывать свой полк, съехались его офицеры и оловянными солдатиками учатся они, как маневрировать и командовать.

Леди Пемброк, дочь Воронцова, из русской литературы только и знает что: *О ты, что в горести напрасно...* Добрая, приветливая женщина, нежная мать. В лице есть что-то Полянской, но чище и пристойнее. Леди Гейтсбюри, что была в Петербурге, занимается и русской литературой и получает из России книги и музыку.

19-е. Tottenham Park, местопребывание маркиза Ailsbury. Little Cottage Hall, – генерала Popham. Walter Scott говорит об этом замке и рассказывает историю перехода его во владение фамилии Popham в примечании X к поэме *Rokeby*.

В портретной зале портрет беззаконного судьи, в красном костюме, лицо плутовское. Леди Craven, бывшая актриса, с дочерью Miss Louis, молодой Shelburne, старший сын маркизы Lausdown. Herbert – сын lady Pembroke-Воронцовой, а Пемброк – сын первого брака.

Сегодня Herbert пел *Талисман*, вывезенный сюда и на английские буквы переложенный леди Гейтсбюри. Он и не знал, что поет про *волишебницу тетку*, которую сюда на днях ожидают с мужем и графиней Жуазель (Choiseul). Леди Пемброк, уговаривая меня погостить подолее и приехать к ней,

прельщает все братом. Особенно его одолжила бы она встречей со мной. Не знаю почему, но я уверен, что он меня терпеть не может...

Я крепко обидел сегодня моего Брюса, сказав, что дом отца его вчера не стоил бы на континенте более 500 или 600 000 франков, но уже право не более миллиона, а между тем он расстроил дела старика, имеющего миллион дохода. Понять этого не могу. Впрочем, ничто ему, зачем не повез он меня сегодня обедать к мачехе своей, при которой я еще разглядел и падчерицу. А здесь в маленьком обществе вечер был довольно скучен.

После того встретил я Воронцова в Лондоне в русской церкви, и он был со мной очень учтив.

Лондон. 10 ноября. Вчера видел я маленькую репетицию нашего пожарного кораблекрушения. Возвращаясь из New-Stead abbey, пересел я в третьем часу утра из дилижанса в паровую карету в Road Station.

В дилижансе спал я и полусонный пересел спать. Вдруг около трех часов пробуждает меня толчок в лоб или в правый глаз, спросонья не знаю. Карета остановилась. Мало-помалу сонные англичане кругом меня просыпаются, один из них с болью в боку. Выходим из кареты, чувствуя, что есть что-нибудь необыкновенное, и видим паровую машину на боку, две первые кареты почти вверх ногами, то есть колесами. Одна из железных колея опустилась на новой дороге,

вероятно, от частых дождей, и машина соскочила; по счастью, остановились в нескольких шагах, врывшись тяжестью своей в рыхлую землю. Всего один только проезжающий ранен. Удивительно, как уцелели стоявшие на машине. От трех часов до девятого бивуакировали мы на дороге в ожидании приезда другой кареты. Большая часть англичан тут же пошли опять спать в карете, как будто ни в чем не бывало. На пароходе была примерная покорность. Здесь примерное хладнокровие.

Франкфурт. 9 декабря. Swift сказал, что в таможенной арифметике два плюс два равны не четырем, а одному целому.

«Bonaparte, – говорит Лафайет, – более приспособленный к достижению как общественного блага, так и своего личного, мог бы решать судьбы мира и встать во главе рода людского, (тогда был бы он Христос, а не Бонапарт). Но из-за мелочного честолюбия пришлось растратить ему огромные физические и умственные силы на удовлетворение мании гигантской, в географическом смысле, и мелочной, в нравственном смысле».

Дело в том, хотя и грустно сознаться, что в человеке много могущества если не для зла, то по крайней мере для личной выгоды своей, но гораздо менее – для доставления благосостояния общественного. Увлекай толпу к своей цели, и она понесет тебя на плечах своих. Веди ее к цели ей благо-

приятной, – она пятится и старается, как бы тебя с ног свалить. Многие честолюбцы успели по крайней мере на время в своих предприятиях. Много ли начтешь апостолов правды и человеколюбия, которые достигли цели своей?

Париж. 30-го января 1839. Выехали из Франкфурта с молодым Штиглицом. На другой день в Шато-Тьери, куда приехали в 3 часа пополудни. В субботу утром были в Эпернэ. Видели погреба или катакомбы Моэта. Миллион сто тысяч бутылок живого шампанского. В хороший год собирается 500 000 бутылок. Бочки разливаются в бутылки через 5 или 6 месяцев. Креман через год, и виноград идет на него потемнее. По словам Моэта, разница между красными и белыми винами происходит от ферментации. Некоторая часть подвалов иссечена в камне и проходит под улицу. Русские выпили 30 000 бутылок.

Сульт государственный грабитель. Французы так глупы в государственном смысле, что народная любовь их к Сульту основана не на том, что он мог сделать в пользу Франции, но на приеме его в Англии, когда лондонская чернь бегала за ним и кричала ему «ура».

Французы суетны и тщеславны до безумия. Союзные войска, вошедшие в Париж, не убедили их, что они были побиты не в едином сражении. Беременность герцогини Берийской не убедила легитимистов, что она не была Орлеанская дева. Нынешний министерский и парламентский кризис никого не

убеждает, что они народ, неспособный к представительному правлению, что их представительство народное ничего полного, ясного не выражает; что бестолковые действия, которые разыгрывают они перед Европой, обличают их неспособность, их разладицу, недостаток в людях государственных, в людях деловых. Фразами, возмутительным красноречием можно ниспровергнуть правительство, но фразами нельзя создать правительства.

Вот отчего Тьер и другие разрушители загромождены обломками, которыми они завалили дорогу. Они разбили на щепки корабль, который шел не по их направлению, и сами сели на мель, потому что нового корабля построить не в силах. Шатобриан справедливо заметил на днях у Рекамье, как смешно притязание нынешней Камеры на всемогущество парламентальное, которая сама не знает, чего хочет, и не умеет выпутаться из глухого переулка, куда залезла.

Экс-министр Рои, богатейший человек во Франции, говорил, что ничего нет легче, как управлять французами в смутное время и нет ничего труднее, как управлять ими во времена спокойные. Поэтому можно определить их характер таким образом: безопасность делает их суетными, страх придает им решительность.

30-го марта. Прелестный квартет из «Женщины с озера»: Гризи, Лаблаш, Иванов, Альбертаци. Голос Гризи и громовый стук Лаблаша. В театре шум: бросили билет на сцену.

Долго кричали: *le billet, le billet!* Наконец, перед 2-м актом, кто-то выходит на сцену и объявляет, что полиция запрещает читать записки, брошенные на сцену. – «Долой полицию! Билет!» – пуще кричать начинают. Выходит Гризи и оркестр начинает играть. Не дают ей петь и кричат: *le billet!* Она, движениями и поклонами, показывает улыбаясь, что нельзя удовлетворить требованию публики. Публика не унывает и не сдаётся и вопит громче прежнего: *le billet!* Три раза Гризи уходит и возвращается и уходит. Рубини является и говорит, что оркестрантам раздадут ноты «Ниобеи». Гром рукоплесканий. Партер на своем поставил. Рубини пропел арию Ниобеи.

У княгини Ливен Гизо и Монтрон говорили о Луи-Филиппе; Имя Кромвеля как-то вмешалось в разговор. Гизо говорил, что в этом отношении Филипп совершенно чист, что из него не сделать ни тирана, ни даже узурпатора.

Назначение нового временного министерства обнародовано было вчера. Я сказал, что это даже не гора, родившая мышь, а первоапрельская шутка. В некоторых салонах ожидают важных последствий. У Рекамье Шатобриан говорил об абдикации. Я был у Ламартина. Он не предвидит большой опасности и уверен, что на другой же день настоящего, т. е. заправского министерства все войдет в прежнее спокойствие, что Франция не хочет перемены etc.

Вчера кучер в кабриолете спрашивал меня: не будет ли шума в Париже? Что он слышал разговор двух проезжих, ко-

которые говорили между собой, что дело так не обойдется. Он же говорил мне, что во все продолжение этого министерского междуцарствия работа их шла очень плохо, и что едва выработывали они на корм лошадей. Вообще мастеровые и продавцы жаловались на большое бездействие.

Бывшая актриса M-lle Contet говорила: «Не знаешь, что с собой делать в 40 лет, если только и умеешь, что быть красивой». Она же, говоря о постоянстве и верности, сказала: «Первое свидетельствует о продолжительности вкусов, второе – о продолжительности чувств». Она же: «Об уме судят по словам, о характере – по делам».

Когда король предложил Тьеру посольство – он отвечал ему, что с благодарностью принимает это назначение, но желает знать наперед, какую политику он должен будет представлять при иностранном дворе.

3 апреля. Вчера был я у Моле с Веймаром. Моле не сказал мне ни единого слова. Впрочем, он был в жарком разговоре с Фюльшироном и другими 221. Вообще осуждают короля, что он не хочет лично открыть заседание палат. Бель-Стендаль говорил, что во Франции не надо всерьез принимать смешное, а надо продолжать свое дело, как будто ни в чем не бывало. Тут же Бель импровизировал маленькую речь, которую он произнес бы на месте короля.

От Моле поехал я к княгине Ливен. Тут герцогиня Талейран-Дино со своими испытующими глазами. Под старость

она, говорят, лучше, нежели была прежде. Княгиня Ливен говорит, что она была прежде так худа, что видны были одни глаза. Монтроль – приятель Талейрана, ныне полуслепой.

Три знаменитости английского парламента: Брум, Линдурст, один из корифеев тори, и Эллис, союзник нынешнего министерства. Зная Брума по одним карикатурам его, он показался мне почти красавцем. Толковали о новом французском министерстве, об открытии палат без короля. Брум говорил, что это почти государственный переворот, и что на английском языке есть слово для выражения подобной меры. Англичане разносторонне трунили друг над другом, говоря о министерском кризисе, который у них готовится. Эллис говорил Линдурсту, что если министерство тори и установится, то ненадолго, месяца три, не более, и что и оно не обойдется без союза радикалов. Линдурст с этим почти соглашался. Зачем же затевают они этот перелом, если не надеются на прочный успех?

Брум с шуточной важностью объявил, что он теперь *conservatif*. Не знаю, доктринерство ли это во мне или пуританизм, но я не люблю видеть, когда государственные люди шутят, говоря о государственных делах, которые должны иметь влияние на решительную участь государства. Кажется, Гюго сказал: «Любовь – вещь серьезная!» И еще более – любовь к родине. Совестьливый любовник не будет всеу говорить о тайнах любви своей и о своей любовнице. А если нет *патриотической любви*, если не она главное и единственное

побуждение всех действий зачинщиков какого бы то ни было государственного преобразования, то нет во мне веры к этим государственным людям и нет веры к их делам. Они не апостолы, а адвокаты; нет в них вдохновения, нет даже убеждения; это промысел. Со всем тем Брум очень мил.

5-е. Вчера был на открытии Камеры депутатов... Не было вчера возмутительных движений, но были возмутительные прогулки, возмутительные рекогносцировки у ворот Сен-Дени. Я ничего не видал. Брум обедал вчера у короля и сказывал, что квесторы Камеры, Лаборд и кто-то другой, уверяли, что было собрано до 5000 народа перед Камерой.

«Я обещал кому-то прийти обедать к нему *после бунта*, – говорил Брум, говорил так, как другие говорят: «После оперы». Не помню кто рассказывал мне, что в России, проезжая в рабочую пору и в рабочий день через какую-то деревню и видя весь народ расхаживающим по улице, спросил он с удивлением у мужиков о причине такого явления: *мы бунтуем*, отвечали ему спокойно несколько голосов.

* * *

В отрывках Пушкина *Записки М.* сказано: «При отъезде моем (из немецкого университета) дал я прощальный пир, на котором поклялся быть вечно верен дружбе и человечеству *и никогда не принимать должности цензора*». Забавно,

что эти последние слова вычеркнуты в рукописи красными чернилами цензора.

* * *

Вот слава! В новое издание сочинений Пушкина едва не попали стихи Алексея Михайловича Пушкина на смерть Кутузова, напечатанные в *Вестнике Европы* 1813. Я их подметил и выключил.

* * *

Глинка говорил мне, что в известные три дня свободного книгопечатания при Екатерине, кроме послания к слугам Фонвизина, напечатано еще похвальное слово Екатерине Сумарокова и *Перевоз курьезной души через Стикс* Олсуфьева. Надобно эти сведения исследовать.

* * *

15 апреля 1841. Отпевали Шишкова в Невском. Народа и сановников было довольно. Шишков не велел себя хоронить прежде шести суток. Шишков был и не умный человек, и не автор с дарованием, но человек с постоянной волей, с мыслью, *idée fixe*, род литературного Лафайета, не герой двух

миров, но герой двух слогов *старого и нового*; кричал, писал всегда об одном; словом, имел личность свою и потому создал себе место в литературном и даже государственном нашем мире. А у нас люди эти редки, и потому Шишков у нас все-таки историческое лицо.

Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов, но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием; следовательно они были кстати...

Карамзина манифесты были бы с большим благоразумием, с большим искусством писаны, но имели ли бы они то действие на толпу, на большинство, неизвестно; а если бы и имели, то что это доказало бы? Что ум и нелепость все равно, а мы все думаем, что все от нас, все от людей.

Замечательно, что Шишков два раза перебил место у Карамзина. Император Александр имел мысль назначить Карамзина министром просвещения (и назначить после Разумовского), а в другой раз государственным секретарем после падения Сперанского. Перебил он и третье место у него: президента Академии. *Новый слог* победил *старый*, то есть Карамзин Шишкова; естественнее было бы Карамзину быть в лице президента представителем русского языка и русской литературы.

Шишков писал в 1812 году письмо к государю, коим он убеждал его оставить армию. Государь ничего не отвечал и никогда не упоминал Шишкову об этом письме, но спустя

несколько дней оставил армию. Письмо было написано с согласия графа Н.А. Толстого и, кажется, Балашова. Слышал я это от Шишкова.

* * *

Перед свадьбой, в городе, много говорили об обнаружении освобождения крестьян, по крайней мере в Петербургской губернии. При этом случае рассказали мне ответ старика Философова. Александр советовался с ним о поданном ему проекте об освобождении крестьян. «Царь, – отвечал он, – вы потонете в нашей крови». Этот вопрос – важнейший из всех государственных и народных вопросов. Следовательно, должно о нем помышлять. Но как разрешить его? И как разрешится он? Во всяком случае, не теперь приступать к разрешению. У нас нет ни одного государственного человека в силах приступить к нему.

* * *

Бездарность, талантливый – новые площадные выражения в нашем литературном языке. Дмитриев правду говорил: что «наши новые писатели учатся языку у лабазников».

Доход таможенный в Англии на 1839 г. составил 58 миллионов, во Франции 104 мил. Большая часть сего дохода в

Англии падает на статьи потребления, а именно: сахар, чай, спиртные напитки, вина, табак, кофе и какао, фрукты, зерна, провизии царства животного, т. е. 485 мил. или 81 со ста всех таможенных доходов. Вот это доход и торговля.

А доход России, сего сторукого Бриарея, который может запустить одну лапу в Китай, другую в Персию, третью в Америку и так далее?! Армия и отношения внешней политики государства должны быть обращены на одно: на расширение торговых сношений, а у нас о них и не помышляют. Мы проливаем кровь свою за Кавказом, а англичане там торгуют. Нет ничего хуже политики сентиментальной, которая руководствуется антипатиями и симпатиями произвольными и предубеждениями.

* * *

Меншиков говорит, что после конвенции нашей с Австрией о плавании по Дунаю Австрия должна назначить Воронцова послом своим в Петербург.

* * *

Тьер искусный и бойкий политический памфлетер. Но из того не следует, что он великий государственный человек. Разве каждый отважный и ловкий застрельщик или даже

удачный партизан годится в полководцы? Беда во Франции в том, что каждый журналист смотрит в депутаты, а каждый речистый депутат – в министры.

* * *

...Обольянинов, как и все царствование Павла, был, вероятно, излишне очернен. Довольно и того, что было в самом деле, но враждебные партии не довольствуются истиной. Я после слышал, что Обольянинов был человек не злой и не без смысла.

В рукописях Пушкина нашел я следующее: «Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум, резкость, но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков?* Неожиданная рифма. Херасков не примиряет меня с такой какофонией; Баратынский прелесть».

* * *

Сальванди, в ответ политико-академической речи Виктора Гюго, в которой он, между прочим, хвалит Дантона, очень умно сказал ему, что его предки – не Наполеон, Сиейе, Мальзерб, а Руссо, Пиндар, Псалмопевец (Давид, кажется, тут лишний). Это мне напоминает мой разговор с Гюго, когда я был у него в Париже. Я все старался направить его на лите-

ратуру, а он все сворачивал на политику, на поляков, на императора Николая. «Я люблю императора Николая, но на его месте я бы сделал...»

* * *

Мопс без ошейника и без цепи. Название русской книги в каталоге Пушкина.

* * *

Отрывок из письма Жуковского к Тургеневу:

«21 июня/3 июля. Дюссельдорф.

Я уже более недели в Дюссельдорфе, в своем маленьком домике, в котором со мной пока одно только мое семейное счастье, но где еще нет и долго не может быть ни порядка, ни уютности, ибо нет никакой мебели: все надобно заказывать, а пока бивуакировать. Я еще никому в Россию не писал о себе, пишу к тебе первому.

Вот моя история: 3/15 мая отправился я из Петербурга и 17-го встретил невесту в Бонне. Она со своими ехала в Майнц, где мы условились съехаться, чтобы оттуда прямо в Канштат для венчания. Сделалось то, что редко на свете случается. Я назначил день своего венчания 21-го мая, так и сделалось. 21 мая из Лудвигсбурга, где мы ночевали, прие-

хали мы рано поутру в Канштат. Я тотчас отправился за русским священником в Штутгард, а Рейтерн все устроил для лютеранского обряда, и в 5 часов после обеда на высоте Ротенберга, в уединенной надгробной церкви св. Екатерины, совершился мой брак тихо и смиренно; в Канштате был совершен лютеранский обряд, а в полночь, вместе с женой, отправился я в Вильбаде, где блаженно провел один с нею первые две недели моей семейной жизни, где на всю остальную жизнь уверился, с глубокой благодарностью к Богу, даровавшему мне желанное счастье, что при мне есть чистый ангел ободритель, освятитель, удовлетворитель души, и с ним все, чем жизнь может быть драгоценна. Эти две недели Вильбадского уединения были решительны навсегда. Я знаю, какое счастье Бог даровал мне, и верю ему. Оно не переменится, как бы ни были обстоятельства жизни радостны или печальны.

Теперь я в Дюссельдорфе. Когда приведу несколько в порядок мою материальную жизнь, примусь за работу. За какую? Еще не знаю, ибо хотя я и не в чадуге счастья, но еще не думал и не могу думать ни о чем, кроме него».

* * *

В одно время с выпискою из письма Жуковского дошло до меня известие о смерти Лермонтова. Какая противоположность в этих участиях. Тут есть, однако, какой-то отпечаток

Провидения.

Сравните, из каких стихий образовалась жизнь и поэзия того и другого, и тогда конец их покажется натуральным последствием и заключением. Карамзин и Жуковский: в последнем отразилась жизнь первого, равно как в Лермонтове отразился Пушкин. Это может подать повод ко многим размышлениям.

Я говорю, что в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Луи-Филиппа. Вот второй раз, что не дают промаха.

По случаю дуэли Лермонтова князь А.Н. Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между князем Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит и не совсем правильно, по крайней мере, так в городе говорили, и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке. Князь Александр Николаевич видел написанную по этому случаю записку Екатерины. Она, между прочим, говорила, что поединок, хотя и преступление, не может быть судим обыкновенными уголовными законами: тут нужно не одно правосудие, но правота; что во Франции поединок судится трибуналом фельдмаршалов, но что у нас и фельдмаршалов мало, и этот трибунал был бы неудобен, а можно бы поручить Георгиевской думе, то есть выбранным из нее членам, рассмотрение и суждение поединков Она поручала Потемкину обдумать эту мысль и дать ей созреть.

* * *

Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы.

* * *

Мороз (ныне сенатор) был в старину при князе Лопухине и при княгине. Растопчин говорил, что ей всегда холодно, потому что Мороз дерет ей по коже. О Морозе есть стихи Неелова.

* * *

Меншиков говорит о сыне Канкринна: «Это телячья голова, приготовленная а la финансист».

* * *

Когда весь город был занят болезнью графа Канкринна, герцог Лейхтенбергский, встретившись с Меншиковым, спросил его: «Какие новости сегодня болезни Канкринна?» – «Плохие, – отвечал он, – ему лучше».

Забавная шутка, но не шуточное свидетельство о единомыслии нашего министерства.

* * *

Письмо Жуковского к императрице, сообщенное мне ее величеством через Смирнову:

7/19 августа 1841, Дюссельдорф

«Всемиловейшая Государыня! При отъезде моем из Петербурга, когда я имел счастье проститься с вашим императорским величеством, Вам угодно было позволить мне написать Вам о том, что будет со мной; но Вы тогда же приказали, чтобы я написал не иначе, как по прошествии некоторого времени, дабы мне можно было говорить с Вами о новой жизни своей не сгоряча, а познакомившись с нею коротко и осмотревшись около себя без всякого предубеждения.

Вот уже более двух месяцев, как я женат, я знаю коротко судьбу свою и теперь с большим убеждением, нежели в первые минуты, благодарю Бога, который ее Сам, без моего ведома, для меня устроил и мне даровал без моего ожидания и искания. Не могу придумать ничего, что бы я теперь пожелал прибавить к моему смиренному, ясному счастью: оно полное. И мне особенно радостно сказать это вашему величеству, ибо никто лучше вас не знает цены такого блага, а мое, сверх того, есть ваше создание.

Теперь из семейного моего приюта, которого покоем и верностью обязан благотворительности тех, коим лучшее время жизни моей посвящено было с любовью, смотрю с благодарностью на мое прошедшее и с особенным чувством вспоминаю те светлые дни, в которые Вы были ко мне так милостивы. Вы мой идеал доброты, прелести и величия. Этот идеал, старый любимый друг души, никогда не покинет меня и будет добрым гением моей домашней жизни.

Не стану обременять внимание вашего величества подробным описанием того, что со мной было в последнее время: если эти обстоятельства для вас любопытны, то они все описаны в письме моем к государю Наследнику. Но для меня необходимо сообщить Вам, Всемилостивейшая государыня, продолжение того письма, которое Вам угодно было прочитать в Петербурге. Необходимо потому, что оно познакомит Вас с тем добрым созданием, которое Бог теперь соединил со мной. Из него увидите, какого рода счастье мне теперь в удел досталось.

Вместе с этим письмом вверяю и ее, мою добрую жену, Вам, как моему Провидению. Уверяю Вас, что вера в вашу к ней милость есть одно из необходимых благ, входящих в состав моего семейного счастья. Но это счастье будет весьма просто. Что ожидает меня впереди, не знаю. – Будет, что угодно Богу. Моя же цель состоит теперь в том, чтобы обратить все свое внимание, все свои желания единственно на то, что здесь *одно на потребу*, а для достижения к этой це-

ли имею в жене своей надежного помощника. Ее простая, неиспорченная душа, хотя и не богата знаниями, исполнена высокого просвещения. И дай Бог, чтобы, в остающиеся мне годы, я при этом главном мог совершить что-нибудь и такое, что и после меня осталось бы добрым обо мне воспоминанием.

Оканчиваю письмо мое повторением моей глубочайшей благодарности перед Вами, Всемилостивейшая государыня, за все благодеяния, коими так щедро Вы осыпали меня в прошедшем. Одним из главных, или главнейшим из сих благодеяний почитаю *возможность*, которую Вы даровали мне *знать близко вашу высокую душу*. Это знание всегда было и навсегда останется моим любезным сокровищем.

Сохрани Бог Вас, государыня, и все милое Царское семейство в неизменном счастье, на редкость и благоденствие нашего общего отечества.

Вашего императорского величества
верноподданный В. Жуковский».

Было еще письмо к Цесаревичу, большое, с подробным описанием брачного обряда и поездки. Душа Жуковского и неловкость его видны в нем *насквозь*. Тонкая бумага так сквозит и так мягка, что чернила расплылись по ней и я с трудом мог все разобрать, а Цесаревичу будет еще труднее. В этом письме выписаны Жуковским несколько строк из письма к нему Цесаревича, в коем он говорит, что «в день, назначенный для его свадьбы, он много думал о нем и молил-

ся за него, желая ему семейного счастья, которое он теперь ценить может, с ангелом моим Марией».

* * *

Для некоторых любить отечество значит: дорожить и гордиться Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и тому подобным. Для других любить отечество значит: любить и держаться Бенкендорфа, Чернышева, Клейнмихеля и прочих и прочего.

Будто тот не любит отечество, кто скорбит о худых мерах правительства, а любит его тот, кто потворствует мыслию, совестью и действием всем глупостям и противозаконностям людей, облеченных властью? Можно требовать повиновения, но нельзя требовать согласия.

У нас самые простые понятия человеческие и гражданские не вошли еще в законную силу и в общее употребление.

Все это от невежества. Наши государственные люди не злее и не порочнее, чем в других землях, но они необразованнее.

* * *

Прения палаты депутатов во Франции не представляют никогда вида генерального сражения между двумя воюю-

щими силами, двумя мнениями. Нет, это непрерывные поединки частных личностей.

* * *

Александр Гурьев говорит, что указ об обязанных крестьянах возрождает 200 вопросов и не разрешает ни одного, что эта мера, по-видимому и по мнению зачинщиков, – *переходная мера*, а между тем предписывает заключать *условия вечные*, что указом земля признается неотъемлемой собственностью помещиков, а между тем предписывается часть этой земли отдавать в вечный наем крестьянам и потомству их.

* * *

Булгарин напечатал во 2-й части «Новоселья» 1834 года повесть *Приключение квартального надзирателя*, которая кончается следующими словами: «Это я заметил, служа в полиции». Фаддей Булгарин.

Вот славный эпиграф!

* * *

«Дворянам дозволяется также вступать в службы союзных

держав и выезжать в чужие края с узаконенными паспортами, но во всякое Российскому Самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру потребна, всякий дворянин обязан, по первому позыву от Самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самой жизни для службы государственной».

«Дворянин свободен от всякого телесного наказания, как по суду, так и во время содержания под стражей».

Выписано из Свода Законов издания 1842 г.

Этими статьями подтверждается дворянская грамота, данная Екатериной II: *Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства на вечные времена и непоколебимо.*

Эта вечность, эти права и вольности частью ниспровергнуты указом. Остается только отменить 15 пункт дворянской грамоты: «телесное наказание да не коснется благородного».

* * *

У нас запретительная система господствует не в одном тарифе, но и во всем. Сущность почти каждого указа есть воспрещение чего-нибудь. Разрешайте же, даруйте иногда хотя ничтожные права и малозначительные выгоды, чтобы по губам чем-нибудь сладким помазать.

Дворянская грамота, дарованная Екатериной, не отяготительна, не разорительна для Самодержавной власти, но и ее

приняли как благодеяние, а вы и этот медный грош обрезали. Власть должна быть сильна, но не досадлива.

* * *

Перовский делает какое-то новое положение о б...х. Оно, может быть, хорошо и нужно для общественного здоровья. Но кому будет поручен надзор за ними и за исполнением установленных правил? Полицейским чиновникам...

Прежде чем писать уставы, приготовьте блюстителей и исполнителей этих уставов, а то вы, как крестьянин Крылова, сажаете лисицу стеречь курятник.

* * *

Изо всех наших государственных людей только разве двое имеют несколько русскую фибру: Уваров и Блудов. Но, по несчастью, оба бесхарактерны, слишком суетны и легкомысленны... Прочие не знают России, не любят ее, то есть не имеют никаких с ней сочувствий. Лучшие из них имеют патриотизм официальный, они любят свое министерство, свой департамент, в котором для них заключается Россия – Россия мундирная, чиновническая, административная.

Они похожи на сельского священника, который довольно рачительно, благочинно совершал бы духовные обряды в

церкви во время служения, но потом не имел бы ничего общего с прихожанами своими; а сколько еще между ними и таких священников, которые совершенно безграмотны и валяют обедню с плеча.

Вся государственная процедура заключается у нас в двух приемах: в рукоположении и рукоприкладстве. Власть положит руки на Ивана, на Петра и говорит одному: ты будь министром внутренних дел, другому – ты будь правитель таких-то областей, и Иван и Петр подписывают имена свои под исходящими бумагами. Власть видит, что бумажная мельница в ходу, что миллионы номеров вылетают из нее безостановочно, и остается в спокойном убеждении, что она совершенно права перед Богом и людьми.

* * *

Одна моя надежда, одно мое утешение в уверении, что они увидят на том свете, как они в здешнем были глупы, бесплодны, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением, как они не возбуждали никакого благородного сочувствия в народе, который с твердостью, с самоотвержением сносил их как временное зло, ниспосланное Провидением в неисповедимой своей воле. Надеяться, что они когда-нибудь образумятся и здесь, безрассудно, да и не должно. Одна гроза могла бы их образумить. Гром не грянет, русский человек не перекрестится.

И в политическом отношении должны мы верить бессмертию души и второму пришествию для суда живых и мертвых. Иначе политическое отчаяние овладело бы душой.

* * *

Как в литературной сфере Блудов рожден не производителем, а критиком, так и в государственной он рожден для оппозиции. Тут был бы он на месте и лицо замечательное. В рядах государственных делателей он ничтожен.

* * *

Список с подлинного собственноручного письма к графу Витгенштейну, главнокомандующему 2-й армией.

15 декабря 1825 г. С.-Петербург

«Граф Петр Христианович!

Вам известна непоколебимая воля брата моего Константина Павловича, исполняя которую, я вступил на его место.

Богу угодно было, чтобы я вступил на престол с пролитием крови моих подданных; вы поймете, что во мне происходить должно и верно будете жалеть обо мне. Что здесь было, есть то же, что и у вас готовилось и что, надеюсь, с помощью Божией, вы верно помешали выполнить. С нетерпением жду от вас известий на счет

того, что г. Чернышов вам сообщил. Здесь открытия наши весьма важны и все почти виновники в моих руках. Все подтвердилось по смыслу тех сведений, которые мы и от г. Дибича получили.

Я в такой надежде на Бога, что сие зло истребится до своего основания.

Гвардия себя показала как достойно памяти ее покойного благодетеля.

Теперь Бог с нами, любезный граф; моя доверенность и уважение к вам давно известны, и я их от искреннего сердца здесь повторяю.

Ваш искренний Николай».

В сем письме, между прочими ошибками, замечательна следующая: *все почти виновники*, вместо: *почти все виновники*. И точно, в числе было немало *почти виновников*. Гвардия себя показала etc. Да кто же, кроме части гвардии, и начал возмущение?

* * *

Как трудно найти у нас людей, которые сознавали бы признаваемые ими правила с последствиями, из них истекающими. Многие, например, осуждают указы Карла X и оправдывают сопротивление народа, к коему служили они поводом, а между тем предают анафеме июльскую революцию, воцарение Филиппа и прочие последствия. Но разве эта революция не вся заключается, как в полном зародыше, в этом со-

противлении?

Если Карл X уступил бы, отменил бы *именные указы* и признал бы законным вооруженное вмешательство народа, — разве этим самым не провозгласил бы правило народного суверенитета? Разве он, после своего поражения и преклонения воли своей перед волей народа, мог бы удержать в себе царское достоинство, целость прав своих и святость догмата легитимности? Отречение его за себя и за преемника своего в мирное время, в законное время могло бы быть действием свободным и обязательным для народа; но тут не он уже был хозяин, или, по крайней мере, полный хозяин; следовательно, не мог он располагать царством и будущим, когда и настоящее уже не в его руках было. Все держится и все сцепляется между собой.

* * *

Иезуитский послушник Иван-Ксаверий Гагарин говорил Тургеневу в S. Acheul (сент. 1844), что между прочими причинами, довершившими его направление к Римской церкви, главнейшие: полемические и апологетические сочинения преосвященного Филарета (*Разговор испытующего* и проч.) и книга Андрея Муравьева *Правда* etc., на которую он написал замечания по ее появлению, сообщенные Тургеневу еще в 1842 году, а потом про себя подробное опровержение.

* * *

Прежде нежели делать ампутацию, должно промыслить оператора и приготовить инструменты. Топором отрубишь ногу так, но вместе с тем и жизнь отрубить недолго.

У нас хотят уничтожить рабство. Дело прекрасное, потому что рабство язва, увечье; но где у вас врачи, где инструменты? Разве наша земская полиция, наша внутренняя администрация готовы совершить искусно и благонадежно эту великую и трудную операцию? В этом заключается вся важность вопроса.

* * *

Перед домом, который занимает Киселев, есть панорама Парижа. Кто-то спросил Меншикова, что это за строение? Это панорама, отвечал он, в которой Киселев показывает будущее благоденствие крестьян государственных имуществ.

* * *

Когда Киселев отнял у Канкрина лесной институт и дачу, которую он для себя устроил, Канкрин сказал, что это министерство не только имуществ, но и преимуществ.

Вронченко рассказал мне, что Канкрин, говоря о нем в Париже с нашим поверенным в делах, Киселевым, хвалил его способности, но прибавил: боюсь, что он будет слишком *любоострастен* к министрам.

Он хотел сказать: подобострастен.

* * *

Bressan хотел дать для своего бенефиса «Manon de Logne», уже пропущенную с некоторыми обрезками театральной цензурой и графом Орловым. Волконский потребовал пьесу и показал ее государю. Она подана ему была 14 декабря. Он попал на место, где говорится о виселицах, бросил книжку на пол и запретил представление.

* * *

14 ноября 1845. Вчера я был у графини Канкриной при открытии духовного завещания покойного графа. Из посторонних лиц были еще приглашены П.И. Полетика и сенатор граф Кушелев-Безбородко. Завещание написано в сентябре 1842 г. все собственноручно графом Канкрином по-русски.

Начинается оно тем, что всем состоянием своим обязан он милостям государей, и особенно ныне царствующего императора, следовательно, все благоприобретенное, и что мо-

жет он располагать им по желанию своему.

Жене оставляет он дом, кажется, какую-то деревню и весь капитал свой; все прочее ей же в пожизненное владение, но без *отчуждения*.

С чувством особенной любви и нежности говорит он о жене своей, благодарит ее за попечения ее о нем, о воспитании детей, коим, к сожалению своему, не мог он, по многотрудным своим государственными заботам, заняться как желал бы того; извиняется перед нею, если по своему *холодному* или *суровому* нраву (не помню с точностью выражения) не был он всегда внимателен к ней, как бы следовало.

Говорит, в одном месте, о трудах, понесенных им для *любвейшей нашей России*, и о *неприятностях*, кои он испытал особенно в последнее время, прибавляя: *неприятелей имею, но их не заслужил*.

Наличными деньгами, то есть билетами кредитных установлений, оставил он менее *пятисот тысяч рублей на ассигнации*. Графине известны были городские толки о бесчисленных миллионах, оставленных графом, – и она при гласила нас именно с намерением, чтобы были свидетелями того, что по духовному завещанию откроется, и для того, чтобы оправдать память мужа.

* * *

Киселев говорит о Вронченко: это Каратыгин нашей ми-

нистерской группы. В прениях Совета и Комитета Министров он ужасно размахивает руками, хватается за парик.

* * *

Блудов говорит о Перовском (Льве, министре внутренних дел): он всегда зверь, но иногда – зверь злобный.

* * *

28 февраля 1846. Отпевание Полевого в церкви Николая Морского, а похоронили на Волковом кладбище. Множество было народа; по-видимому, он пользовался популярностью. Я не подходил к гробу, но мне говорили, что он лежал в халате и с небритой бородой. Такова была его последняя воля.

Он оставил по себе жену, девять человек детей, около 60 000 рублей долга и ни гроша в доме. По докладу графа Орлова, пожалована семейству его пенсия в 1000 рублей серебром. В литературном кругу – Одоевский, Сологуб и многие другие – затевают также что-нибудь, чтобы придти в помощь семейству его.

Я объявил, что охотно берусь содействовать всему, что будет служить свидетельством участия, помощью, а не торжественным изъявлением народной благодарности, которая должна быть разборчива в своих выборах. Полевой заслу-

живает участия и уважения как человек, который трудился, имел способности, – но как он писал и что он писал, это другой вопрос.

Вообще Полевой имел вредное влияние на литературу: из творений его, вероятно, ни одно не переживет его, а пагубный пример его переживет, и, вероятно, надолго. «Библиотека для Чтения», «Отечественные Записки» издаются по образу и подобию его. Полевой у нас родоначальник литературных наездников, каких-то кондотьери, низвергателей законных литературных властей. Он из первых приучил публику смотреть равнодушно, а иногда и с удовольствием, как кидают грязью в имена, освященные славой и общим уважением, как, например, в имена Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Пушкина.

* * *

Я первый готов советовать правительству не обольщаться умом, не думать, что каждый умный человек на все способен. Можно иметь много ума, здраво рассуждать о людях и вещах и все-таки не быть годным занять такое или другое место. Вольтер мог бы быть очень худым министром и даже директором департамента.

Но с другой стороны, позволю себе заметить правительству, что не следует пугаться ума, отречься от него, как от сатаны и всех дел его, и поставить себе за правило, что глу-

пость или, по крайней мере, пошлая посредственность одна благонадежна, и вследствие сего растворить ей двери настежь во все правительственные места.

Сенявин, товарищ министра внутренних дел, посажен в сенат.

* * *

Есть у нас какое-то правило, по коему не определяют человека губернатором в такую губернию, где он имеет поместье. Ребяческое соображение. Если человек добросовестен и честен, то он не станет обижать чужих в пользу своих. Если нет в нем чести и добросовестности, то не более и не менее станет он кривить душой и наживаться на счет ближнего. Напротив, есть более надежды, что дворянин, помещик той губернии, в которой он и губернатор, захочет поддержать свою честь и сделать себе почетное имя посреди природных своих сограждан.

В экономическом отношении также есть выгода. В своей губернии, при пособиях деревни, губернатору жить дешевле и, следовательно, менее побуждений к лихоимству. Губернатор-пролетарий входит в чуждую ему губернию как в завоёванную землю. У него тут нет земляков и, следовательно, некого совеститься и стыдиться. Выгонят его с места, он не останется в губернии под судом и нареканием своих единоземцев и товарищей по дворянству.

Правилу, тому подобному и еще более несообразному, следует правительство и в другом отношении: оно неохотно определяет людей по их склонности, сочувствиям и умственным способностям. Оно полагает, что и тут человек не должен быть *у себя*, а все как-то пересажен, приставлен, привит наперекор природе и образованию, например: никогда не назначили бы Жуковского попечителем учебного округа, а суют на эти места Крафстрема, Траскина; а если Жуковскому хорошенько бы поинтриговать и просить с настойчивостью, то, вероятно, переименовали бы его в генерал-майоры и дали бы ему бригаду, особенно в военное время.

* * *

Адмирал Рикорд говорил о смерти Полевого: лучше умерло бы двадцать человек наших братьев генералов. Государь одним приказом мог бы пополнить убывшие места, но назначения таких людей, как Полевой, делаются свыше.

* * *

В одно время с появлением статьи моей о подписке на сооружение памятника Крылову вышла и статья Булгарина о Крылове, где он, между прочим, меня ругал.

Рикорд, повстречавшись со мной на Невском проспекте,

сказал мне: «Благодарю вас, князь, за вашу прекрасную статью, славно написана, но спасибо и Фаддею, мастер писать, славно написал».

* * *

Средняя цена, во что обходится на заводе (в Малороссийских губерниях) приготовление ведра вина, есть 45 копеек серебром, таким образом, для достижения существующей ныне нормальной цены вину, необходимо будет предполагать акциз определить в 1 р. сер. По приблизительным сведениям выкуривается ежегодно вина:

В Черниговской губернии – 3 761 655

Полтавской – 2 962 933

Харьковской – 2 646 753

Итого – 9 371 341

Ныне чистый государственный доход с грех губерний по винной части составляет 1 961 002 рублей серебром. С повышением цены на вино, потребление, а с тем вместе и приготовление его должно уменьшиться, допуская даже наполовину, то все-таки, при новом предложении, казенный доход возвысится до 4 685 670.

Можно отдать этот акциз на откуп с уменьшением 15 процентов в виде опыта на два года. Увеличить еще акцизный сбор с шинков, разделяя их по удобствам местоположения на три разряда: с первых брать по 60, со вторых по 40, с третьих

по 20 рублей серебром в год. Этой мерой без всяких насилий уменьшится необходимое число мест раздробительной продажи, и, следовательно, уменьшится в народе пьянство.

* * *

Записка о народном образовании и законодательстве в России. К императору Александру от Лагарпа:

«Следует, чтобы русские, как правители, так и управляемые, избавились бы от привычки скачков в управлении и научились бы познавать и ценить медленный и ровный ход событий, неизменная важность которого обязывает всех и ставит правительство перед счастливой невозможностью действовать легкомысленно...» (А мы и доньше все делаем скачками! Петр Великий делал скачки богатырские, а теперь делают детские скачки, то вперед, то назад, то в сторону.) К этому есть выноска, где выставляется пример Пруссии: «Прусские монархи не ограждены в своей власти, и однако они не осмеливаются прибегать к *произволу*, и их подданные пользуются высшей степенью свободы...»

* * *

Граф Канкрин, во все свое с лишком двадцатилетнее министерство, не отметил *секретно, нужно, весьма нужно*,

сколько Вронченко отметил в месяц. Все это вывеска большой мелкости.

Глядя на большую часть этих бумаг, спрашивается: для чего они *нужны* и от кого они *секретны*? Может быть, еще секрет, когда бумага пишется от лица к лицу непосредственно, собственноручно, но какой секрет в бумаге, которая прошла через два или три канцелярские мытарства?

* * *

Василий Перовский, принимая морское ведомство, когда оно являлось к нему, сказал: «Теперь, что казак управляет морской силой, можно надеяться, что дела хорошо пойдут». Частные лица, даже сами действующие лица, по русскому благоразумию и русской смышленности, сейчас схватывают смешную и лживую сторону каждого неправильного положения, но власть лишена у нас этого природного и народного чутья.

Разумеется, Меншиков был импровизированный моряк, но Меншиков по специальности – универсальный человек, и что нашли морского в Перовском? Разве неудачный поход его в Хиву на верблюдах, названных, кажется, Шатобрианом, кораблями пустыни.

Le Peuple par Michelet. «Народ», сочинение Мишле.

Среди многих нелепостей, громких и пустых фраз, проявляются и истины. Вообще довольно верно то, что он осуждает, но когда начнет советовать, учить, преподавать, тут не только ум за разум, но вранье за горячку переходит. Надобно, говорит он, преподавать «Родину как догмат и принцип, а потом и как легенду. Мы имели два искупления – через Орлеанскую деву и через революцию, мы имели порыв 1792 года, чудо молодого знамени, молодых генералов, которыми восхищался и которых оплакивал враг, славу Арколя и Аустерлица и т. д.».

Почему же не прибавляет он унижения Ватерлоо, ибо нет сомнения, что Аустерлиц, рано или поздно, должен был кончиться Ватерлоо или добровольной смертью Европы, чего ожидать было нельзя.

Во многих местах он подражает Мицкевичу, но в Мицкевиче, под туманом заблуждений, все-таки теплится, светится какая-то вера, верование, а в Мишле все это театрально, пустозвучно.

Следующее замечание довольно справедливо: «Только история нашей страны сохранила целостность; в истории Италии отсутствуют последние столетия, в истории Германии, Англии нет первых веков. Лишь читая историю Франции, вы

узнаете весь мир».

Но вопрос, чему учиться из этой истории. тому ли, что должно делать, или тому, чего избегать должно, чего делать не должно? Главная мысль сочинения также справедлива, что вообще говоря о *Peuple*, принимают всегда за целое некоторые части его. Сравнение *детей* и *народа*: «ребенок служит объяснением народу. Инстинкт ребенка не бывает извращенным; инстинкт народов-детей – тоже».

И у нас несправедливо было бы изучать и оценивать народ (у нас нет слова *peuple* в этом особенном значении). *Крестьянство – христианство, мир православный*; в городских фабричниках, в мастерских, в дворовых. Ищите его ниже, то есть глубже. «Великая слава нашим старым французским коммунаам – они первые нашли истинное имя для родины. В своей простоте, полной глубины и здорового смысла, они называли ее *дружба* (*L'amitie*); говорили *дружба Лилля, дружба Эра*)».

Когда вошло у нас в употребление слово: *отечество*? Жаль, что оно принадлежит среднему роду. Оно облекается в какое-то отвлеченное понятие. Нельзя олицетворить его: отечество, отечествеие, отчизна, отчина, все это более тесное значение места родины, последовательности от отца. *Отечество, отчество* слишком сходны одно с другим. Нет слова *patriotisme, patriote*. *Любовь к отечеству*, холодное и неправильное выражение: означает отношение к чему-то, а не чувство чего-то – *Vaterland*.

* * *

Меншиков, говорят, вне опасности и выздоравливает. Стало быть, Перовский – адмирал на час.

* * *

Когда старику Пашкову, кажется, Василию Александровичу, дали Андрея, и все удивлялись, спрашивая, за что, Меншиков сказал, что за службу его по морскому ведомству: «Он десять лет не сходит с судна».

* * *

Глотка – греческое слово, по-французски *glotte*, *petite fente du larynx*, маленькая щель в гортани. В Академическом Русском словаре не обращено внимания на греческое происхождение некоторых наших слов, а если и бывают ссылки, то на латинские слова.

* * *

«Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», говорили славяне, призывая варягов. И ныне то же можем

сказать и говорим. Россия в этом отношении все еще та же.

Нынешнее немецкое владычество в администрации России – повторение норманского. И тогда славянский народ не онорманили, и ныне русский народ не онемечили, но официальная Россия – не русская. Слова Погодина: влияние варягов на славян было более наружное, они образовали государство, – может быть применено ныне к немцам и вообще к иноплеменному люду.

Разница разве в том, что норманская, то есть иноплеменная сила воплотилась во втором периоде в русском Петре. Но и он, вероятно, находил, что наша земля велика и обильна, а наряда в ней нет, и призвал немцев на помощь.

* * *

28 октября 1846. Странная моя участь: из мытаря делаюсь ростовщиком, из вице-директора Департамента внешней торговли становлюсь управляющим в Государственный заемный банк. Что в этих должностях, в сфере этих действий есть общего, сочувственного со мной? Ровно ничего. Все это противоестественно, а именно потому так быть и должно, по русскому обычаю и порядку.

Правительство наше признает послаблением, пагубной уступчивостью советоваться с природными способностями и склонностями человека при назначении его на место. Человек рожден стоять на ногах: именно потому и надобно по-

ставить его на руки и сказать ему: иди! А не то, что значит власть, когда она подчиняется общему порядку и течению вещей! К тому же тут действует и опасение: человек на своем месте делается некоторой силой, самобытностью, а власть имеет одни орудия, часто кривые, неудобные, но зато более зависимые от ее воли.

22-го числа октября призвал меня Вронченко и предложил мне это место. Я представил ему слегка свои возражения, говоря, что это место менее всего соответствует моим способностям, привычкам etc. Но, разумеется, эти возражения не могли иметь ни веса, ни значения, ибо они были в противоречии с общим положением дел в России. Что дано мне от природы – в службе моей подавлено, отложено в сторону: призываются к делу, применяются к действию именно мои недостатки.

У меня нет никакой способности к *положительному делопроизводству*; счета, бухгалтерия, цифры для меня тарбарская грамота, от коей кружится голова и изнемогают все способности, все силы умственные и духовные: к ним-то меня и приковывают роковыми кандалами.

Было бы это случай, исключение, падающее на мою долю, – делать нечего, беда моя, да и только. Знать, так на роду моем написано; но дело в том, что это общее правило, и мое несчастье есть вместе и несчастье целой России. На конце поприща моего я вхожу в темный бор людей и дел. Все мне незнакомо и все в противоположности с внутренними

моими стихиями. Меня герметически закупоривают в банке и говорят: дыши, действуй.

Вероятно, никто не встречал нового назначения и повышения с таким меланхолическим чувством, как я. Впрочем, все мои ощущения, даже и самые светлые и радостные, окончательно сводятся во мне в чувство глубокого уныния.

* * *

75 августа 1847. Я писал Жуковскому о нашей народной и руссославной школе. «Что не ясно, то не по-французски», говорят французы в отношении к языку и слогу. Всякая мысль не ясная, не простая, всякое учение, не легко применяемое к действительности, всякое слово, которое не легко воплощается в дело, – не русские мысль, учение, слово.

В чувстве этой народности есть что-то гордое, но вместе с тем и холопское. Как пруссаки ненавидят нас потому, что мы им помогли и выручили их из беды, так наши восточники ненавидят запад. Думать, что мы и без запада справились бы, – то же, что думать, что и без солнца могло бы светло быть на земле.

Наше время, против которого нынешнее протестует, дало однако же России 12-й год, Карамзина, Жуковского, Державина, Пушкина. Увидим, что даст нынешнее. Пока еще ничего не дало. Оно умалило, сузило умы.

Выдумывать новое просвещение на славянских началах,

из славянских стихий – смешно и безрассудно. Да и где эти начала, эти стихии? Отказываться от того просвещения, которое ныне имеешь, в чаянии другого просвещения, более родного, более к нам приноровленного – то же, что ломать дом, в котором мы кое-как уже обжились и обзавелись, потому, что по каким-то преданиям, гаданиям, ворожейкам где-то, в какой-то потаенной, заветной каменоломне должен непременно скрываться камень-самородок, из которого можно построить такие дивные палаты, что перед ними все нынешние дворцы будут казаться просто нужниками. Вот эти русскославы и ходят все кругом этого места, где таится клад, с припевами, заговорами, заклятьями и проклятьями Западу, а своего ничего вызвать и осуществить не могут. Один пар бьет столбом из-под обетованной их земли.

Эти русскославы гораздо более немцы, чем русские.

* * *

Вигель, в записках своих упоминая о Козодавлеве, говорит, между прочим, что он был добрый человек и даже не худой христианин, но видно было из всего поведения и поступков его, что он более надеялся на *милосердие Божие*, нежели на *правосудие*.

В записках его много злости и много злопамятности, но много и живости в рассказе и в изображении лиц. Верить им слепо, кажется, не должно. Сколько мог я заметить, есть и

сбивчивость, и анахронизмы в событиях. К тому же он многое писал по городским слухам, а не всегда имел возможность проникать в сокровенные причины описываемых им явлений, а мы знаем, как слухи служат иногда неверными и часто совершенно лживыми отголосками событий. Со всем тем, эти записки очень любопытны и Россия со всеми своими оттенками политическими, правительственными, литературными, общежительными, включая столицы и провинцию, и личностями отражается в них довольно полно, хотя, может быть, и не всегда безошибочно и не погрешительно верно. Вчера вечером читал он у нас многие отрывки из них. (17 октября 1847.)

* * *

5 декабря 1848. Сейчас узнаю, что я пожалован кавалером ордена св. Станислава 1-й степени. Видно, что я устарел и что дух во мне укротился. Эта милость меня не взбесила, а разве только немножко сердит. Во все продолжение службы моей я только и хлопотал о том, чтобы не получать крестов, а чтобы срочные оказываемые мне милости обращались в наличные награждения, а не личные.

При графе Канкрине я успевал в этом. Мои нынешние сношения с министром уже не таковы. Ордена, в некотором отношении, похожи на детские болезни: корь, скарлатину. Если не перенесешь их в свое время, то есть в молодых ле-

тах, то можешь подвергнуться действию их на старости лет.

Бог помиловал меня до нынешнего дня, но неминуемая скарлатина 1-го Станислава постигла меня на 56-м году жизни моей. Поздненько, но не можно сказать: лучше поздно, чем никогда. Всего забавнее, всего досаднее, что должно еще будет благодарить за это. Прошлого года по представлению моем не дали 1-го Станислава Скуридину, потому что я его не имел. Теперь могу привить его другим. *La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a* (Самая красивая девушка не может подарить более того, чем она обладает).

Впрочем, все это, может быть, к лучшему. Лишениями, оскорблениями по службе нельзя было бы задеть мое самолюбие. Провидение усмиряет мое самолюбие ниспосылаемыми мне милостями. Все мои сверстники далеко ушли от меня. Отличие, полученное мной, ни от кого меня не отличает, а, напротив, более прежнего записывает в число рядовых и дюжинных. Когда я ничего не получал, я мог ставить себя выше других, или по крайней мере поодаль, особняком; теперь, получив то, чего не мог не получить, самолюбию моему уже нет никакой уловки, никакой отрады, оно подрезается под общую мерку и должно стать в уровень со всеми. Боюсь только, чтобы не оскорбился Политковский, видя, что я догнал его.

6 февраля 1849. Представлялся сегодня государю благодарить за Станислава. Кажется, с 39-го или с 40-го года не

был я во дворце. Государь говорил мне о моей *пирушке* в честь Жуковского и о желании, чтобы он скорее возвратился. Я нашел, что государь очень переменился в лице. Что-то как будто растянулось в чертах и поблекло.

* * *

Адам Смит, самый ревностный проповедник свободной торговли, умер главным управляющим таможен шотландских.

* * *

Титов передал мне слово, сказанное Карамзиным о политической экономии: «Эта наука – смесь истин, известных каждому, и предположений весьма гипотетических».

* * *

Франклин провел несколько из последних лет жизни своей во Франции. Перед отъездом, когда уговаривали его остаться в Париже, он отвечал друзьям своим: «Я очень приятно провел мой вечер, когда настает час ложиться спать, надобно каждому возвратиться домой. Мне очень тяжело уезжать, часто даже колеблюсь; но надеюсь, что исполню то, что

прилично».

Можно каждому применить эти слова к жизни своей; перед тем, чтобы вкусить вечный покой, хорошо бы каждому возвратиться домой, то есть в себя, и отказаться от света и от всех житейских попечений и удовольствий. Так сделал Нелединский.

* * *

Москва, 5 октября 1860. Два раза был я у Ермолова. Ум и память еще очень свежи, но иногда говорит как-то с трудом, тяжело и невнятно. Разговор зашел об умении выбирать людей и о том, как редко это умение встречается в правителях...

При Павле, когда Ермолов служил в Петербурге по артиллерии, он неизвестно за что был сослан в Калугу. Через несколько времени объявлено ему высочайшее прощение. Он возвращается в Петербург. Спустя две недели сажают его в крепость в казематы – также не сказавши ему ни слова о причине и поводах к заключению его. Просидел он там два месяца – и сослан на жительство в Кострому, где нашел сосланного Платова.

Говорили о смерти Хомякова. «Очень жаль его, большая потеря, да нельзя не пожалеть и о семействе его», – тут кто-то сказал. «Нет, – продолжал Ермолов, – что же, он семейству оставил хорошее состояние, а нельзя не пожалеть о ***»

который без него остался при собственных средствах своих, то есть дурак дураком».

* * *

После причащения Бажанов спросил императрицу Александру Федоровну, простила ли она всем, против которых имела она злопамятство. Она призадумалась и отвечала: «Нет». Духовник увещевал ее держаться христианского правила.

«Если так, – сказала она, – прощаю австрийскому императору все зло, которое он сделал покойному императору и нам».

Это повторение того, что было при кончине Николая Павловича. Когда сама императрица спросила его, не осталось ли на душе его озлобления против кого-нибудь, он отвечал: «Нет, прощаю и австрийскому императору, который так жестоко переворачивал нож в ране, им нанесенной мне, и готов молиться за него и за *султана*», – последнее слово проговорил он улыбаясь. (Рассказано мне Блудовым, который слышал это от императрицы Александры Федоровны.)

* * *

Книжка 12. (1838–1843)

10 июня 1843. Ревель. Прочитал «Князя Курбского» Бориса Федорова; читается, хотя и с трудом, по историческим подробностям, но романтическая и драматическая часть – ребячество; а славный сюжет, достойный Вальтера Скотта.

* * *

27 июня 1843. Приехал в Мануилово к Мещерским в 11 часов утра. В Мануилове крестьяне не говорят: дождь идет, дождь шел, а дождь *летит, летел*.

Гёте говорит: я каждый год перечитывал несколько пьес Мольера, также как я время от времени люблюсь гравюрами с картин итальянских мастеров. Ибо мы пигмеи, мы не в состоянии сохранить в уме нашем возвышенность подобных предметов; нужно нам по временам возвращаться к ним, чтобы возобновлять в себе впечатления такого рода.

Гёте же: Шекспир предлагает нам золотые яблоки в серебряных чашах. Изучением творений его нам удастся перенять от него серебряные чаши, но нечем пополнить их нам как картофелем. Вот что беда.

Он говорит, что если Байрон имел бы случай излить жестокими выходками в парламенте все, что было в нем оппозиционного, то поэтический талант его был бы гораздо чище. Но он мало говорил в Парламенте и хранил на душе все, что имел враждебного против нации своей, потому и вынужден был облечь свое негодование поэтической формой. Я охотно назвал бы большую часть отрицательных действий Байрона: *Verhaltens Parlementsreden* (парламентские речи, приведенные в действие).

Он же: Я сказал, что классическое есть *здравие*, а романтическое – *болезнь*. В таком смысле Нибелунген так же классический, как Гомер, ибо в обоих есть здоровье и сила. Большая часть новейших произведений не потому романтические, что они новейшие, но потому что они слабы, болезненны или больны, а творения древние не потому классические, что они древни, но потому что в них есть сила, свежесть и здоровье. Если мы по этим приметам различили бы классическое от романтического, то легко бы поняли друг друга.

Возвратился из Мануилова в Петербург 3 июля в полдень.

* * *

Книжка 13. (1849–1851)

Буюкдере. 28 июля (9 августа) 1849

«Очерк путешествий по Европейской Турции» Виктора Григоровича. Казань. Путешествовал в 1844 – 1845 гг.

Солунь (Фессалоника). Святая гора (Афонская гора). Монастырей Афонских 20, с принадлежащими к ним 10 скитами, 400 кельями и многими каливами; разделяются на кинувии и идиоритмы. Одни подчинены в своем внутреннем управлении одному игумену, другие – многим распорядителям. Миханович, австрийский консул, ученый путешественник, был в Македонии и посетил некоторые монастыри Афона. Пешеходца Василия Григоровича Барского монаха путешествие к Святым местам, издание 1778.

Конок (место остановки), Метокси (мызы). Монастыри Зограф и Эсфигмене. Первый лежит на половине пути к Корее, монашескому городу, где находятся только кельи и бедные лавки. Скит пророка Илии, тут погребен отец Аникита, известный наш поэт Шихматов. Монастырь Руссика; монастырь Пандократор, скит пророка Илии принадлежит к нему. В монастыре монахи из Малороссии.

Корея за три столетия была первым монастырем под названием Великой Лавры. С XVI столетия лишилась монастыря и, состоя из монашеских келий, служит средоточием всего полуострова, куда стекаются монастырские выборные для

совещаний и торговли, для сбыта товаров. Здесь любопытны: соборная церковь, кельи св. Саввы Сербского и архив протата (святогорское собрание, в котором присутствуют пять старшин, *назиров*, избираемых поочередно из 5 монастырей, и представители каждого монастыря).

На пути к монастырю *Павлуса* всходишь на вершину Афона. Он носит название Сербского, но ныне совершенно присвоен греками. В нем иконы со славянскими надписями, славянские поменники и множество рукописей сербской рецензии; житие св. Саввы, св. Антония (Печерского) и св. Афанасия Афонского. *Скевофилакия* (монастырская ризница).

Монастырь *Хиландар* с храмом Введения Божией Матери, знаменитый своим ктитором, Симеоном Неманьем, и участием в событиях Сербии. Он имел свой собственный типик, данный ему св. Саввой, был общежительный и назначен для монашествующих сербов. Теперь он идиоритм, в нем без типика преобладают болгары, часто под руководством грека. В нем хранится житие св. Панкратия с любопытной следующей отметкой: «Сию книгу читал и аз многогрешный иеромонах Прохор Сербии, постриженец монастыря Крушеделя, иже такожде именуется царска деспотска лавра в Фрушской горе, в пределах Сирмских, обаче за скудоумие мое или что ино препятие бяше весьма мало пользовался. Даруй же, Господи, прочим и могущим вникнути в ню лучший разум и полезному чтению слышание».

Монастырь *Зограф* с храмом великомученика Георгия –

населен молдаванами, греками, болгарами и очень немногими русскими. По мнению Григоровича, самая важная рукопись, и единственная теперь на Св. Горе, есть глаголитское Евангелие, хранящееся в Зографе. Открыта она Михановичем в 1843 г. Над строками слова Кирилловскими буквами, дополнения и поправки глаголитского текста. Монастырь *Руссика* с храмом великомученика Пантелеймона отличается от прочих строгостью правил и достоинством своих обитателей русских и греков.

Начало поселения отшельников на Св. Горе должно относить к IX столетию. Начало сооружения обителей к X. Император Василий Македонский первый грамотою, данною Иоанну Колову, определил Афонский полуостров исключительным местом отшельников. Монастыри Афонские, славящиеся своей древностью, благодеяниями многих царей и участием в событиях церковных, до сих пор не имеют своей истории. В путешествии нашего монаха Василия изложены все догадки, которые делали и делают о своих монастырских *калогеры*, – и замечается несообразность их.

Еще до взятия Константинополя и покорения Солуня 19 монастырей добровольно подчинились покровительству султана, пребывавшего в Бруссе. Преимуществами, им тогда данными, пользуются они донныне. Весьма любопытны известия, сохраненные в Русских сборниках о девяти Славянских монастырях (Сборник Погодина № 94. Статья Шевырева). Из всех событий сохранилось только воспоминание о на-

шествии императора Михаила Палеолога (отступившего от православия) с патриархом Векком и, как некоторые прибавляют, с папой. Тогда многие монастыри были разорены до основания, другие разграблены или осквернены. В главной Зографской церкви стенная живопись изображает это происшествие в неприличных для церкви образах.

В прошедших столетиях Афонские библиотеки были наполнены редкими рукописями, ими обогатилась Флорентийская библиотека Лаврентия Медичи и Патриаршая Московская в XVII столетии содействием Арсения. Ныне, по соображению Григоровича, находится в них до 13 000 книг печатных, до 2800 рукописей греческих и 455 славянских. В числе последних нет особенно достопримечательных, за исключением глаголитской в Зографе. *Исторических* вовсе нет. Полагают, что сверх прежних давних истреблений, много истреблено в последнюю Греческую войну, когда албанцы квартировали в монастырях и продавали их целыми ношами. Прочее не сберегается и гниет, особенно печально положение рукописей славянских. Они истлевают в забвении, или умышленно предавались огню, и преимущественно сербские, по особенному неуважению к сербам. Вообще Григорович жалуется на невежество и недоброжелательство многих обитателей, не позволяющих рассматривать книгохранилища. Может быть, и он не умел взяться, или не имел средств. Вероятно, деньгами можно было бы склонить упорство хранителей.

«Неописанное величие местоположения усиливается поразительным видом монастырей – внешние здания остались донныне, как были в древние времена – высокие башни, ветхие башни и железные ворота придают им наружность рыцарских замков». Все это подробно описано монахом Василием. Старая живопись уцелела в Протате и Пандократоре. Трапеза монастыря Руссика расписана русскими. Муссифных икон очень немного. В монастырях Филофеу, Павлу, Хиландар и Руссика несколько икон со славянскими подписями.

На Афонском полуострове находится 30 больших храмов, 10 скитских, 20 кладбищенских церквей и 200 параклисов. К этому прибавить 400 малых церквей, принадлежащих кельям, всего до 660 малых и великих храмов. Из числа этих храмов только один во имя св. Саввы Сербского, один во имя св. Иоанна Рыльского и два во имя св. Митрофана. В настоящее время иконописью занимаются русские и греки. Русские не так тщательны в отделке, но более прилагают старания о рисунке и значении изображения.

Святые славянские просветители или апостолы: Кирилл и Мефодий, Савва, Ангелярий, Горазд, Климент, Наум. Изображения их находятся в монастыре Св. Наума, на возвышении, почти у самой юго-восточной оконечности Охридского озера.

Охрида с IX столетия получила историческое значение. В ней совершались труды сподвижников Кирилла и Мефодия.

В монастыре Св. Наума всего-навсего один монах, он же и игумен. Дело в том, по мнению Григоровича, что здешние монастыри отдаются как бы в аренду и в пожизненную собственность тому, кто возьмется платить митрополиту и казне урочную сумму.

Бабунь или Богомилы. – Старинная религиозная секта. *Гора Бабун. Город Белее, т. е. Кюпрали.* Тут Григоровичу была худая встреча – и дотоле *неиспытанное явное поругание имени его.* Лошадей его толпа столкнула с моста в реку.

Монастырь *Св. Иоанна Рыльского*, отличающийся порядком и преподаванием греческого, славянского, болгарского языков и Церковной Истории под руководством отца Неофита.

* * *

С 4-го числа вечером дипломатические сношения наши с Портой прекращены. Радзивилл отправился на пароходе 5-го, в 5 часов утра.

В рескриптах употребляется у нас выражение совершенно неправильное и представляющее превратный смысл. Например: «долговременная служба ваша постоянно сопровождалась опытами неутомимой и полезной деятельности» То-то и беда, что у нас все делают опыты.

* * *

В рескрипте ***, *по собственноручном* возложении на него ордена Св. Андрея, сказано: «передавая наши повеления *со всею точностью и быстротой*».

* * *

С.-Петербург. 29 апреля 1851

Жуковский в письме к Плетневу говорит: «*Хвала света* есть русалка, которая щекотаньем своим замучивает хохотом до смерти».

Книжка 14. (1850, 1852, 1861)

Константинополь, 7 апреля 1850

Нет мне удачи на море: если не своя беда, то чужая навяжется. Мы плыли благополучно и скоро; но пароход Триестский, с которым мы должны были встретиться в первую ночь, не попался нам. Наш капитан озабочен был мыслью, что с ним сделалось. Мы прошли мимо островов... у которых стояла французская эскадра во время размолвки нашей с турками. Подалее, не доходя до острова Митилена, стоят скалы в море и мель. На нее наткнулся Триестский пароход и пробился о камни. Мы пошли ему на выручку вместе с английским пароходом, который вместе с нами плыл в Смирну, но все усилия были напрасны. Английский пароход очень ловко действовал, лучше австрийского. Капитан наш решился остаться тут до утра, чтобы пересадить пассажиров и в случае непогоды помочь кораблю, в котором открылась течь.

Волнение и ропот между турецкими пассажирами. Турецкий чиновник Бей сердился и требовал, чтобы к вечеру, по условию, доставили его в Смирну. Солдаты и черный народ говорили, что они взяли съестные припасы до вечера. Жиды и переметчики приходили сказывать, что ночью солдаты собираются сделать *революцию*, если не отправятся. К утру пересадили к нам около двухсот пассажиров, и в 7 часов подняли мы якоря. Таким образом на одном и том же пароходе

и в одно и то же время были люди плывшие из Смирны и плывшие в Смирну.

Остров Митилен. Красивое местоположение, крепость на возвышении и дачи на морском берегу. Все усажено масличными деревьями довольно высокими. От жестокости нынешней зимы они много пострадали. Бросили якорь в Смирнской гавани часу в 4-м пополудни, в понедельник 10 апреля. Остановились в лучшей гостинице, довольно плохой – Les deux Augustes. Улица Франков – довольно красивая улица с хорошими домами. Кофейная на берегу моря La bella vista. В числе наших пассажиров смуглый дервиш, род турецкого юродивого.

11-е. Дождь. Нельзя гулять. Парохота австрийского в Бейруте нет. Все пошли на выручку погибшего товарища, и мы сидим на мели. Скучно. Не читается, не разговаривается. Всякое новое место, пока к нему не привыкну, возбуждает во мне не любопытство, а уныние. Шатобриан, заметки о Смирне, извлечение из Choiseul. Недоумение: не отправиться ли с английским пароходом! Австрийская компания не возвращает нам денег, уплаченных до Бейрута. Несправедливо, потому что несчастье случилось не с нашим пароходом и не с тем, на котором должны мы были отплыть, следовательно, нет законной причины держать нас.

12-е. Мы все еще в Смирне. О пароходе нет ни слуху, ни духу. Многие дома, в квартале франков, особенно греческие, могут, вероятно, дать понятие о строениях, которые были в Помпее. Чистые сени с мраморным полом или камушками белыми и черными наподобие мозаики (камушки эти привозятся из Родоса); за стенами вымощенный двор, потом садик, убранный лимонными и померанцевыми деревьями; далее терраса на море. Все очень чисто и красиво. Все лестницы и коридоры устланы коврами.

Дома здесь строятся, как в Пере, деревянными рамами, которые обкладывают глиной и камнями, свех штукатурка; а иные дома обложены мрамором; почти все дома в беспорядке в отношении к мебели. Вследствие многократных землетрясений, бывших в течение месяца, в опасении новых — многие жители даже выехали из города. Дома напоминают Помпею, а может быть, та же участь угрожает и Смирне.

Вчера был я у нашего консула Иванова. Он здесь уже 19 лет, любитель древности. У него несколько мраморных бюстов, обломков замечательных. Кажется, тихий и малообщительный человек.

Базар меньше Константинопольского. Дом еврея Венямина Мозера, русского подданного. Навязавшийся на меня чичероне, жид, чтобы похвастать своим соплеменником, водил меня туда. Большой, даже чистый дом, с прекрасным видом. Хозяина не было дома, но меня в нем приняли и угощали три женские поколения. Жена сына, Султана, красавица,

белокурая жидовка; вышла замуж 11 лет, теперь ей 14 и, кажется, беременна. Кофейная перед садом. Тут, по вечерам, сходятся сидеть и гулять.

В Квартале Франков есть улица Роз, не знаю, почему так названная, но я не видал в ней ни роз на ветках, ни роз в юбках. Турчанки закрывают здесь лица черным покрывалом. Вечером были мы в кофейной, на берегу моря, *La bella vista*, музыка. Под эту музыку греческие мальчишки, рыбаки, импровизировали довольно стройные скачки.

Сегодня был опять на базаре, потом ездил я с баварским нашим спутником бароном Шварцом, на ослах, на Мост Караванов на Мелесе, реке, известной Гомеру. По этому мосту проходят все караваны верблюдов, идущие из Малой Азии, но при мне не прошло ни одного верблюда, также не видал я на улицах ни одного Смирниотского женского костюма, о котором так много слышал. Но красота Смирниоток не вымыслена, на улицах много встречаешь красавиц.

Местоположение Моста Караванов красиво. Мелес льется с шумом. Кладбище с высокими кипарисами, вдали горы. Вообще все города на Востоке – ряд кофейных, торговых лавок и кладбищ.

Здесь паша Галиль, которого мы, кажется, видели в Москве у Дохтуровых, говорят, человек деятельный и благонамеренный. Он назначен сюда или сослан сюда потому, что считается приверженцем русских, женат на сестре султана и удален из Константинополя влиянием Решид-паши.

В Самосе было на днях большое кровопролитие. Жители недовольны управлением Вогоридеса или его поверенных и просили о перемене его. Недовольных взяли под стражу, несколько сот человек пришли из деревень просить об их освобождении. Их встретили выстрелами, они на них тем же отвечали. Завязалась драка. Турецкого войска было около 2000. Самосцы ушли в горы. Турки бросались в греческие дома и начали резать все, что ни попадалось: женщин, детей; ворвались в церкви, разграбили их, повыкидали все образа. Мустафа-паша, адмирал, командующий войсками, отправился в Константинополь с некоторыми из зачинщиков Самосских. Одна часть недовольных сдалась, но другая все еще требует смены Вогоридеса.

Вогоридес покровительствуем Решид-пашой и, пользуясь этим покровительством, отягощает народ большими и незаконными поборами. Кажется, должен он вносить в казну до 400 000 пиастров, а собирает с него более двух миллионов.

Ничего нет скучнее и глупее, как писать или диктовать свой путевой дневник. Я всегда удивляюсь искусству людей, которые составляют книги из своих путешествий. Мои впечатления никогда не бывают плодовиты, и особенно не умею я их плодить. Путешественнику нужно непременно быть немного шарлатаном.

Схимонах Кирилл монастыря Св. Саввы – отставной унтер-офицер лейб-гвардии егерского полка. В монастыре с 1842 года. Имеет прусский крест – настоящий крестоносец

древних времен. С жаром говорит о Кульмском сражении. Добрый и простой старик.

На острове Родос замечательна улица Рыцарей, в которой хорошо сохранились древние здания с гербами, девизами и пр. Ныне гнездятся в них турки. Мы заходили в сад турка, который при нас наблюдал за работами в своем саду. Прекрасные померанцевые деревья и самый здоровый климат. Жители долголетны. На острове Кипре город Ларнака, нас тут приняли очень радушно и духовенство, и светские жители, вероятно, и потому, что из Смирны были мы на пароходе с кипрским жителем, который отрекомендовал нас своим соотчичам. В особой записке значатся имена всех лиц, с которыми мы, в течение трех или четырех часов, познакомились и подружились.

Духовенство монастыря Св. Лазаря, который, по воскресении своем, жил и умер на острове Кипре, подало мне записку об исходатайствовании им дозволения звонить в колокол. При входе моем в монастырь в колокол звонили, но просили меня, на всякий случай, если турецкое начальство будет взыскивать за это нарушение общего постановления, сказать, что я привез этот колокол в дар монастырю и сделан был нами один опыт.

В Ларнаке нашел я греческого архимандрита, который был в Петербурге и показал мне письмо к нему князя Александра Николаевича Голицына, и я узнал в нем почерк Александра Тургенева.

Кипр – одно из самых жарких мест. В последних числах апреля местами жатва была уже окончена, а местами еще продолжалась, но климат, сказывают, нездоровый. Яффа окружена садами апельсиновыми.

Иерусалимский паша сказывал мне сегодня, мая 4, что жителей в Иерусалиме около 30 тысяч и что на Пасху пришло в нынешнем году до 30 тысяч поклонников христиан и мусульман. Мусульмане в то же время приходят на поклонение мнимой Моисеевой гробнице вблизи Иерусалима. Это мусульманское богомольство учреждено, кажется, с недавнего времени, чтобы на время необыкновенного стечения христиан в Иерусалим усилить мусульманское народонаселение: ибо турки все боятся, что христианские поклонники когда-нибудь да овладеют Иерусалимом.

Гефсимания. У Матфея: «И воспевше, изыдоша в гору Елеонску» (26, 30). «Тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую Гефсимания» (26, 36).

У Марка: «И воспевше, изыдоша в гору Елеонскую» (14, 26). «И приидоша в весь, ейже имя Гефсимания» (14, 32). Вообще многое в последних главах Марка повторение, и почти слово в слово, сказанного Матфеем.

У Луки: «И изшед иде по обычаю в гору Елеонскую: по нем же идоша ученицы его. Быв же на месте (каком – не сказано), рече им: молитесь... И сам отступи от них яко вержением камне, и поклон колена моляшеся» (22, 39 – 41). О Гефсимании не упоминается.

У Иоанна: «И сия рек Иисус, изыде со ученики своими на он-пол потока Кедрска (темный), идеже бе вертоград, в оньже вниде сам и ученицы его. Ведяше же Иуда предайя его место: яко множицею собирашеся Иисус ту со ученики своими» (18, 1 – 2).

Латины показывают одно место, где молился и страдал Спаситель, а греки другое. Вообще главная местность хорошо обозначена Евангелистами; но жаль, что хотят в точности определить самое место, самую точку, где такое-то и такое-то событие происходило. Тут определительность не удовлетворяет, а напротив, рождает сомнение.

Сад Гефсимания ныне заключается в небольшом участке земли, обведенном каменной оградой. На нем растут восемь весьма древних масленичных деревьев. Они за несколько лет перед сим куплены латинами. Разделяется он на два уступа: на верхнем четыре маслины и на нижнем четыре. Перед входом в ограду налево образован огороженный камнями род закоулка. Тут, по преданию, сохранившемся у греков, молился и страдал Спаситель. Предание основывается на словах: *яко вержением камене*. Перед этим местом показывают в скале камни, на которых уснули Апостолы. У латинов место моления и страдания Христа отстоит от сада гораздо далее и ниже, в *пещере* (в Евангелии не упоминается о пещере). Но, вероятно, Гефсиманский сад расположен был на пространстве более обширном, нежели то, которое он ныне занимает – и тогда все объясняется и согласуется, особенно

же, если принять в соображение другие наименования, данные Евангелистами этой местности: *весь, в гору Элеонскую*. Очевидцы не определили с математической точностью места события, а мы по преданиям хотим все привести в математическую известность и все размерить по вершкам.

Места *Голгофы и Гроба Спасителя* могут быть также спорными пунктами. Иоанн говорит: «Бе же на месте, идеже распяся, верт и в верте гроб нов, в немже николиже никтоже полоджен бе» (19, 41). Это место, которое мне всегда казалось невразумительным, объясняется тем, что в древности *гробы*, то есть место, куда складывали трупы, были всегда иссечены в скале, а не отдельные гробы, как ныне; кажется, и теперь здесь не употребляются гробы, а трупы просто зарывают в землю.

Во многом рождает сомнение малое расстояние, отделяющее Голгофу от сада, в котором погребен был Христос. Иоанн двукратно определяет местность садами: *сад* Гефсиманский и *сад* погребения. Впрочем, далее слова Иоанна «Яко близ бяше гроб, положиста Иисуса» (19, 42) могут придать вид вероятности, если не достоверности, мнению, что местности определены безошибочно. Но все эти спорные пункты должны быть поглощены общей истиной местности и не могут поколебать веру и удостоверение и убеждение, что рассказ Евангелия не подлежит сомнению, и в главных частях своих сообразуется с местностью, которую видим и ныне. Сажению ли ближе или далее – не в том дело, а потому

и желал бы я менее топографической определенности.

По мне также жаль, что место казни и погребения застроены храмом. В своем первобытном, в природном виде были бы они величественнее и поразительнее, но и то правда, по замечанию одного латинского монаха, с которым встретился я за стенами Иерусалима, что если эти места не защищены были бы зданием, то от них не осталось бы следа, от влияния непогод и набожных похищений поклонников, которые в продолжение нескольких столетий совершенно очистили бы и сгладили их с лица земли.

Признаюсь откровенно и каюсь, никакие святые чувства не волновали меня при въезде в Иерусалим. Плоть победила дух. Кроме усталости от двенадцатичасовой езды верхом по трудной дороге и от зноя я ничего не чувствовал, и ощущал одну потребность лечь и отдохнуть. Но шум и вой нескольких тысяч поклонников, который раздавался под окнами, только что умножали мое волнение, кровь кипела, и нервы мои более и более приходили в раздраженное и болезненное состояние. Но все обошлось благополучно.

Я пошел в храм. Наместник повел меня к Гробу Господню и на Голгофу. Я помолился, возвратился в свою келью, лег на кровать и проспал часа два или три. Тут проснулся, встал и пошел к заутрене.

Я не имею в черепе своем *шишки распорядительности*. У меня только одни те шишки, которые валяются на бедного Макара. А шишка распорядительности великое дело в жиз-

ни, а особенно в путешествии. Я не умею распоряжаться часами, моими чтениями, прогулками etc. Все это не приводится мною в стройный порядок, а мутно и блудно расточается. Основа поминутно рвется.

Другой еще важный недостаток для путешественника. близорукость. В зрении моем ничего ясно не отражается. Многое вижу я кое-как, а многое верю на слово другому. Третий недостаток – отсутствие топографического чувства. Не умею глазом хорошо обнять и понять какую бы ни было местность. План дома, план города для меня тарабарская грамота. Не знаю ни в Москве, ни в Петербурге, что лежит к северу, что к югу, а тем паче в городе новом, с которым я не успел еще ознакомиться. Вообще в моей организации есть какая-то неполнота, недоделка, частью, вероятно, природные, а частью и злоприобретенные худыми навыками и пагубной беспечностью³.

В долине близ Силоама довольно растительности и зелени. Земля обработана. С Элеонской горы весь Иерусалим расстилается панорамой. Наверху под зданием показывают след левой стопы Спасителя, запечатлевшийся на камне ска-

---

³ В этих пунктах заключается, вероятно, начало болезни, которой ныне стражду (Париж, 21 декабря 1851 г.). Неужели, в самом деле, Иерусалим привел меня в Париж, то есть, по мнению некоторых врачей, поездка на Восток и деятельная там жизнь слишком возбудила мои нервы, а по возвращению в Россию они упали и ослабли от однообразной и довольно ленивой жизни. Во всяком случае, больно, что не из Парижа попал я в Иерусалим. Уж лучше занемочь Парижем и исцелиться Иерусалимом, нежели делать попытку наоборот.

лы. След правой стопы будто хранится в мечети Омаровой. Норов говорит, что он ее видел. Мудрено, чтобы в Евангелиях ничего не было сказано об оставшемся следе, или оставшихся следах Спасителя. Вообще в Евангелии всегда глухо и неопределенно означаются местности, а в подробности и с точностью исчисляются события, деяния и слова.

В боговдохновенных книгах таковая разность не может быть случайная и с нею должно бы согласоваться, не заботясь по человеческим преданиям и наугад обозначать достоверно, где именно происходило то или другое, когда очевидцы и боговдохновенные летописцы не почли нужным оставить нам подробную карту с ясным означением места событий. Довольно, что главные, общие местности не подлежат сомнению. Скептицизм оспаривающий и неуместная историческая критика, опровергающая святыя предания, – в этом деле наука бесплодная. Но и дополнительные сведения, коими путешественники селятся будто подкрепить святость и истину Евангелия, не только излишни, но более вредны, чем полезны. Зачем призывать суеверие там, где вера может согласоваться с истиной убеждения? Зачем давать повод к спорам, прениям, опровержениям, прилепляясь к частностям?

Нет сомнения, что Иерусалим нынешний стоит на том же месте, где стоял древний; что главные окрестности его, упоминаемые в Евангелии, те же. Все это очевидно, следовательно, и главная сцена Евангельских событий пред нами. А о том, что в Евангелии не сказано, то, что в Евангелии не

обозначено, того и знать не нужно. Опровержения Робинсона и дополнительные указания Норова равно суетны и ничтожны.

После физических и людских переворотов, испытанных Иерусалимом, от древнего города осталось разве несколько камней, и те, может быть, с прежнего места перенесены на другое. Пока не очистятся наносные груды камней, пепла и земли и не изроют почвы вокруг Иерусалима для отыскания следов древних стен и зданий, ничего не только положительного, но и приблизительного об объеме древнего города знать нельзя. Но входит ли эта реставрация в виды Промысла Божия? Это другой вопрос.

Недаром Господь признавал Иудею своей землей, Иерусалим своим городом отдельно и преимущественно пред другими краями земли, которые также дело рук Его. Нельзя сомневаться, что и ныне и до скончания веков город этот будет особенно избранным местом для проявления воли Его и судеб. Как изъяснить иначе владычество неверных в Святых местах, равнодушие к тому христианских правительств, которые спорят о Шлезвиге и Голштинии, когда Гроб Спасителя нашего в руках турков? Видимо, того хочет Бог – до времени, а пред ним «Един день яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един».

К тому же посетившему здешние места является истиной, хотя и грустной, но неоспоримой, что при нынешнем разделении Божиих церквей и при человеческих страстях и раз-

дорах, которые еще более возмущают и отравляют это разделение, владычество турков здесь нужно и спасительно. Турки сохраняют здесь по крайней мере видимый, внешний мир церквей, которые без них были бы в непрерывной борьбе и разорили бы друг друга. Здешний паша, в случае столкновений, примиритель церквей. Именем и силой Магомета сохраняется если не любовь, то по крайней мере согласие и взаимная терпимость между чадами Христа.

Освобождение Гроба Спасителя из рук неверных – прекрасная, благочестивая мечта, но на месте убеждаешься, что она не только несбыточна, но и нежелательна – разумеется, также до поры и до времени, а эта пора – тайна Бога. Сюда также относится, хотя и косвенно и частно, вопрос о владычестве турков в Царьграде; и изгнанию их из Царьграда пора еще не наступила. Случайное, насильственное преждевременное изгнание их было бы событие бесплодное, и более пагубное, нежели благотворное.

Одна только и есть довольно широкая и очень чистая улица в Иерусалиме, а именно та, которая окружает Армянский монастырь у Сионских ворот. В монастыре я еще не был, но, рассказывают, и он содержится в большом порядке и очень богат. По ту сторону улицы сад и довольно большое место, обсаженное маслинами. Надобно отдать справедливость армянам. И в грязной Пере армянская церковь и большой двор, окружающий ее и вымощенный каменной плитой, отличаются особенно и почти исключительно чистотой. Тут у меня

много безымянных друзей, для которых я безымянное лицо. Проходя мимо, я всегда раздавал несколько пиастров бедным, которые сидят под воротами. Одна старуха из них всегда приветствует меня ласковыми знаками и, вероятно, благодарным словом.

9 мая. Вчера были мы в латинском храме у вечерни, праздновали Пятидесятницу (у латинов празднуется здесь она три дня) и возвращение папы в Рим. Латинский монах читал проповедь на арабском языке перед сорока или пятьюдесятью арабами и арабками и торжественно радовался с ними, или, вернее, за них, вступлению папы в свой город и в свои права. Что о том думали арабы, известно одному Богу.

Монастырь очень богат церковной утварью. Много золота и серебра и драгоценных камней, и много изящности в отделке. Служба совершалась с большим благочинием, и арабы, столь шумные и дикие в православии, здесь тихи и слушают службу в молчании и с благоговением, – по крайней мере так сужу по виденному мною. В церкви показали нам на двух молодых оксфордских англичан, кажется, из духовного звания, которые обратились нынешней весной здесь в римское вероисповедание. Православие здесь мало расширяется. Греческое духовенство жалуется на происки латинов и протестантов, но, Господи, прости мое согрешение, кажется, должно бы оно было более на себя жаловаться. Здесь нужно было бы непременно основать русский монастырь с прилич-

ным службе нашей благолепием, с певчими и пр.

Все иностранцы вопиют о происках наших на Востоке, о властолюбии, духе господства; а мы и мизинцем не упираемся на Востоке. Вся забота о маленьких, дипломатических победах, которые остаются в архивах и на бумаге, а на народонаселение не изливаются. У всех держав здесь есть церкви, училища, больницы, странноприимные дома, монастыри, рассеявшиеся по всему Востоку, а у нас ничего этого нет. А может быть, и то, что мы именно сильны здесь отсутствием своим и желанием некоторых, чтобы мы явились. Преждевременным явлением мы, может быть, утратили бы силу, которую облакают нас упования и православные ожидания. Но все не мешало бы и нам иметь в надлежащих мерах, без притязания на первенство, христианский голос на земле, отколе пришло к нам христианское учение.

Я познакомился сегодня с отцом Анфимием, бывшим секретарем и библиотекарем. Ему более 70 лет. Он слаб на глаза и на ноги. О нем с большим уважением упоминается в восточной переписке Мишо, но ошибочно назван он там секретарем du prince Ipsilanti (следовательно, Александра), а Анфимий, до вступления в монашество, находился при дяде его, который, кажется, казнен был в 1807 году. Он сказывал мне, что едва ли не обратил он Мишо в православие. На слова Мишо, что папа должен быть непогрешим потому, что он живое и непрерывное продолжение Апостола Петра, «Пожалуй, и так», – отвечал ему Анфимий, но и сам Петр под-

вергался три раза греху: во-первых, когда он начал *пререцати* Христу и Христос сказал ему: «Иди за мною сатано; яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая» (Матф., 16, 22 – 23). Слова, которые кстати можно применить мирским и честолюбивым притязанием папезства; во-вторых, когда он три раза отрекся от Иисуса; и в-третьих, по несогласиям своим с Апостолом Павлом.

По мнению отца Анфимия, слова Иисуса: «Блажен еси, Симоне» и пр. (Матф., 16, 17) не могут исключительно относиться к одному Петру, а относятся ко всем Апостолам. Христос спрашивает учеников своих: «Вы же кого мя глаголете быти»? Петр отвечает один, но за всех, «ты еси Христос Сын Бога живого» (Матф., 16, 15 – 16), как и теперь, когда в школе учитель задает вопрос ученикам, то один отвечает, а не все отвечают вдруг. Христос не сказал: «Ты же, Симон, за кого меня принимаешь?» А сказал *вы*, обращаясь ко всем ученикам. И ответ должен быть признаваем от всех. Слова: «На сем камени созижду церковь мою» (Матф., 16, 18) должны относиться не к лицу Петра, а к вере, которую он с другими Апостолами исповедует, что посланный им есть Христос, Сын Бога живого. Впрочем, нельзя не жалеть, что буквально разбирают смысл Евангелия. То же делают наши раскольники и заводят уродливые ереси на основании того или другого текста. Если держаться буквального смысла, то латине правы; но почему папа есть прямой наследник Петра?

11 мая. Вчера ездил я в монастырь св. Иоанна в горнем граде Иудове, прекрасный и великолепный монастырь. Стены, с верху до низу, обвешаны малиновым штофом. Должно отдать справедливость, что латине содержат монастыри и церкви в большой чистоте и отличном порядке. Это *дом Божий* в полном смысле слова. Монахи входят в него тихо и с благоговением и говорят вполголоса; францискане, которых мне случилось здесь видеть, люди все более или менее образованные, добродушные и приветливые, духом ясные и веселые – но веселость их не сбивается на пошлость и буфонство, а более служит знаменем здоровья и спокойствия души и тела.

В монастыре св. Иоанна всего десять монахов, большей частью испанцев. Настоятель, кажется, патер Викентий – испанец. Нет ему 40 лет, а уже более 20 лет монашествует. Норров жалуется, что ему в монастыре не оказали никакого приветствия, но зачем же он не хотел следовать принятому обычаю и заpastись рекомендательным письмом от Иерусалимского монастыря?

На месте рождения Крестителя мраморные барельефы с изображением из жизни Иоанна, отличной работы. Нельзя без умиления видеть богатства и художественные произведения, расточенные по здешним пустынным храмам, особенно латинским. Тут является не суетность создателей храма и благолепия их, но одна набожность, одно боголюбивое поклонение. Перед кем красуются эти великолепные памятники

ки? Перед дикими арабами, не постигающими цены являющихся им богатств. Большая часть из посвятивших богатства свои Божьему дому не видали этого дома и не имели суетного наслаждения любоваться делом и приношением рук своих. Пожалуй, реалисты и позитивисты скажут, что можно было на лучшую, более богоугодную цель употребить эти миллионы и миллионы. Но едва ли?

Впрочем, и при Иисусе были уже позитивисты и экономисты, которые осуждали женщину, которая без пользы истратила на 300 динариев мирра и вылила его на главу Спасителя. Но что сказал им Иисус: оставьте ее; что вы ее смущаете? Она сделала что могла (то есть *как умела*). «Аминь глаголю вам: идиже аще проповедано будет Евангелие сие во всем мире, речется, и еже сотвори сия, в память ея» (Матф., 26, 13). Эти слова для меня в высшей степени торжественны и умилительны. Мало, что в Евангелии так проникает душу мою насквозь убеждением в святой истине его, как эти слова, так сказать вставочные, простые. Скорее ум мой запнется в принятии за истинное событие какого-нибудь чуда; но эти слова не могли не быть сказаны, и случай, к которому они применяются, не мог не быть таковым, как он рассказывается. Тут нет притчи, иносказания. Это – истина во всей своей простоте и убедительной прелести.

За селением Иоанна водоем, по преданиям – источник, куда Дева Мария приходила за водою, когда гостила у Елисаветы. Подальше развалины в горе монастыря, построенного на

месте, где жил Захария и жена его Елисавета и где она сказала пришедшей Марии «благословенна Ты в женах» (Лук., 1, 42). Вокруг селения земля хорошо обработана. Хлебные поля и огороды, снабжающее Иерусалим овощами. Деревья, зелень, виноградники. Долина теребинтовых деревьев.

По приглашению араба Степана (римско-католического исповедания) заходил к нему в дом пить кофей. Комната довольно большая и опрятная. Две дочери. Женщины носят здесь на голове род кички, составленной из монет, плотно и в несколько слоев связанных вместе; кичка обвешена золотыми монетами, которые падают на лоб. Кичка дочери Степана нанизана 1500 пиастрами. Есть и древние и, вероятно, редкие медали. Наш наместник называет Степана восхитителем русских. Он хочет сказать *похитителем, грабителем*, потому что Степан занимается отделкою образов, крестов, четок, которые за дорогую цену продает русским поклонникам.

На возвратном пути заезжал в греческий монастырь Святого Креста. Есть место, на котором, по преданию, срублено было древо, из коего сделан был крест для распятия. По преданиям, крест, на котором распят был Спаситель, состоял из троякого дерева: кипариса, кедра и *невка* (певк – род кедра). Большое дерево *невк* растет пред окнами нашими в саду патриаршем. По тому же преданию, Лот, согрешив с дочерьми, покался в том Аврааму, который, взяв три головешки из печи, отдал их ему и сказал: посади их в землю, поливай их каждый день водою Иорданскою, и если они разрастутся, то

это будет знамением, что Господь отпустил тебе твой грех. Лот так и сделал: каждый день ходил на Иордан за водою, и три разнородные головешки разрослись в одно дерево, которое послужило после для сооружения креста. Мишо говорит, зачем бы ходить было далеко, когда ближе кругом Иерусалима везде росли маслины. Отец Прокопий говорит, что, по преданию, дерево было давно срублено для постройки Соломонова храма и брошено было как неудобное и негодное для дела, а тут вспомнили о нем и пригодилось оно.

Монастырь Святого Креста основан грузинами, расписан довольно безобразно. Пол из мозаики; говорят, обгаренный кровью монахов, побиенных турками. У монастыря роща маслин. Вчера нашел я в ней протестантского епископа с семейством. Дорога в горний град, разумеется, гористая, как, впрочем, и везде в здешней стороне. И когда ехавши видишь пред собою путь, загражденный огромными камнями над пропастью, не понимаешь, как тут проедешь. Беда, если захочешь умничать и быть умнее лошади своей. Не правь ею и отдайся ей в управление. Она отыщет лазейку и проберется, вцепляясь в камни, как когтями, обходя камни, где не можно перешагнуть их, – заметно, как она на ином месте задумается, как бы пройти повернее и, решившись, уже идет себе вперед. Как во многоглаголании несть спасения, так и во многовидении. По мне, лучше хорошенько осмотреть замечательнейшие места, сблизиться с ними, привыкнуть к ним, – ибо в привычке есть любовь, – нежели на лету многое осмотреть

и ни к чему не иметь времени прилепиться сердцем.

В монастыре Св. Креста только и есть игумен и один монах. Вообще, с монастырями здесь сбывается: много званных, да мало избранных. Много остается пустых мест. В старину было в них тесно от множества иноков и богомольцев. Теперь только во время Пасхи бывает большое стечение народа, да и то, вероятно, можно считать сотнями, что прежде считалось тысячами. Латинское монашество составлено здесь почти из одних итальянцев; испанцев, французов, кажется, вовсе нет; несколько немцев. В православном монашестве все почти греки с примесью нескольких славян и русских. В наше время завести бы здесь какую-нибудь обширную мануфактуру, она привлекла бы много переселенцев. Но обрабатывание жатвы Господней не возбуждает деятельности века.

Я писал Павлуше с описанием нашей Елеонской прогулки.

12 мая. Сегодня слушали мы на русском языке обедню на Голгофе за упокой наших родных и приятелей и панихиду: родителей наших Андрея и Евгения Вяземских, Феодора и Прасковии Гагариных; сестры моей Екатерины Щербатовой и мужа ее Алексея; Василия Гагарина; детей наших: Андрея, Дмитрия, Николая, Петра, Прасковьи, Надежды и Марии; Николая Карамзина и сына его Николая, Бориса Полуектова, Василия Ладомирского, Феодора Четвертинского,

Ивана Маслова, Дениса Давыдова, Николая Кузнецова, Федора Толстого, Михаила Орлова, Ивана Дмитриева, Юрия Нелединского, Евгения Баратынского, Александра Пушкина, Александра Тургенева, Алексея Михайловича Пушкина, жены его Елены, Василия Львовича Пушкина, Матвея Сонцова, великого князя Михаила, Дмитрия Васильевича Дашкова, Федора Нащокина, Иоанна Недешева – духовного отца жены моей, Петра Полетики, Александра Муханова, Диомида Муромцова – нашего управляющего, Александра Тизенгаузена, умершего в Константинополе, Марии Нессельроде, Эмилии Пушкиной, Александры Шаховской.

Слушая обедню на таком священном месте, все как-то не так молишься как бы молился, будь здесь стройное служение и стройное пение нашей церкви. Внутренние чувства поневоле подвластны внешним, по крайней мере в тех из нас, грешных, у которых душа не совершенно поборола плоть. Вам недостаточно внутреннее и самобытное достоинство святыни; вам нужно еще видеть ее облеченной в изящность формы. Поразительны слова: «Помяни мя, Господи, во царствии своем». Слова всегда поразительные простотой своей и прямым обращением к цели каждого христианина, когда внимаешь им близ того самого места, где они были впервые сказаны кающимся разбойником. Хотелось бы удостоиться и услышания ответа: «Днесь со мною будеши в раи». Но и одна молитва эта, пока и безответная, имеет особенную сладость и обдает душу успокоительным ожиданием

и надеждой.

Меня всегда здесь особенно поражает и символ веры. Эта сокращенная биография Спасителя на месте, ознаменованном великими событиями жизни его, совершенными им для каждого из нас, не на время, как все величайшие события в истории человечества, но на вечность.

Здесь духовенство и вообще все христиане и мирные жители отзываются с большой благодарностью о владычестве в здешнем крае Ибрагима-паши. Он укротил разбойничество бедуинов, разорил многие их скопища и гнезда, как, например, Иерихон, избавил монастыри от насильственной подати, собираемой с них бедуинами, которые до него многочисленными толпами окружали монастыри и угрожали им разорением, пока не приносили им требуемого выкупа. Восстановление им тишины и порядка еще сохраняется в здешней стороне, и турки не успели, своим худым управлением и беспечностью, водворить прежний беспорядок и безначалие, а европейская политика, вооруженной рукой, выгнала Ибрагима из мест, в которых под его сильной рукой отдыхали христиане и наслаждались миром. Нет сомнения, что Ибрагим-паша, чтобы угодить европейским державам, еще более обеспечил бы состояние церквей и христиан и особенно Иерусалима. Но христолюбивое воинство проливало кровь свою не за право церкви, а за нерушимость и целость прав Корана, пророка и преемника его. Вот как в нашем веке понимают крестовые походы.

Христианские цари радовались и торжествовали, видя, что победа даровала им возможность снова и сильнее прикрепить Гроб Господень к рукам неверных, когда он, казалось, освобождался из них. И никому из царей не пришло ни в голову, ни в сердце воспользоваться этим междоусобием и распадением царства Магомета, чтобы отторгнуть из среды его участок земли, обогрени кровью Спасителя. Подите, постарайтесь завладеть мечетью Эюба или Омара, или только войти в нее, и все население восстанет, чтобы оградить святыню от нечистого прикосновения гяура. Разве христианство слабее магометанства? И отвечать на это нечего, но, видно, не приспели, не созрели Судьбы Божии, нам нельзя объяснить это равнодушие христианских держав в виду поруганной и плененной святыни.

Мишо говорит, что когда во время Египетского похода предлагали Бонопарту посетить Иерусалим, он отвечал, что *Иерусалим не входит в его операционную линию*. Политика доньше то же самое говорит. Теперь возится и колышется житейская, земная, человеческая дипломатика. Придет время и высшей дипломатике, время дипломатике Промысла Божьего. Это не мистицизм, но простая истина.

Нельзя не признать, что в истории человечества есть события, предоставленные произволу человека, и более или менее зрелые плоды этого произвола, но все малонадежные и недолговечные, а являются изредка другие события, в которых, так сказать, отзывается рука Божия, которые запечат-

лены прикосновением ее и остаются целыми и невредимыми посреди человеческих смут и общих переворотов. Первые события, как дело рук человеческих, после определенного срока жизни, обращаются в прах, в землю, как и сами производители их. Другие сохраняются мощами, и нетленная живоносная сила их – побеждает время и смерть. Мир, по слепоте своей, может не признавать их, но избранные, но верующие, но сыны Божии видят на них благодать Господню и поклоняются им в ней и ей в них.

Например, возьмите восстановление Греции. Оно плод вспышки воли человеческой – и зато как оно незрело! Все эти потоки крови, великодушно пролитой на почве ее, не приготовили благословенной жатвы. Чем все это кончилось? Неестественным и уродливым наростом: худо утвержденным престолом, на который европейская политика возвела слабого германского принца, даже и не единоверного с племенами, которые дрались и гибли за святость своего вероисповедания. Что ни говори, а тут заметно отсутствие руки Божией. Все это сшито на живую нитку, а хитон Христа цельный: *свыше исткан весь*.

Иерусалимский греческий патриарх Кирилл теперь в Константинополе, где я его видел. Наместник Мелетий, митрополит Петры Аравийской. Обыкновенно называют его здесь *Св. Петр*. Титул *святой* дается здесь всем архиереям. Отец Прокопий из болгар, бывший управляющий Иерусалимскими имениями в Бессарабии, а теперь здешний cere-

мониймейстер. Отец Феофан – камараш, то есть род ключа-ря ризницы и при патриархе. Отец Вениамин из Херсонской губернии, служит обедню на русском языке в Екатерининском женском монастыре. Отец Иосиф, из сербов, при Гробе Господнем, также служит на русском языке. Анфимий – секретарь патриархии. О нем говорит Мишо и русские путешественники. Ученый Дионисий, Вифлеемский митрополит, из болгар, говорит по-русски. У него гостил при нас архимандрит Синайский. Иеромонах Аввакум – старший в монастыре Св. Илии. Монах Даниил – старший в монастыре Св. Креста. Там живет на покое архимандрит Иоиль, ученый. В монастыре Св. Екатерины – Серафима, родня Орловой по Ломоносову, Анна Ивановна, из Сербии.

12-е. Вчера у английского консула Finn, чтобы праздновать день рождения королевы английской. Был же случай в Иерусалиме обвязать шею белым платком – впрочем, я надевал уже белый платок в день причащения, – прилепить звезду и надеть на руки желтые глянцевиные перчатки.

Когда пришел я в девятом часу, консула не было дома. Меня встретила молодая жена, довольно свободно изъясняющаяся по-французски. Консул должен был после обеда отправиться в монастырь Св. Илии, на выручку соотечественников, которых арабы не выпускали и осаждали в монастыре. Несколько англичан на возвратном пути из Вифлеема остановились у Св. Илии. У одного из них, когда он сходил, или

падал с лошади, пистолет нечаянно выстрелил и легко ранил дробинками в ногу молодого араба. Поднялся шум и гвалт. Настоятель монастыря ввел англичан в церковь и запер ее, а между тем дал знать о случившемся в Иерусалим. Отправились несколько людей из Патриархии, несколько конных солдат из турецкого гарнизона и консул со своим доктором. Из соседней арабской деревни сбежались и съехались верхом вооруженные, как и всегда, бедуины. Они, кажется, требовали, чтобы выдали им англичан. Был даже один выстрел в монастырь и кидали камни. Наконец иерусалимская помощь подоспела, пошли переговоры, и консула впустили в монастырь, но выпустить уже не хотели.

Часов в девять вечера возвратился консул домой и привез с собою в город своих освобожденных англичан. Он сказывал, что никогда не видал такого остервенения и дикого бешенства. Арабы сняли с себя платье, угрожали, кричали, ревели. На вечере были два оксфордские англичанина, обратившиеся в римское исповедание. Один знал Титова в Англии. Хозяйка пела по-английски, то есть на английском языке и английским голосом. Под конец все общество затянуло: *Gode save*, и мы разошлись по домам.

В первый раз увидел я тогда иерусалимские улицы ночью и при лунном сиянии. Здесь все более или менее тюремники и ведут тюремную жизнь. Город отпирается при восхождении солнца и запирается при заходе, а здесь оно заходит теперь в 7-м часу. Приятно было бы в месячную ночь пой-

ти в Гефсиманию, взойти на Елеонскую гору, но дело невозможное, или нужно завести целую негоциацию с турецкими начальниками, но и тому примера не было. Храмы также почти всегда заперты.

Литургия совершается на Гробе Господнем в полночь, а в других приделах часу в шестом утра. Нашему брату, не привыкшему просыпаться с петухами, это не очень приятно. Идешь в храм и на молитву не в духе: или уже хотелось бы спать, или еще спать бы хотелось. Разумеется, у недремлющего и бдительного верою этого не бывает.

Наместник патриарха сказывал мне, что консул в день рождения королевы, когда духовенство пришло к нему с поздравлением, говорил им, что есть известие, что император Николай отрекся от престола и наследовал ему Константин Николаевич. Любопытно было бы знать, – по своей глупости соврал консул или по *долгу службы*, то есть по наставлению Пальмерстона мутит умы, а в особенности православные. Я видел консула и накануне, и в тот день, и на другой он был у жены моей, но ничего о том не сказывал.

13-е. Ездил по дороге в Газу на источник Св. Филиппа, где Филипп окрестил евнуха царицы эфиопской, *едущего на колеснице*, вероятно в тахтиреване; ибо колесам по этой дороге проезда нет, или дороги здешние очень испортились со времен Апостольских, что, впрочем, очень сбыточно, потому что в Турции, где нет теперь проезда, отыскиваются здесь

и там остатки каменной мостовой.

Здесь вся почва обложена или огромными камнями и кое-где большими плитами, вросшими в землю, или наброшенными, подвижными камнями, как будто только сейчас взорвало каменные горы и засыпали они обломками своими все лицо земли. Близ источника растет и стареет большое и прекрасное ореховое дерево, и тут отдыхали под тенью его и около меня собрались и уселись бедуины.

Знаешь, что если вздумалось бы одному из них приказать раздеться и выдать им платье и все, что в платье находится, то надобно было бы беспрекословно повиноваться им. Но бедуины на меня никакого страха не наводят. Разумеется, есть между ними и разбойники, как и не между бедуинами, но вообще я нахожу в них какое-то добродушие и веселость. К тому же сигары мои и моя зрительная трубка, которая их очень удивляет, заводят тотчас между нами дружелюбные сношения. Дам им сигарку выкурить, дам им посмотреть в трубку, и, прикладывая руку к сердцу, изъявляют они мне свое удовольствие и свою благодарность. При встречах друг с другом жмут они себе руки по-английски или теперь вообще по-нашему.

По дороге, немного в сторону, заезжали мы к источнику Св. Девы, где, по преданиям, отдыхала она с мужем и младенцем по пути в Египет. Я готов верить всем преданиям и охотно принимаю их, когда они не сливаются с чудесами. Чудесам верю, но только тем, которые прописаны в Еванге-

лии, а *приписным* чудесам не чувствую в себе ни желания, ни способности верить. Мы видим и из Евангелия, что сам Христос не был расточителем на чудеса.

По дороге к источнику – деревня *Малька* на горе. В долине арабы сажают розы, которые снабжают розовой водой монастырь Св. Гроба. Если обоняние имеет особенное влияние на память, а запахи возбуждают в ней воспоминания, имеющие соответствие с местностями и временем, где и когда навевали на нас эти запахи, то розовая вода будет отныне живым источником для нас иерусалимских воспоминаний и поклонений. На Св. Гробе и Голгофе всегда благоухает розами, и где монахи, кроме того, вспыскивают вас розовой водой. Впрочем, вообще на востоке розовая вода в большом употреблении по церквам.

Остановливался в монастыре Св. Креста. По дороге от него в Иерусалим, направо, вдруг открывается Мертвое море и за ним белеются Аравийские горы, облитые тонким золотым сиянием. Вообще здесь нельзя сказать «голубой воздух», а золотой, особенно перед захождением солнца воздух озлащается. Солнце не садится, как в других местах, в облака багряные и разноцветные: оно на чистом небе потухает, так же и восходит оно. Эта золотистость воздуха вечером, то есть с шестого часа, особенно замечательна в Гигонской долине вблизи Яффских ворот. Маслины темнеют в золотом сиянии воздуха, и долина пересекается длинными золотыми полосами.

Весною эта долина отличается, сказывают, особенною свежестью и зеленью и служит сборным местом гулянья для иерусалимских жителей. И теперь тут более собирается гуляющих и отдыхающих, и по праздникам еврейки занимают все ступени крыльца, которое ведет к кофейной, находящейся у Яффских ворот.

Когда я в город возвращаюсь по этой дороге, меня приветствует всегда немой радостными телодвижениями и криками – вероятно, по чутью, что я был таможенный, потому что и он, кажется, род досмотрщика при учрежденной тут таможенной заставе.

У меня есть особенное сочувствие с детьми, юродивыми, малоумными. На пароходе от Константинополя до Бейрута завелась у меня тесная дружба с турчатами и юродивым, что-то похожим на дервиша. Это для меня утешитель но как доказательство, что в природе моей сохранилась какая-то первобытная простота, которую не совсем заглушили свет и житейские страсти и увлечения.

У источника Богоматери нашли мы Библейскую картину: несколько молодых поселянок в синих своих сарафанах мыли белье свое. Может быть, и Пресвятая Дева тоже мыла тут белье свое и пеленки Божественного Младенца.

Нельзя сказать, чтобы почва окрестностей иерусалимских, при всей угрюмости и дикости своей, была бесплодна. Она дает же разнородный хлеб, овощи, артишоки, поморанцы, маслину, абрикосовые деревья, смоковницу, грана-

ты, ореховые деревья и пр. Нужно только более обработки. Самая каменная настилка почвы придает ей свежесть и сырость, которые заменяют ей дожди, которых летом здесь не бывает.

14-е. Ныне полученное известие из Яффы, что английский пароход прибудет туда 8-го будущего месяца нового стиля, обдало меня унынием. Срок приближающейся разлуки моей с Иерусалимом начинает давить меня. Я теперь только что *вхожу* в Иерусалим, *вхожу* в прелесть его, начинаю с ним свykаться. Здесь нужно было бы непременно прожить год, чтобы ознакомиться с Св. Местами. И почему бы не прожить? Стоило бы только решиться отложить житейские попечения, житейские требования.

Впрочем, не имею никакого расположения к монашеской жизни. Напротив, здешняя греческая монашеская жизнь кажется мне несносною и вовсе ничего не говорит душе. В чувстве моем привлечения к Иерусалиму религиозность, или по крайней мере практическая набожность, не имеет или очень мало имеет назидательной и содействующей силы.

Лет двадцать тому и более состояние церквей было здесь таково, что в армянском монастыре отвалилось несколько камней, а может быть, еще и турки с умыслом их отвалили. По маловажности, армяне, без предварительного турецкого разрешения, вставили опять эти три или четыре камня и после многих прений должны были взнести турецкому началь-

ству 500 000 пиастров за то, что осмелились без позволения *перестроить храм*. Теперь этой насильственной и разбойнической администрации уже нет.

В Римском монастыре есть типография, у армян и у евреев также. Нет только греческой. Греки более всех отурчились.

Гробницы Царей, или Судей, или Бог вещь кого. У Шатобриана они хорошо и верно описаны. Вообще путевые записки его и донныне, духовными лицами и мирскими, признаются едва ли не лучшим руководителем в Иерусалиме. И тут француз, как после я, часто выглядывает у него из-под плаща паломника, но себяобожание, уж не самолюбие и самохвальство, здесь умереннее, нежели в последовавших произведениях.

16-е. Писал Павлуше чрез Титова с письмом к Кобеко, а в нем письма к Тютчевой и к Валуеву. Жена писала леди Каннинг. Все отдано митрополиту.

Вчера ходил по городу, в дом Пилата. Вид на Омарову мечеть. Дом Симона фарисея. Проверить с Евангелием. Кажется, ошибочно признается за дом Симона и Шатобрианом также.

Ездил на источник Силоамский и запасся водою. В отдалении огромные камни на горах представляются глазам безобразными зданиями. Селения представляются грудями камней. Люди, как дикие звери, гнездятся на них и под ни-

ми. И в самом Иерусалиме, глядя на дома, не понимаешь, где тут жилые покои. Почти вовсе нет окон на улицу. Двери с улицы узкие и низкие.

Среда 17-е. Как не далась мне Иоаннова пустыня, в которую собирался я вчера, так не дались сегодня и Соломоновы пруды. Вся эта поездка зачата была не в добрый час и под худыми приметами. Я встал вчера в пять часов утра, что для меня есть уже худая примета и не добрый час, – а в шесть рассердился и прогнал от себя лошадей и нанимавших их, потому что казалось мне, что с меня лишние деньги требовали. Наконец дело кое-как уладилось, и в четверть пополудни отправились мы в Вифлеем.

Дорога к нему, судя по здешнему краю, очень хороша. Поднявшись из Гигонской долины, выезжаешь на ровную дорогу, по которой можно бы ехать и в коляске. На правой руке развалины монастыря Св. Модеста. По обеим сторонам дороги обработанные поля и зеленеют нивы. Дикая близ-иерусалимская природа здесь смягчается. Одна эта окрестность могла служить сценою для пастушеской библейской поэмы Руфь.

Проехав монастырь Св. Илии, спускаешься с горы по крутизне извивающейся дороги. Тут поля, долины и возвышения обсажены маслинами. В Вифлеемской долине, облегающей город, можно сказать, что зеленеет даже роща маслин. Во всех других местах они растут довольно одиноко – и на

Элеонской горе можно счесть их, так их немного. Они тут редуют, как клочки волос на лысой голове старца.

Мы ужинали за смиренною трапезою митрополита Дионисия; но при всей смиренности своей истребили несколько Вифлеемских голубей, отличающихся особенным вкусом, а жарят их – это замечание для Вьельгорского – без масла на вертеле, что придает им, по словам митрополита, или лучше сказать, что не лишает их собственной сочности и самородного вкуса. Чтобы дополнить мое гастрономическое сведение, скажу, что у митрополита повар – старая вифлеемская баба; а была ли она всегда стара, о том знает Бог.

Здесь вообще в греческих монастырях встречаешь женщин, правда, пожилых. Охотно верю, что они тут не для греха, а для прислуги – обмыть, обшить, состряпать. Встреча этих женщин близ архиерейских келий, сказывают, очень смущала Войцеховича. Вообще, большой строгости здесь не видать. Монахи, не в постные дни, едят мясо и пьют вино.

С террасы монастыря любовался я звездным небом и Вифлеемскою луною. Сегодня в пять часов утра слушали мы трехязычную литургию – по-арабски, гречески и по-русски. На ектении поминали нас и наших живых и усопших. Вчера вечером ходил я в пещеру, где, по преданиям, скрывалась Богоматерь с Младенцем до бегства в Египет. Она принадлежит латинам. Я тут застал монаха и несколько арабских детей, которые пели акафист Богородице. Умилительно слышать эти христианские песни, молитвенно возносимые по-

селянами на тех самых местах, где так смиренно и также в тишине и сельской простоте, невидимо от мира, возникало христианство.

Утром ездил я на место явления ангелов пастухам. Тут некогда была церковь, построенная Еленою. Теперь осталась одна подземная церковь православная. Арабский священник прочел мне в ней главу Евангелия. После заезжал я к нему в дом. Часу в третьем пополудни отправились мы на Соломоновы пруды. Тут начались беды наши.

Тахтиреван ударился об стену, а жена головою об тахтиреван. Верблюды заграждали нам дорогу. Абдула бросился разгонять их, и один верблюд попал в яму, или в пещеру, так что все туловище его лежало под камнем и только задние ноги оставались на поверхности земли. Далее, отец Прокопий упал с лошадыю, а еще подальше, упала с лошади Фанни и ужасно стонала и кричала, жалуясь, что переломила или вывихнула себе руку. Мы не знали, что делать.

Долго провозились с нею и наконец решились возвратиться ближайшею дорогою в монастырь Св. Илии в Иерусалим. Между тем лошадь Фанни убежала. Семидесятилетний митрополит, который провожал нас, поскакал ловить ее на диком своем арабском жеребце. Он из болгар, и видна в нем славянская отвага и славянская мягкосердечность, хотя, сказывают, он очень вспыльчив, что также есть славянское свойство. В монастыре Св. Илии благословил он меня весьма старинным образом Петра и Павла. Наконец тут расставшись с

добрым старцем, ибо тут оканчивается его митрополия, возвратились мы в 7-м часу вечера в Иерусалим.

Латинский монах, врач, уверял нас, что, по счастью, рука Фанни не переломлена и не вывихнута. Приставили ей 70 пиявок.

При возвращении нашем в Иерусалим стены его, под Гигонской долиной, чудно озлащались сиянием заходящего солнца. Нигде и никогда я не видал такого золотого освещения. С дороги видны были, на отдаленном небосклоне, Аравийские горы, которые, подобно свинцовым облакам, белели и синели, сливаясь с небесами. Гробница Рахили; я объехал кругом, но не входил в нее, потому что она была заперта и никого при ней не было. Но сказывают, что и смотреть нечего.

Четверг, 18 мая. Слушали в 9 часов утра русскую обедню в монастыре Св. Екатерины. Все что-то не так молишься как бы хотелось. В Казанском соборе лучше и теплее молилось. Неужели и на молитву действует привычка? Или мои молитвы слишком маломощны для святости здешних мест.

Начали говеть. Вообще народ имеет здесь гордую и стройную осанку, а в женщинах есть и что-то ловкое. В Вифлееме черты женских лиц правильны и благородны. В женской походке есть особенная твердость и легкость. С мехами на голове или ношею легко и скоро всходят они на крутые горы, картинно и живописно. На всех синяя верхняя одежда,

род русской *поневы*, а иногда еще покрываются они красным шерстяным плащом; серебряные ожерелья из монет на лбу, на шее и на руках. Голова обыкновенно повязана белым платком, также довольно сходно с головною повязкою наших баб. На верху головы подушечка для ношения мехов с водою, корзины etc.

Цена пивок здесь пиастр за штуку.

Есть здесь английское училище миссионерское, преимущественно для обращенных детей еврейских. Содержится чисто. Есть книги, географические карты по стенам. Есть и греческие училища для арабских православных детей. Не отличаются чистотою. Но все-таки благо и добро. Есть и английская больница, также для евреев.

Греки и латины вообще жалуются на протестантскую пропаганду. Да что же делать, когда она богата и деятельна. Кормит, учит, лечит, колонизирует, дает работу – и к тому же, вероятно, не взыскательна и не отяготительна в обязанностях, которые возлагает на обращающихся.

Одно тягостное место для посещающих Иерусалим есть расстояние 7- или 9-часовое от Рамлэ до Св. Града. Да и то легко сделать бы удобным, если монастырям, латинскому и греческому, выстроить на дороге два постоянных двора для отдыха или ночлега, если кому захочется провести ночь. Не желаю, чтобы устроена была тут железная дорога и можно было прокатиться в Иерусалим легко и свободно, как в Павловский вокзал; но все не худо облегчить труд человеческой

немощи; а то, въезжая в Иерусалим, судя по крайней мере по себе, чувствуешь одну усталость после трудной дороги. Не каждому дана сила и духовная бодрость Годфрида, который после трудного похода, еще труднейшего боя и приступа, по взятии города тотчас бросился поклониться Гробу Господню.

Пятница, 19 мая. Сегодня в полночь пошли мы слушать литургию на Гробе Господнем, но обедня началась только в 3-м часу. Во всех концах храма раздавались молитвенные голоса на армянском, греческом и латинском языках. Это смешение песней и языков, сливающихся в одно чувство и в одно поклонение единому общему Отцу и Богу, трогательно в отвлеченном значении своем, но на деле оно несколько неприятно, тем более что пение вообще нестройно. На большом выносе поминали нас и наших живых и усопших. Во время чтения часов монахи поминают про себя по книгам имена записанных поклонников.

Вчера всходил я на арку – на крестном пути, откуда, по преданию, показывали Иисуса народу: *Се человек!* Теперь там молельня дервишей. Вышел я в Сионские ворота, сошел в Гефсиманскую долину, возвратился в город чрез Гефсиманские ворота. Остановился у Овчей купели.

Большой недостаток в Иерусалиме, в окрестностях его и вообще на Востоке – отсутствие лугов. Нет зеленой, шелковой муравы, на которой в северных краях так отрадно отды-

шают глаза и тело. Здесь ток садов обложен каменной плитой, а за городом деревья и цветы растут на песчаном и каменистом крыже. Все это придает природе вид искусственный, рукодельный. А между тем, что есть из растительности, пышно и богато: цветы благоухают необыкновенным ароматом, лимонные ветви клонятся к земле под обилием и тяжестью плодов.

Когда приближаешься уже к концу земного своего поприща и имеешь в виду неминуемое путешествие в страну отцов, всякое путешествие, если предпринимаешь его не с какой-нибудь специальной целью, в пользу науки, есть одно удовлетворение суетной прихоти, бесплодного любопытства. Одно только путешествие в Святые Места может служить исключением из этого правила. Иерусалим, как бы станция на пути к великому ночлегу. Это приготовительный обряд к торжественному переселению. Тут запасаясь не пустыми сведениями, которые ни на что не пригодятся нам за гробом, но укрепляешь, растворяешь душу напутственными впечатлениями и чувствами, которые могут, если Бог благословит, пригодиться и там и, во всяком случае, несколько очистить нас здесь.

В молодости моей, когда я был независимее и свободнее, путешествие как-то не входило в число моих намерений и ожиданий. Я слишком беспечно был поглощаем суетами настоящего и окружающего меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу, и с той поры смерть запечатлела каждое

мое путешествие.

В первый раз собрался я за границу по предложению Карамзина ехать с ним, но кончина его (1826 г.) рассеяла это предположение до приведения его в действие. После – болезнь Пашеньки (1835 г.) заставила нас ехать за границу. Ее смерть положила черную печать свою на это первое путешествие. Второе путешествие мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкой исхода моего третьего путешествия. Таким образом, четыре могилы служат памятником первых несбывшихся сборов и трех совершившихся путешествий моих. Не взмой меня волна несчастья, я, вероятно, никогда не тронулся бы с места. Вероятно, путешествия мои, всегда отмеченные смертью, кончатся путешествием к Святому Гробу, который примиряет со всеми другими гробами. Так быть и следовало⁴.

Суббота, 20 мая. Сегодня, в шестом часу утра, слушали литургию на Голгофе и причащались святых таинств. Служил греческий архиепископ Неапольский (т. е. Наплузский, Сихемский). После была большая панихида, на коей поминали и наших. По окончании панихиды мы пошли к Свято-

---

⁴ Но увь! По грехам моим не так сбылось. Опять пустился я в смертный или, по крайней мере, болезненный путь, и ныне страждущее лицо – я. Чем путь этот кончится? Я не имею никакой надежды на выздоровление, по крайней мере духовное, а без него телесное – только продолжение казни. Бедная жена! Бог не дает ей отдохнуть от скорби. Париж, 21 декабря 1851 г.

му Гробу, где отец Вениамин отслужил на русском языке молебен за здравие П.А. Кологривова.

Вчера, 19-го, ходил я по городу и за городом с братом жены епископа. Видели мы, как у наружной стены ограды храма Соломона евреи и еврейки многие, приложив голову к стене, молились по книгам, стенали и плакали (женщины). Они собираются тут каждую пятницу и платят что-то за это турецкому начальству.

В Иерусалиме от семи до восьми тысяч евреев мужского и женского пола. Протестантская миссия обратила из них, с 1840 года, в христианство человек сто. Здесь особенно латины уверяют, что эти обращенные делаются или покупаются за деньги, выдаваемые миссией; но протестанты не сознаются в том и говорят, что только в редких случаях даются пособия тем из них, которые сами не могут зарабатывать себе пропитание.

В городе сохранилось несколько арабских фонтанов, красиво отделанных резьбой на камне. Воды в них уже нет. Эта любовь и поклонение воде восточных жителей очень замечательны.

В других землях колодези устраиваются только с тем, чтобы не быть без воды, а о украшениях их не помышляют, за исключением больших городов, и то для украшения городов, а не в честь самой воды. Здесь видно, что чествуют самую воду – этот Божий дар, благодатный особенно в земле, нуждающейся в реках, где дожди редки и солнечный зной высуши-

вает воду. Словно думают они, что вода, из благодарности за красиво и богато устроенное ей помещение, лучше сохранится и не откажет в пособии заботящихся о ней.

Здесьние водопроводы в земле, где наука и труд в совершенном небрежении и забвении, свидетельствуют об особенном внимании к удовлетворению необходимой потребности. В Белграде, близ Константинополя, водопроводы и водохранилища были везде замечательны. Из Соломоновых прудов проведена вода в Иерусалим, и под Омаровой мечетью, сказывают, есть обширное водохранилище. На дворе судейского дома *кади* есть также бассейн с Соломоновской водой.

Все сокровища Соломона погибли, а с ними и все богатства и почти все памятники древнего, и несколько раз из развалин возникавшего, Иерусалима, но вода Соломона утоляет еще жажду позднейших потомков его. Когда иссякший Кедрон зимой наливается водой, арабы из города и со всех сторон бегут к нему и просиживают часы на берегах его в тихом и радостном созерцании.

Из стены, окружающей Омарову мечеть, высовывается колонна, лежащая поперек против Элеонской горы. По мусульманским преданиям, в день Страшного суда на ней будет сидеть Магомет и судить живых и мертвых поклонников своих, а на Элеонской горе будет Иисус совершать суд над христианами

Англиканское кладбище за каменной оградой лежит на покате Сионской горы к Гигонской долине. Доселе на нем

еще мало гробниц, а место обширное, и между ними из белого мрамора гробница, привезенная из Европы, поставленная над прахом молодого английского лорда, кажется, Роберта Петсона, который за несколько лет, посетивши Иерусалим, занемог в нем и умер. Тут погребен и первый епископ Иерусалимский Александр, о котором было так много шума в тогдашних газетах. На месте, где он лежит, навалены пока одни камни, а гробницы еще нет.

По мнению моего спутника, упоминаемый в Евангелии Гефсиманский сад не мог быть тут, где его ныне показывают. Настоящее место слишком близко к городу, слишком было в виду у жителей городских, а сад, или место, куда *уединялся* Христос для молитвы, должно было быть и местом *уединенным*; а потому скорее должно искать его налево, в углублении, на покате Элеонской горы. Может быть, и так, но как в том удостовериться? – и много ли будет пользы, если и была бы возможность удостовериться. Кому недостаточно одного Евангелия, тому немного будет душевной прибыли, если и могли бы в точности определены быть местности, в нем упомянутые.

Понимаю, что можно спорить о вопросах, коих разрешение таится во мраке грядущего: ибо этот мрак прояснится, и если не спорящие, то по крайней мере потомки их воздадут хвалу проницательности догадок прозревшего истину. Но спорить о тайнах, коих разрешение давным-давно погребено в беспробудной ночи прошедшего и в грудях развалин

и праха давно отжившего, – есть дело совершенно суетное и бесплодное. Догадка, как она ни будь правдоподобна, все останется догадкой, а не претворится в убеждение без знамения свидетельства очевидного, которое пресекает все недомыслия при свете непреложной истины.

Пока турки не дозволят делать подземных изысканий и разрывать землю, ничего положительного и даже приблизительного о древнем Иерусалиме знать невозможно, – или пока не изгонят турок из здешних мест. Но и тогда нужно ли будет, *благоразумно ли будет, богоугодно ли будет допытываться* человеческой, вещественной истины, осязательной достоверности там, где, может статься, все должно быть неприкосновенно облечено святынею таинства. Не искушайте Господа вашего. Со страхом и верой приступите, а не с орудиями сомнения и любопытства. Кто верует во второе пришествие и в жизнь будущего века, потерпи: он все тогда узнает. В небесном Иерусалиме раскроется нам подробная картина земного. Пока можем довольствоваться для земного и духовного странствования нашего указаниями – не подвергая его ученой критике, как мы то делаем с «Илиадой».

Обещал отцу Иосифу Петрову, иеромонаху в Иерусалиме (из сербов), прислать из России церковные книги и *церковный круг*.

Прискорбно видеть в Иерусалиме, как христианские церкви – греческая, латинская и армянская – особенно озабочены препятствовать друг другу возобновить разваливающуюся

юся крышу храма Гроба Господня; а соединенными силами возобновить ее не хотят, особенно греки, признающие за собой исключительно на это право и не желающие допускать других участвовать в этой перестройке. Как ожидать устройства единства германского в многодержавном сейме германских племен, когда здесь, на святом месте, три церкви единого Бога мнутся и раздираются междоусобными проискарами и личными страстями, и то не в деле внутреннего убеждения и верования, в которое, по человеческой немощи и слепоте, страсть может еще проникнуть, а просто в деле совершенно вещественном, где вся речь идет о том, что дать ли куполу провалиться или нет. Поневоле опять турки должны будут вмешиваться в это дело и сильной владычной рукой, – сильная владычная рука турецкая в христианском вопросе! Какая безобразная смесь слов и понятий, – примирить друг против друга враждующих христиан. По словам наместника, кажется, здесь французский консул нарочно ездил во Францию, чтобы склонить правительство деятельно вмешаться в этот спор и требовать от турецкого правительства не дозволять грекам, без участия латин, возобновлять купол.

20-20. Вечерня в патриаршеской церкви накануне праздника св. Елены и Константина. Вечером был у епископа. Рассказывал про свое житье в Абиссинии, где, между прочим, должен был ходить на босу ногу, потому что не мог привыкнуть носить сандалий, а башмаков и сапог не было Много

говорил о нравах и обычаях обезьян, которыми Абиссиния изобилует.

Однажды он с женой путешествовал в сообществе со стадом обезьян, около двухсот, которые двое суток следовали за ним, останавливались с ним на привалах и ночлегах. Вообще, в них большой дух порядка и предосторожности; когда они переселяются с места на место, то жен и детей ставят в середину, а самцы образуют аван- и арриер-гард, а по несколько идут по бокам. У иных самцов по две самки; в известный час сходятся они на известное место – приготовят детям что-нибудь есть и оставляют, а сами отправляются по сторонам; обезьяны-двуженцы одну из них ударят по спине, и та идет с самцом рядом, а другая следует подалее, и когда те остановятся, она в некотором расстоянии сидит в грусти; тут обыкновенно подходит, но не близко, а в почтительном расстоянии, самец, не имеющий жены, и разными выражениями и телодвижениями заводятся между ними *отношения*; между тем ревнивый муж, хотя и в объятиях другой жены, догадывается, что с оставленною женою может делаться что-нибудь нехорошее, бросается и, видя, что перед нею сидит вздыхатель, – начинает бить кокетку.

Иногда видел он, как обезьяна принесет с поля зерна и раздает их женам; когда одной достанется менее, она долго подачу свою перебирает лапами, подходит к другой, и когда удостоверится, что она перед другою обижена, кидает все с досадою в мужа. Тогда муж отбирает, что каждой дал, и де-

лает новый и более ровный раздел.

Они довольно целомудренны и таят любовь свою в тени кустов.

21 мая. Обедня в патриаршеской церкви. Палатки разбиты по террасам. Бедным раздают хлеб и вино. Ездил на Соломоновы пруды. Очень замечательные остатки древности. Начинают засыпаться землею; вероятно, легко было бы их привести в исправное и первобытное положение. Заезжал в греческий монастырь великомученика Георгия. Тут есть чудотворный образ, исцеляющей сумасшедших. К нему имеют большое доверие православные и турки. Читали перед образом молитву за П.А. Кологривова и Батюшкова. Взял для каждого из них по свече⁵. Показывали мне доску с алтаря, на несколько кусков разбившуюся, когда священник нечаянно пролил на нее евхаристию, и самый священник вскоре после того умер.

На обратном пути заезжал в Вифлеем; нашел доброго Дионисия, служившего вечерню в кругу своих вифлеемитов. У нас многие сельские священники имеют паству гораздо более многочисленную и богатую, чем этот митрополит. Отправился я из города в час пополудни и возвратился в 7.

В монастыре св. Екатерины вдова Анна Ивановна Эрцегова, из Сербии; муж ее (Дмитрий Георгиевич) служил

---

⁵ Не предвидел я тогда и моей настоящей болезни, и о себе помолился бы я, взял свечу третью. Париж, 21 декабря 1851 года.

при сербском депутате в Константинополе – оказывал услуги русским и русскому войску. Она уже подавала, года за два, прошение Титову об оказании ей пособия, и им определена в Екатерининский монастырь. Дали письмо к нему.

22 мая. Понедельник. Выходил пешком на Элеонскую гору; обошел ее кругом по вершине, карабкаясь по камням. Место, где полагают, что совершилось Вознесение, не высшее, но это ничего не значит. Нет причины заключать, что Спаситель вознесся с высшей точки горы. С противоположной стороны города открывается прекрасный, то есть обширный, вид на Аравийские горы и на Мертвое море. Смотришь, смотришь на голубую поверхность его, все ждешь: не промелькнет ли на ней рыбацья лодка, не забелеет ли парус, но все безжизненно и пустынно. Видны также зеленеющие берега Иордана, но реки не видать. Аравийские горы были словно подернуты сизым паром – в них есть что-то фарфоровое. Говорят, они являются иногда во всех радужных цветах, даже и в зеленом. Я этого не видал.

На Элеонской горе араб предлагал мне купить живую большую змею, которую он держал в руках, крепко схватив ее за горло. Я не мог добраться толку: ядовитая ли, то есть смертельно ли ядовитая она, или нет, но понял только, что многие турки и арабы могут безвредно обходиться со змеями и исцелять раны, которые они наносят.

Всего видел я одну или две змеи; но, смотря по местно-

сти, их должно быть довольно много. Впрочем, жители отдыхают и спят в поле с верблюдами и другим скотом своим, и нельзя сказать, чтобы боялись они змий. Слышал я и о ящерицах и хамелеонах, но с худыми глазами моими не видал их и ничего не могу сказать о них. Пения птиц я не слышал, а одно их щебетанье. Говорят, что в кустах, осеняющих Иордан, водятся соловьи; но меня, по крайней мере, пением своим они не приветствовали. Зато наслушался я ослов и верблюдов и необычайно звонкого кваканья лягушек у источника св. Елисея. Сюда же идет молебный вой с высот минаретов, который, впрочем, имеет свою унылую торжественность. Христианского колокольного звона здесь нет. Даже в храмах бьют в доску, чтобы сзывать к службе.

23-е. Вторник. Сегодня во 2-м часу пополудни слушали мы литургию на Гробе Господнем. Служил по-русски отец Вениамин. Последняя наша Иерусалимская обедня. Поминали наших усопших и живых. После на Голгофе совершали панихиду за упокой Машеньки и других усопших детей наших и сродников. У камня, отвалившегося от Гроба при Воскресении Спасителя, просишь и молишь, чтобы отвалился и от души подавляющий и заграждающий ее камень и озарила бы она, согрелась, упокоилась и прониклась верою, любовью к Богу и теплотою молитвы. Но, к прискорбию, не слышать из души отрадной вестии: «С мертвыми что ищите»? Нет, душа все тяготеет, обвитая смертным сном. «Господи!

даждь мне слезы, и память смертную и умиление». Это молитва Иоанна Златоуста. Стало быть, умиление и слезы души не так легко доступны и не так легко обратить их в привычное состояние души.

Те, которые хотят основать достоверность Евангелия, между прочим, и на видимых, вещественных остатках привангельской эпохи, и призывают камни в свидетельство непреложности событий, забывают слова Спасителя, сохранившиеся не в человеческих преданиях, а в самом Евангелии, что в Иерусалиме *«не имать остати камень на камени, иже не разорится»* (Мф., 24, 2). Свидетельство Христа поважнее и торжественнее камней.

Только несколько часов остается еще до отъезда нашего из Иерусалима. Можно без умиления и особенного волнения въехать в Иерусалим, но нельзя без тоски, без святой и глубокой скорби проститься с ним, вероятно, навсегда. Тут чувствуешь, что покидаешь место, не похожее на другие места, но покидаешь Святой Град, что святой подвиг совершен и что уже заплескала и зашумела волна, которая тебя унесет и бросит в пучину житейских забот и искушений и во все мелочи и дразги, составляющие мирскую жизнь; мне же всегда грустно покинуть место, где я без беды провел некоторое время. К грусти присоединяется и досада, что я нехорошо умел воспользоваться протекшим временем, что растратил по пустому много часов, что не извлек всего, что мог извлечь. И в пребывании моем здесь погибло много дней, а

здесь каждый час должен быть дорог и запечатлен в памяти ума, чувства и души.

Прислать Иерусалимскому епископу французский перевод Стурдзы проповедей Филарета и Иннокентия. Книгу Стурдзы о должностных священнического сана отдал отцу Вениамину в монастырь св. Феодора в Иерусалиме.

Наместник Святого Петра, т. е. митрополит Петры Аравийской, благословил нас крестом с частицей от животворящего древа креста. Он снял его с шеи⁶. Дал еще кусок обгорелый от дверей храма, сгоревших в 1808 году.

Отец Вениамин отслужил нам напутственное молебствие на Гробе Господнем. Прощался я с Иерусалимом: ездил верхом, выехал в Яффские ворота, спустился в Гигонскую долину, заходил в Гефсиманскую пещеру, где Гроб Божией Матери. Мимо Дамасских ворот, возвратился через Яффские. Нервы мои были расстроены от разного торможения, дорожных сборов, и потому не простился с Иерусалимом в том ясном и спокойном духе, с каким надлежало бы. Но прекрасное захождение иудейского солнца, которое озлащало горы, умирало мои чувства и наполнило душу мою умилением. Су-
мрак долин и освещение гор и городских стен, вот последнее отразившееся во мне впечатление. Завтра в 5-м часу утра думаем выехать из Иерусалима.

---

⁶ И я грешный, окаянный ношу его на шее, но благодать его не действует на мое заглохшее и окаменелое сердце. Господи! Умилосердись над нами! Просвети, согрей мою душу! Париж. Декабрь 1851 г.

24 мая 1850 г. Среда Думали выехать в 5-м часу, а выехали в 7. С дорожными сборами и с отъездами бывает то же, что с обедами бедного Михаила Орлова, на которые, жалуюсь, бедный Евдоким Давыдов – о ком ни вспомнишь, все покойники – говорил, что Орлов обедает в четыре часа в шестом. На последнем пригорке, с которого виден Иерусалим, слез я с лошади и поклонился с молитвой в землю, прощаясь с Иерусалимом как с родной могилой. И подлинно, Иерусалим могила, ожидающая воскресения, и, как воскресение Лазарево, совершится оно еще на земле. Как поживешь во Святом Граде, проникнешься убеждением, что судьбы его не исполнились. Тишина в нем царствующая не тишина смерти, а торжественная тишина ожидания.

Мы ехали очень хорошо, и даже трудный переход через горы показался мне гораздо легче, нежели в первый раз. Обратный путь, как уже знакомый, всегда менее тягостен, да и тут более спускаешься, чем поднимаешься. Я в этот раз успел даже разглядеть зелень деревьев, растущих по бокам гор, и нашел, что край вовсе не так дик и безжизнен, как показался он мне в первый раз. К тому же, по всем разъездам и прогулкам заиерусалимским, так привыкнешь к непрерывным восхождениям и нисхождениям по крутизнам скал, мимо пропастей и над пропастями, что вовсе забудешь, что есть на свете лощины и прямые и плоские дороги.

Подъезжая к знаменитому селению Абугош, нашли мы

около дороги под деревьями все женское население, которое кружилось в хороводе и пело, или выло. Наш Абдула кое-как истолковал мне, что они совершают род тризны, или поминок, по большому человеку, который умер. Должно быть, родственник, кажется, дядя знаменитого разбойника – владельца Абугош, который ныне где-то содержится в тюрьме. Я хотел полюбопытствовать и подъехал поближе, чтобы рассмотреть обряд этих женщин, но Абдула умолял меня не останавливаться и скорее проехать мимо. В самом деле, тут же выбежал араб и начал кричать на меня и, видя, что слова его не очень действуют на меня, поднял камень и грозился бросить его мне в голову. На такое убедительное приглашение был один благоразумный ответ – поворотить лошадь на дорогу и ехать далее. Так я и сделал.

Но один из провожатых наших, грек православный, отстал от нас и даже подошел к хороводу. Тут сбежалось несколько арабов, повалили его на землю и начали колотить кулаками и камнями. Побиение камнями совершилось здесь в числе живых преданий – я предлагал нашему конвою ехать на выручку его, но они, зная обычаи края, заметили мне, что нас всего человек пять, и что если вмешаться в это дело, то все население, т. е. человек 500, сбежится и нападет на нас. И на это убеждение должно было согласиться, отложить рыцарские чувства в сторону. Вскоре битый грек догнал нас как встрепанный, и данные ему мною 20 пиастров совершенно залечили его побои.

В Рамлю приехали мы часу в 4-м пополудни и ночевали в греческом монастыре, где комары, мошки и разные насекомые оставили на телах наших более следов, нежели камни на теле нашего грека.

Рамля с окружающей ее растительностью очень живописна. Здесь должна быть сцена поэмы Федора Глинки. Саронские равнины прославлены в Священном Писании. В Рамле греческая церковь во имя св. Георгия. Тут показывают обломок колонны, о которой монах рассказал нам следующее: когда строили церковь, отправили судно в какой-то приморский город, чтобы привезти из него четыре колонны для поддержания свода. Когда нагружали эти колонны, какая-то женщина пришла просить судохозяина взять в жертву от нее пятую колонну, для украшения храма. Хозяин отказал ей в просьбе, говоря, что места нет для пятой колонны и на судне, и в самой церкви, где нужно только четыре. Огорченная отказом женщина плакала, возвратилась домой и легла спать. Во сне видит она человека, который спрашивает ее о причине ее скорби, – она объясняет. Он утешал ее и говорит ей: «Где хочешь ты, чтобы эта колонна в церкви стояла?» Она отвечает: «Направо от дверей». – «Напиши все это на колонне, и все будет сделано по твоему желанию». Она во сне исполнила приказание незнакомого видения. При выгрузке судна нашлась на берегу неизвестно кем и как доставленная туда колонна и поставлена в храме согласно желанию женщины. Ныне она налево от входных дверей. Но эти двери но-

вые, а старые, по какой-то причине, заделаны во время похода Бонапарта в Египет.

В Рамле также подземное водохранилище, приписывают и его Елене, но, по справедливому замечанию Шатобриана, почти все здания носят имя ее, хотя, судя по летам ее, едва ли могла бы она успеть до кончины своей соорудить столько зданий и оставить по себе столько памятников. Тут же довольно хорошо сохранившаяся башня церкви Сорока Мучеников.

Ехав в Яффу, заезжал я в сторону, в Лидду, где видел прекрасные остатки церкви также во имя св. Георгия. В этих развалинах совершает иногда литургию греческое духовенство. Это уважение к святыне, даже разоренной рукой времени и людей, имеет что-то трогательное.

В Яффу прибыли мы в *четверг, 25 числа*, к трем часам пополудни. На другой день английский пароход, который ожидали только через два, рано утром стоял уже на рейде. Я окрестил у консула Марабутти, доброго хозяина нашего, новорожденную дочь его Марию.

Около пяти часов пополудни (*пятница*) сели мы в большую арабскую лодку и поплыли к пароходу, который стоял довольно далеко от берега, вытаскивая, но напрасно, купеческое судно, весной разбившееся. Дул сильный ветер, и порядочно, или слишком беспорядочно нас покачало. Наконец

кое-как добрались мы до парохода. К ночи ветер утих. Я всю ночь пролежал и частью проспал на палубе. Ночь была теплая, и я не чувствовал никакой сырости. К сожалению, я просмотрел или проспал гору Кармилль. Утром были мы близ Сидона и часу в 12-м утра пристали к Бейруту.

Бейрут. 2 июня. По приезде сюда узнали мы, что нам доведется здесь прожить 18 дней в ожидании австрийского парохода. Слишком много для Бейрута, несмотря на то, что нам очень покойно, хорошо в прекрасном доме Базили, что вид из окон на синее море, на горы лианские, на зеленые сады, оббегающие город, чудно прелестен.

Я хотел воспользоваться этим временем, чтобы съездить в Дамаск, но Базили отсоветовал, страшая жарами. Между тем больших жаров еще нет, и я очень удобно мог бы съездить. Досадно.

Положение Бейруга чрезвычайно живописно. Ничего лучше в создании мира не придумано, как это слияние синевы моря с зеленью древесной. Прогулка по Рас-Бейруту – набережная по мысу вдоль моря. *Рас* по-арабски значит *голова* и *мыс*...

За полчаса от города роща De Pins. Прорезывающие ее аллеи навели на душу мою грустное воспоминание о Лесной даче. Потом спустились мы к реке, ныне маловодной, но зимой заливающей большое пространство. Ныне на ложе реки вместо воды растут во множестве кусты розового лавра. Кое-

где густая зелень деревьев на берегу. Редко встречаешь на Востоке картины подобной сельской красоты и свежести. Для меня это лучшие картины.

Любителям грандиозного есть также здесь на что полюбоваться – величавым амфитеатром Ливанских гор. По берегу моря здесь и там встречаешь остатки мола, колонн, которые доказывают, что некогда рейд и набережная были хорошо и великолепно устроены. Говорят, что и теперь за несколько десятков тысяч пиастров можно бы исправить пристань и сделать ее безопаснее. Вообще Бейрут в других руках мог бы легко сделаться одним из лучших и приятнейших городов в мире.

Базили написал очень любопытное сочинение о Сирии. Он уже в Петербурге читал мне несколько глав из него, а здесь прочитал другие. В статистическом, историческом и политическом отношении он очень хорошо знает этот край. Жаль, что в дипломатической нашей совестливости не позволяется ему напечатать это сочинение. Везде все обо всем пишут. С журналами и политическими трибунами тайна изгнана с лица земли. У нас одних нашла она себе убежище, как истина в колодце. Мы одни притворяемся, что ничего не знаем, ничего не видим. Всего забавнее, что наша молчаливость не спасает нас от общего нареkania, что мы во все вмешиваемся, во все пронырством своим проникаем и ценной золота покупаем все тайны всех государств и народов.

Разумеется, излишняя болтливость, и нескромность не го-

дится, но есть пределы и гласности, и сокровенности.

Третьего дня провел я вечер у австрийского консула, славянской породы. Жена его пела, между прочим, романс Вьельгорского *Любила я* в немецком переводе. Музыка – язык всеобщий. Пушкина в Бейруте не знают, а Вьельгорский дома.

Тут был капитан австрийского военного парохода. Он везет из Алепа в Триест лошадей для императора. В Мадере и Лиссабоне видел он наши военные корабли и ставит их выше английских, особенно по исправности, скорости и точности маневров наших. Я полагал, что у нас недостаток в офицерах – и то потому, что у нас все стоячие флоты: негде им набраться навыка и практических сведений; просто негде натереться. Кронштадт, Николаев, Севастополь – дыры, где гложет их деятельность и русская смышленость.

По счастью, узнал я, что городские ворота довольно свободно растворяются, и по вечерам брожу по берегу моря, прислушиваясь, как волны с плеском и шумом раздробляются о камни и скалы, коими усеян берег.

С грустью думаю, что проведя всего около трех месяцев в здешних краях, и из этого итога только 35 путных дней насчитывается в пребывание в Иерусалиме. Ни Назарета, ни многих других Святых Мест я не видал. Не увижу Дамаска. Это в моей судьбе: в ней ничего полного не совершается. Все недоноски, недоделки. Ни в чем, ни на каком поприще я себя вполне не выразил. Никакой цели не достиг. Вертел-

ся около многого, а ничего обеими руками не схватил, начиная от литературной моей деятельности – до служебной и до страннической. Многие, с меньшими средствами, с меньшими способностями, с меньшим временем в их распоряжении, более следов оставили по себе, духовных и вещественных, более сотворили, извели и более пространства протоптали. Впрочем, это во мне и со мною не случайность, а погрешность, недостаток, худое свойство моей воли, излишняя мягкость ее, которую не умею натянуть и которая свертывается при слабом прикосновении к ней мысли.

Есть картина Мурильо, изображающая мать, которая *ищет в голове* маленького сына своего. Она находится в Мюнхенской галерее. Сказать о ней Гоголю, если картина ему неизвестна, чтобы утешить его от нападений наших гадливых, чопорных критиков, у которых также, если *поискать* в голове, вероятно, найдешь более вшей, нежели мыслей.

3 июня. Вчера обедали у Базили бейрутский паша, французский консул с женой, французский доктор с женой, сардинский консул; все, кажется, люди порядочные и образованные, разумеется, за исключением паши.

У меня все в голове Дамаск и Бальбек вертятся и подмывают меня – и остается одна досада, что не попаду туда. Надо было ехать дня два или три по приезде в Бейрут.

4 июня, воскресенье. В Бейруте встречаются женщи-

ны-единороги. У некоторых из них головной убор состоит из рога, серебряного или золотого, дутого в пол-аршина, если не более; сзади для равновесия, т. е. для того, чтобы рог не клонил головы, висят шарики довольно толстые. Рог прикрыт белой тканью, которая опущена по плечам. Женщины не скидывают убора и ночью, и спят с этим орудием пытки. И в семействах других князей жены носят этот убор. Любопытно было бы знать – откуда и как усвоился здесь этот странный наряд?

Вчера ездил я верхом в одно селение, часа за два от города, на первом приступе Ливанских гор. Прогулки в окрестности здесь очень хороши, роща *пинов*, когда еще более разрастется – древняя срублена – будет в жаркие дни лета прохладным и благодатным убежищем. Эти *pines* – облагороженные наши сосны и елки. Зонтичные *pines a parasol* очень живописны. Я видал их в римских садах. Кто-то сказал, что кипарисы похожи на свернутые зонтики, а те – на развернутые.

Вчера обедал у Базили французский врач Grimaldo, бывший при Ибрагиме-паше во время походов его. Теперь он в Сайде главным врачом центрального госпиталя. Он рассказывает много забавного про фантастический и дон-кихотский поход знаменитого Иокмуса из Иерусалима к Газе, где 18 000-ный корпус турецкий едва не дал тяги при нападении 300 наездников из войска Ибрагима.

Он говорил, что леди Стенгоп умерла в бедности и оставив по себе до 200 000 пиастров долга. Она была в руках

арабов и других пройдох, которые совершенно ею овладели и пользовались помешательством рассудка, чтобы ограбить ее. После посещения Ламартина и рассказов его об этом посещении она не допускала до себя путешественников.

Чтобы определить и оценить Ламартина, довольно одного замечания: никто из путешествующих по Востоку не берет книги его с собой. И этот гармонический пустомеля мог держать Францию под дуновением слова своего во власти своей несколько дней! Не доказывает ли это, что в некотором отношении Франция мыльный пузырь.

Правда, что иногда этот пузырь начинен порохом и горючими веществами. После Иерусалимского Шатобриана напал я в Бейруте на *замогильного* Шатобриана в листках «La Presse», и он иногда завирается, но у меня сердце лежит к нему. В нем и более дарования, чем в Ламартине, и более благородства. Он мыслит и чувствует как благородный человек, как *дворянин*, а – воля ваша – это не безделица в век бунтующих холопов.

В замену леди Стенгоп, здесь поселился потомок славного Мальбруга, он *обарабился*, женился на арабке низшего состояния и во всех отношениях ничтожной – и выписал двух дочерей своих от первого брака, которых отдал в руки необразованной и сердитой мачехи.

5 июня. Выехал из Бейрута в десятом часу утра. Дорога часа на полтора по берегу моря, у подошвы Ливанских гор.

Море как необозримая лазурная скатерть разворачивается, и серебряная бахрома ее плещется в берег и стелется под ноги лошади. Голые горы дико и грозно возвышаются – наконец сворачиваешь к ним и начинаешь подыматься, подыматься, подыматься. Иудейские горы – шоссе в сравнении с ними.

Вообразите себе, что подымаетесь верхом на Ивановскую колокольню *огромного размера*, на несколько сотен Ивановских колоколен, взгромоздившихся одна на другую, и подымаетесь по ступеням, оборвавшимся и катящимся под ногами лошади; но арабская лошадь идет себе по этой фантастической дороге как по битой и ровной. Море всегда в виду. Я принимал сначала селения, лежащие в ущельях, за кладбища. С высоты дома казались мне надгробными камнями.

На один час останавливались для отдыха в селении маронитском *Брейз*. Тут все народонаселение маронитское. Оттуда дорога получше и природа живее и зеленее. Шелковичные рассадники – по ступеням горы, снесены камни и образуются гряды. Здесь обработка земли, или лучше сказать, камня, исполинская работа. Наши европейские поселяне не управились бы с нею.

За четверть часа до *Бекфея* монастырь; пред ним огромные камни и большое тенистое дерево; оттуда виден Бейрут, словно сложенные камни, и бейрутский рейд с кораблями, которые как мухи чернеют на воде, а пред глазами дом эмира Гайдара, который европейской наружностью и зелеными ставнями своими приватно улыбается усталому путнику.

В четвертом часу я подъехал к дому и заранее отправил к князю переводчика своего с письмом Базили. Вышли ко мне навстречу все домашние, дети, внуки князя и вся дворня. Князь ввел меня в приемную комнату; после первых приветствий поднесли мне рукомойник со свежей водой; потом покрыли меня флеровым, золотом вышитым, платком и поднесли курильницу, окурили меня, или, пожалуй, окадили меня, после вспрыснули благовонною влагою; тут шербет, кофе, трубка. Внуки князя, дети единственной дочери его замужем за его племянником, очень красивы, лица выразительные. Одеты синим плащом, с воротником, шитым золотом. Комната очень чистая, белая штукатурка порядочно расписанная цветами. Дом еще не совсем отстроен.

В селении Брейз принимали меня за доктора, подводили больных детей, водили меня к постели одного больного, движениями давали мне знать, чтобы я пощупал у него пульс. На Востоке старые сказки путешественников и поныне все еще действительная быль. Чтобы отделаться от своих пациентов и не дать им подумать, что я равнодушный и безсострадательный врач, я велел им сказать чрез переводчика моего, что я не лекарь, а московский эмир, который едет в гости к их эмиру. Тут оставили они меня в покое.

Наверху дома эмира терраса с фонтанами. Вид прекрасный. Подалье нагие горы здесь одеты роскошною и свежеею зеленью. Море разливается у подошвы их.

Народонаселение очень любит эмира. Он человек набож-

ный, справедливый и добрый. Несмотря на доброту его, на другой день при рассвете, под окнами его, раздавались крики несчастных, которых били палками по пятам. Я в то время собирался ехать и пил чай. Мне хотелось послать к эмиру и просить его помиловать несчастных; но мне сказали, что эти люди, по приговору судей и депутатов, наказываются за совершенные ими преступления.

Вечером обедали мы, или ужинали, сидя на полу. На подносе было около двадцати блюд разной дряни. Были вилки и ножи, но более для вида. К тому же, сидя поджавши ноги, неловко резать и покойнее и ловчее есть по-восточному.

Ничего нет скучнее разговоров через переводчика. Переводчики обыкновенно люди глупые и худо знают один из языков, с которого или на который переводят. Все вертится на тонкостях. Скажешь пошлость и слушаешь – как переводчик переносит ее на другой язык. Собеседник отвечает также пошлостью; ждешь, пока положит он ее в рот переводчику, который пережует ее и потом уже передаст тебе. Здесь же, на Востоке, каждое слово обшивается комплиментами. Я не понимаю, как европейские путешественники и книжники имели дар заводить любопытные разговоры со здешними жителями, не зная ни одного из восточных языков. Я думаю, что многие из этих разговоров выдуманы на досуге, чтобы бросить на книгу местную краску. Меня тошнит от всякого шарлатанства – после двух-трех фраз мне всегда хочется сказать через переводчика собеседнику: убирайся, пожалуй-

ста, к черту и оставь меня в покое, как и я оставлю тебя.

Во вторник, 6 июня, отправился я из Бекфея в 6-м часу утра. Ночевать должен я был в Захле, часов за 7 или 8 – заезжал я в иезуитский монастырь возле дома эмира. Два иезуита, церковь и школа. В горах есть и другие иезуитские заведения.

Нельзя не отдать справедливости иезуитской и вообще римской церковной деятельности. Зовите ее властолюбием, но она приносит полезные плоды, а лица, которые именем церкви действуют, достойны всякого уважения и не заслуживают никакого нареkania. Они учат тому, во что сами верят и чем проникнуты с детства. Церковь их, может быть, ошибается, но они добросовестные, ревностные исполнители ее воли и учения. Самоотвержение их поразительно. Духовные лица эти вообще люди образованные – и должны жить посреди невежества и лишений всякого рода. Что же им делать, как не пропаганда? На то они и посланы – духовные воины, разосланные по всем концам мира, чтобы завоевать края оружием слова и покорять завоеванных власти, пославшей их. Они бодрствуют на страже и не упускают ни одного случая умножить победы свои. Да это жизнь апостольская.

От настоятеля узнал я, что жив еще иезуит патер *Розавен*, который был при мне в иезуитской школе в Петербурге. Я просил его передать ему поклон от старого ученика, про которого он, вероятно, забыл, хотя он, и вообще иезуиты, ме-

ня любили и отличали; но никогда, ни полусловом не старались поколебать во мне мое вероисповедание и переманить к себе.

Можно охуждать правительство или владыку за честолюбие его, но преданные ему воины, которые, не жалея трудов жизни своей, ратуют с честью и самоотвержением по долгу совести и присяги, возбуждают всегда почтение во всех беспристрастных людях, и потому толки о пронырствах римского духовенства всегда мне кажутся нелепы.

Духовные начала, на коих основана церковь наша, могут быть чище, но духовное воинство римской церкви образовано и устроено гораздо лучше нашего. Их точно снедает ревность о Доме Господнем – как, то есть чем, учили их признавать этот дом. Смешно же требовать от этих миссионеров, чтобы они обращали в христианство в пользу протестантской или греческой церкви, а надобно же обращать или набирать в какое-нибудь вероисповедание, пока не будет общего, пока не будет единого пастыря и единого стада. Единый Пастырь и есть, но стадо разбито и ходит под различными таврами.

Дорога в Захле лучше Бейрутской, усеяна зелеными оазисами деревьев. Есть даже рощицы – что-то вроде нашего ельника. Так пахнет иногда от них Русью, что захочется слезть с лошади и пойти по грибы, но вспомнишь Тредьяковского и скажешь:

Лето, всем ты любовно,
Но, ах, ты не грибовно.

На дороге роща старых и широковетвистых деревьев в местечке *Эльмуз*, с маронитской церковью и школой. Мальчишки на дворе у церковной паперти твердили уроки свои по арабским книгам, вероятно, духовного содержания. Что из этого будет, Богу известно; но семена сеются.

Нельзя вообразить себе, как вся эта страна взволнована, взъерошена горами. Какая революция, почище всякой Июльской и Февральской, раскопала эту мостовую и раскидала ее громадные камни. Ламартину, вероятно, было бы завидно, глядя на это. Революция его рукоделия – датская игрушка; а тут видна рука Божия. Впрочем, и эти титановские и, казалось бы, неприступные и непереступные баррикады не заградили пути ни человеческой промышленности, ни суетному человеческому любопытству. И здесь, где только можно и где природа немного уступчивее и ручнее, засеяны полосы, зеленеют виноградники и шелковица. И здесь путешественник от нечего делать, покинув гнездо свое, карабкается по этим чудовищным горам, под опасением, при малейшей неверности шага лошади своей, нанятой за 15 пиастров на день, переломать себе ноги и руки, если не голову, один раз навсегда.

Впрочем, надо отдать справедливость горам: они здесь очень живописны и своеобразны: то иссечены они в виде

крепости с башнями, то громадные камни лежат в каком-то порядке, точно кладбища с гробницами исполинов, допотопных титанов. Поминутно прорываются, с прохладительным туманом, стремительные потоки. Нет сомнения, что в этой знойной стороне чувствуешь не только внутреннюю жажду, но жаждут зрение и слух; и один вид, и одно журчание воды уже усладительно, и утоляет и освежает воображение. Со всем тем горы хороши как декорация, но лазить с непривычки по декорациям тяжело и накладно.

А.Л. Нарышкин, путешествуя в Германии, отвечал проводнику своему, предлагавшему взойти на высокую гору, что он обходится с горами, как с женщинами, и любит быть всегда у их ног. Шатобриан написал против гор злой и красноречивый памфлет.

К вечеру приехал я в Захле. Остановился в доме шейха Абу-Ассафа, православного, род арабского старосты или бурмистра, но старосты на лихом коне и воинственного. В Захле смешанного народонаселения тысяч до десяти. За несколько лет они воевали с друзьями и одержали над ними победу. Мой староста показывал мне с гордым удовольствием место его военных подвигов. Захле на горе, в виду Анти-Ливан, внизу извивается речка. У меня вовсе нет местных красок, имен урочищ не помню, а записывать по пути скучно. Берега реки обсажены высокими тополями царство прохлады. Отужинав с шейхом, лег спать. Тут было царство мух и мошек невидимых и неслышных – только догадаешься

о них, когда тайно и предательски впустят они жало свое в щеку или веки, которые они особенно жалуют.

В среду, рано утром, отправился в Балбек. Дорога ровная как скатерть по Балбекской долине, широко расстилающейся между двумя стенами Ливанской и Анти-Ливанской. Она почти вся обработана. Жатва, луга, на коих пасутся богатые стада. Шелковая мурава, на которую можно и прилечь. Сельские картины, успокаивающие и освежающие чувства после судорожных сцен истерзанной и ломаной природы утесов; тут можно пустить коня своего вскачь, что я и сделал к неудовольствию спутников и проводников моих. Пришлось же мне прослыть отчаянным наездником: я был всегда далеко впереди от каравана своего. Долина простирается верст на 60 в длину и, судя по глазомеру, верст на 20 в ширину. Я проехал ее с небольшим в четыре часа, а казенная езда — шесть часов.

О развалинах Балбека, после того, что было о них мною сказано, говорить нечего, к тому же жарко и писать не хочется. Развалины сами по себе, какие бы они ни были, для глаз и чувства моего, не имеют много приманки. Я рад, что видел Балбекские развалины, но еще более рад, что на пути к ним проехал часть Ливанских гор и Балбекскую долину.

Природа, в каком бы виде она ни была, для меня всегда привлекательнее зданий здравствующих и зданий развалившихся; но здесь любопытно и поразительно видеть, что делали люди за несколько тысяч лет до нас, какими грома-

дами они поворачивали и какие памятники воздвигали. В сравнении с ними наши монументальные здания – карточные домики и детские игрушки; а Краевский толкует о прогрессе. Пришел бы он посмотреть на развалины храма Балбека, посудить по нему, что должен был быть город, вмещавший в стенах своих такое громадное здание. На какую высшую степень просвещения, промышленности и художественности такое строение указывает, и сравнить все это с опустением, невежеством и бедностью духовной и материальной, которые овладели ныне этим местом.

Я два раза осматривал развалины: в первый день приезда и во второй при месячном сиянии. На другой день еще посвятил несколько часов на прогулку по развалинам. Они обведены речкой. Вода превосходная. К развалинам на ней построена мельница. Под широкими сводами сучат веревки. Вот нынешняя жизнь и значение некогда знаменитого и великолепного храма. В Трое и того не найдешь. Впрочем, там найдешь Гомера и его «Илиаду», как в Гомере найдешь Троию.

В Балбеке ночевал у *мутрана*, епископа, грека Нимскаго. Он спрашивал меня о графе Остерман-Толстом.

Возвращаясь ночью от прилунной прогулки по развалинам, проходили мимо сада, где за стенами совершался мусульманский девичник, пели предсвадебные песни и били в ладоши. Провожавшие нас турки и христиане боялись долго оставаться на улице, чтобы не нарушать близким присут-

ствием нашим таинства женского собрания, которое признается у турков гражданской и домашней святыней, неприкосновенной для мужчин и особенно для гяуров.

В четверг в 3 часа пополудни выехал я из Балбека; часу в 8-м вечера возвратился в Захле. За полчаса до селения выехал ко мне навстречу шейх в красном бурнусе, соскочил с коня и с поклоном вложил мне в рот свою курящуюся трубку – величайшая восточная учтивость, которая некогда переводилась на Западе предложением понюхать табак из табакерки. И тут и там табак – символ приветствия. Если хорошо бы порыться в древних обычаях, то, может быть, найдешь, что обычаи одни и те же, как мысли и понятия, обходят с некоторыми изменениями круг земли и столетий.

Шейх провез меня по всей столице своей, вероятно, с мыслью удивить меня ее обширностью и многолюдством, которое стекалось по пути его со знаками почтения. А мне хотелось проехать по другой стороне – низменной, чтобы при вечерней прохладе и блеске звезд полюбоваться течением реки и темной зеленью тополей. Но, несмотря на мои убеждения, которых он, впрочем, не понимал, я должен был переменить свою поэтическую прогулку на торжественное, но прозаическое шествие по кривым и крутым улицам, мимо мазанок и лачуг, и только с вершины прислушиваться к плеску струй, разливавшихся в глубине оврага.

Вечером арабы пели, плясали передо мною род восточного *канкана* с отрывистыми и угловатыми телодвижениями.

Мало-помалу плясун входит в пессию, кидается, вскрикивает, перегибает спину свою назад так, что, закинув голову назад, чмокается сзади губами своими с одним из присутствующих и изнуренный падает на свое место.

На другой день, в пятницу, худо выспавшись от нашествия разноплеменных насекомых, отправился я в обратный путь в 5 часов утра. По маршруту моему, этот переход разделен был на два дня. Так и лошади были наняты; но я совершил его в один присест, к неудовольствию моих спутников и к удивлению ожидавших меня в Бейруте не ранее пятницы. Около тринадцати часов был я на коне, с малыми остановками в *конаке*, чтобы выпить чашку кофе, и к 7-ми часам, т. е. к обеду, был я в доме Базили.

Мой возвратный путь лежал, или карабкался и корячился, по другим горам. Путь такой же тяжелый и со всяким другим конем, не туземным или тугорным, опасный; при солнечном сиянии ехал я часы по туманам, или облакам, и проникнут был плавающей надо мной и вокруг меня влагой. Дороги разглядеть не мог; но тут были нужны не мои глаза, а лошадиные.

По вершинам некоторых гор лежали снежные полосы, как у нас холсты для беления по деревням. Горы еще тем нехороши, особенно для усталого путника, который видит перед собою цель своего странствования, что эта мнимая близость обманывает его зрение. С крыльями и легко бы долететь по прямому направлению, но тут кружишься иногда час и бо-

лее почти все на одном месте, потому что крутизна скалы не позволяет прямо спускаться, а надобно лавировать.

В субботу пришел австрийский пароход; прибывший на нем из Константинополя... дал нам известие об отъезде Павлуши и другие стамбульские вести. В воскресенье пришел русский бриг «Неандр» с архимандритом Софониєю и Галенкою. У Базили обедали архимандрит, капитан брига Рябинин и граф Бутурлин с сыном, променявший свое русское графство, свои русские поместья и свою коренную личность на состояние *не помнящих родства* и приписанных к Римской церкви. Итальянцами им не бывать, разве потомкам их, а русскими они уже не суть. Если все это по убеждению и для спасения души, то и прекословить нечего. В некотором отношении можно иногда пожалеть о них, но еще более должны им позавидовать, ибо временные блага принесли они в жертву.

В понедельник, в Духов день, архимандрит служил обедню в греческой церкви. В отступнике Бутурлине замечательно много русского духа и вообще русской складки. Он даже усердный читатель «Северной Пчелы» и говорил, что по отъезде из Италии тоскует по ней. Ему известны и приснопамятны выходки Булгарина против *толстых журналов*.

Во вторник, к пяти часам пополудни, сели мы на австрий-

ский пароход «Шилд». Он был окрещен во имя *Ротшильда*, но Ротшильд не согласился быть восприемником его, и пароход обезглавили. Дня два пред отъездом нашим дул сильный ветер и раскачал море. До острова Родоса нас порядочно било, тем более что машина не в соразмерности с величиною судна. Мы шли медленно, узлов по пяти в час. Пароход новый, и деревянная обшивка его, хотя очень щеголеватая, не обдержалась и не отселась. Никогда не слыхал я подобной трескотни и скрипотни. Казалось, что все лопается, трескается и того и смотри – распадется. Со всем тем в субботу, в 4-м часу пополудни, бросили мы якорь в Смирнском рейде; и к 7 часам были мы уже заключены в свою карантинную тюрьму.

На Смирнском рейде стоял французский пароход, отправляющийся в Константинополь, – и на нем Ламартин. Если турецкое правительство не было бы нелепо, то оно засадило бы Ламартина в карантин, вместо того, чтоб дать ему богатое поместье в своих владениях. Ламартин перевернул Францию вверх дном и после того бежит из нее как кошка, когда напроказит и разбросает посуду; а Диван, который ищет покровительства и милости Франции, оказывает неслыханное благодеяние безумцу, от которого все партии во Франции отказались и которого все равно обвиняют. Да и он хорош, устроив у себя республику, христорадничает у потомков Магомета и записывается к ним, более нежели в подданство, а в челядинцы, ибо идет питаться их милостынею и хлебом.

На возвратном пути ничего замечательного не было. Плыли мы по знакомой дороге и мимо знакомых островов, только приставая к некоторым, а не выходя на берег, согласно с карантинными правилами. *Либеральные врачи* воюют против карантинных, но они видят в них вопрос, более политический, нежели вопрос общественного здоровья, и негодуют на них как на стеснение свободы человеческой – наравне с цензурой, с запретительными тарифами и пр. и пр.

Дело в том, что, со времени учреждения турецких карантинных, о чуме в Турции не слыхать. Это лучшее свидетельство в пользу карантинной системы – разумеется, благоразумной и умеренной, а не произвольной и излишне притеснительной. Что чума заразительна, что неограниченная свобода тиснения, в своем роде, общественная чума, что безусловная свобода торговли мечта несбыточная, все это оказывается на практике вопреки человеколюбивых и благодушных теорий. Смирнский карантин очень порядочен – на берегу моря, свежий ветер от него утоляет жар, и шум разбивающихся волн сладостно пробуждает внимание. Комнаты просторны и чисты, вероятно, потому, что султан на днях проехал через Смирну, и на всякий случай все в ней освежили и побелили.

Точно то же делается и на святой Руси. Карантинная стража не пугает, как в Одессе, своими смертоносными мундирами, забралами и проч. У нас все пересолят. Между тем наблюдательность здешней стражи очень бдительна и вовсе

не докучлива. Я бросил бумажку из окна, и через несколько времени пришел ко мне один из надзирателей и спросил меня: я ли бросил? На ответ мой, что я, просил меня вперед не делать. Сошел в сад, подобрал все лоскутки бумаги, апельсиновые корки и бросил их в море.

Обедаем мы с *августейшего* стола, то есть обед наш готовится поваром из Смирнской гостиницы Des deux freres Augustes (Два брата Августа). В карантине с нами англичанин Робертсон, сын датского консула в Смирне с женою, ребенком и братом, барон Шварц, баварец, наш иерусалимский спутник, два немецких живописца и около ста человек разного сброда. Вечером турки поют, играют в жгуты на дворе. Много в них живости и веселости. В то же время другие турки обращаются к востоку и не смущаемые ни присутствием нашим, ни играми своих братьев – с благоговением совершают, под открытым небом, свою вечернюю молитву. В числе стражи есть турецкий офицер, балагур и шутник; около него собирается кружок и потешается его рассказами и разными выходками.

Вообще в Турции заметно равенство между различными степенями состояния. Дух братства, вероятно, от того, что степень образованности, то есть необразованности, почти всем общая. Вместе с тем много у них *челядинства*, и турок, немного зажиточный, ничего сам не делает и окружен большей или меньшей прислугой.

В среду (я сбился числами), при восхождении солнца, отворили нам ворота нашей карантинной темницы. Множество барок было уже у берега. Все бросились нагружать на них свою кладь, и через час никого уже не было в карантине. Дул довольно сильный ветер против обыкновенного, ибо он поднимается вообще не ранее десятого часа, – и море *барашилось*. Жене не хотелось пасти это волнующееся стадо, и мы послали в город за portechaise (носилками) и за лошадью, чтобы ехать берегом. Между тем море стихло, и мы спокойно отправились в лодке, под охранением русского матроса, поселившегося в Смирне. Остановились мы по-прежнему в «Августейшей» гостинице.

Был я у паши, московского знакомца. Он немного говорит по-французски, помнит Петербург и многие лица, которых он там знал, и расспрашивал меня о них. Его почитают приверженцем русской системы и потому удаляют его от султана.

Султан заехал в Смирну вопреки маршрута, начертанного ему министерством. Уверяют, что сераскир, другой его beaufrere (зять), умолял его на коленях не заезжать в Смирну, пугая его болезнями, землетрясениями etc. Но, если не удалось им помешать султану быть в Смирне, то успели они ограничить пребывание его в ней несколькими часами, тогда как приготовления и праздники устроены были на несколько часов. По всему видно, что паша в оппозиции. Он очень худо отзывался об египетском паше, которого султан видел в Ро-

досе и от которого принял в подарок богатый пароход, чему Галиль-паша будто верить не хотел, говоря, что это противно последнему торжественному постановлению султана принимать подарки свыше стольких-то ок (мер веса) винограда, груш etc.

Говоря о Ламартине, недавно проехавшем через Смирну, припоминал он слова его в Палате депутатов, что Турция – это труп; и я сказал, что тогда Ламартин – червь, который питается этим трупом, что очень рассмешило пашу.

Я просил его держать построжее своего нового помещика. Он отвечал мне, что не боится его. Вообще пашу очень хвалят за деятельное и хорошее управление. От него поехал я на Мост Караванов и опять не видал ни единого верблюда.

Вместо пятницы пароход отправился в четверг. К четырем часам переехали мы на него в лодке, которую порядочно качал противный ветер, но русский матрос перевез нас благополучно. На пароходе нашли мы знакомое семейство муллы, бывшего в Иерусалиме, и очень дружно жили с гаремом его, на пароходе, очень обходительным и даже не закутывающим лица своего. Ветер был сильный и совершенно противный. Мы шли медленно, пароход скрипел во всю мочь, но качка была сносная. Нервы мои сначала несколько взбудоражились, но вскоре угомонились, и все обошлось благополучно.

Ночью остановились мы у острова Мителена и нагрузили на наш пароход около ста сорока негров и негритянок, –

более последних, которых везли на продажу в Константинополь. Вот тебе и работоторговля, против которой так либерально толкуют и так либерально крейсируют на далеких морях и которая здесь открыто производится под австрийским флагом. Впрочем, негры эти казались очень покойны и даже веселы, лежа на палубе, как скотина. Их ощупывали и осматривали, чтобы видеть, нет ли каких телесных пороков. Охотники и знатоки определяли, каждому и каждой, чего тот или другая стоит. Кажется, средняя цена от 1500 пиастров до 2000 и 2500. Но капитан парохода говорил, что совершить покупку на пароходе он не дозволит.

Нас пугали усиления качки в Мраморном море, но ветер к вечеру утих, и мы спокойно проспали последнюю ночь нашего плавания.

В субботу, 24 июня, к десяти часам утра, бросили мы якорь в красивом Константинопольском рейде.

В том или другом восточном городе славятся в особенности какие-нибудь плоды, например сидонские абрикосы (белокожие). Но вообще нет для фруктов лучшего климата как Милютинские лавки. Здесь нет поры зрелости для плодов. За неумением и неимением средств сохранить их в холодном месте, срывают их с дерева зелеными, да и пора их кратковременна. То их еще нет, то их уже нет. Восток роскошен только в *тысяче и одной ночи*. Какая роскошь в стране, где женщины невидимки.

Буюкдере. Мы переехали сюда в дом Титова 28 июня. Утром в Пере около 5 часов утра пробудило нас легкое землетрясение. Встал с постели. Все в воздухе, на небе, на море, на земле было тихо и ясно. Волновалась одна внутренность земли. Нас провожало из Перы землетрясение (8 апреля), и на обратном пути почти встретило землетрясение. Неприятная мысль, что если было одно землетрясение, почему не быть еще землетрясению завтра, послезавтра и так далее. Землетрясения, по несколько пароксизмов в день, были же, как лихорадка, Смирну в течение целого месяца.

Ламартин нанизывал фразы перед Фуад-эффенди о благоденствии Турции, которую он не узнает, так много подвигнулась она на дороге успехов и улучшений. «Это огромный прогресс, настоящее воскресение», – отвечал ему Фуад, лукаво намекая на прежние слова Ламартина, который на трибуне говорил, за несколько лет перед сим, что Турция это труп. Ламартин попал на мель и закусил губы.